

Фарид Джасим
Восхождение

Фарид Джасим

Восхождение

«Автор»

2019

Джасим Ф.

Восхождение / Ф. Джасим — «Автор», 2019

Над Землей обнаружена таинственная черная сфера. Невидимая на радарх и неуязвимая для обычных средств ПВО, она бесцеремонно нарушает воздушное пространство многих стран. Скоро ни у кого не останется сомнений в ее неземном происхождении. И тогда наступает момент первого контакта. Могущественный конгломерат разумных цивилизаций прибывает на Землю, чтобы открыто заявить о себе и о цели своего визита. Они предлагают людям величайший дар: нечто, что в корне изменит жизнь каждого индивида на Земле и всего человечества в целом. Казалось бы, земляне получили бесплатный билет в рай. Но такой рай выгоден далеко не всем. Мировая элита предчувствует потерю влияния и богатства. Простой конторский служащий Эрик — один из тех, кто с восторгом принимает невероятный дар инопланетян. Но удастся ли Эрику и его товарищам одолеть тех, в чьих руках деньги и власть? Нелегко одержать победу, если противник — мощнейшая сверхдержава планеты. Ведь цена для каждого в отдельности может оказаться слишком дорогой.

© Джасим Ф., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог. Находка	6
Часть первая. Черная сфера	8
Часть вторая. «Молоток»	67
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Фарид Джасим

Восхождение

Принцип «око за око» сделает весь мир слепым.
Махатма Ганди

*Только две вещи в мире бесконечны: Вселенная и человеческая
глупость. Впрочем, насчёт Вселенной я не уверен.*
Альберт Эйнштейн

Пролог. Находка

Ничто расцвело бесчисленными звездами. Путь длиной в миллионы световых лет завершился в то же самое мгновение, в какое начался, и открыл взору наблюдателей Цель. Ту самую, которая долгие столетия манила и звала, даря надежду и разжигая любопытство. Технологический рывок сделал невозможное возможным, и объект мечтаний наконец превратился в объект непосредственного изучения. Соседняя галактика, некогда невероятно далекая и совершенно недостижимая, предстала во всей своей красе, поражая воображение колоссальным числом звезд, огромными пылевыми облаками, безбрежными туманностями, раскинувшими пестрые крылья на многие десятки световых лет, и бесчисленным множеством всевозможных планет.

В этом громадном калейдоскопе разнообразных форм примитивной материи затерялось нечто, что прибывшим наблюдателям предстояло найти. Нечто, ради чего они истратили невероятное количество энергии и преодолели немислимое расстояние. Находка даст важные ответы и разрешит терзающие ум загадки. А самое главное – позволит завершить начатое.

Поиск начали незамедлительно. Разведывательные зонды вынырнули в разных точках галактики и разлетелись по всем направлениям, скрупулезно просвечивая межзвездное пространство, перебирая фотоны излучения, сканируя встреченные на пути планеты и пылевые облака. Потоки данных стекались в центральную систему, обрабатывались и анализировались сверхмощным интеллектом наблюдателей. Время шло, обширные области галактики отсеивались одна за другой, пока зонды не засекали упорядоченный поток электромагнитного излучения. Замеры продемонстрировали слабую интенсивность, однако этого оказалось достаточно, чтобы система забила тревогу, а наблюдатели сосредоточили внимание на странном рассеянном потоке излучения, несущемся по просторам космоса. Тщательный анализ выявил необычную сложность потока, несвойственную примитивным силам природы. Упорядоченность его составных элементов явилась ярким маяком, который неоспоримо указал на присутствие умысла.

Расшифровать поток упорядоченного электромагнитного излучения было нелегко, процесс поглотил массу ресурсов, но результат не оставил у наблюдателей никаких сомнений – скачок через бескрайнюю пропасть между галактиками, долгий изнурительный поиск и громадные энергозатраты оправдали себя. Сигнал оказался искусственного происхождения и описывал предположительно разумных существ. Они обитали на каменистой планете, на которой имелось много жидкой воды, жили в сообществах, активно взаимодействовали друг с другом и с природой вокруг себя и отчетливо проявляли признаки самосознания. Был ли сигнал активирован и послан в пространство ими самими или неким третьим субъектом, пока оставалось неясным.

Отследить источник не составило труда. Недалеко (по космическим масштабам) от точки, где упорядоченное излучение зарегистрировали впервые, обнаружилось множество планет, но лишь одна из них была похожа на описанную в расшифрованных сигналах. Она вращалась на окраине галактики вокруг ничем не примечательного желтого карлика. Сигнал, очевидно, исходил от этой планеты или из ее окрестностей.

Наблюдатели совершили малый скачок через пространство и переместились в пределы найденной звездной системы. Осмотрелись, отметили еще несколько планет разного размера и состава. Во всей системе оказалась только одна, на которой вода на поверхности могла находиться в жидком состоянии. Наблюдатели протянули гравитационные щупальца к третьей от звезды планете, объехали ее целиком, вчувствовались во все, что на ней существовало, – ощутили и воду, и высокие горы, и студеные полярные шапки, и горячие области экватора. Но не это было главным, ведь жидкая вода и горы имеются на многих планетах.

На крошечном островке материи, затерянном в глубинах космоса, обнаружилось нечто настолько ценное, что заставило наблюдателей ликовать. В этом чужом и далеком краю нашлось то, что могло стать новой частицей громадного организма. Поиск увенчался успехом, и в результате великий Проект получил долгожданный шанс на удачное завершение. Оставалось сделать самую малость.

Часть первая. Черная сфера

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Постучали. Миг спустя дверь распахнулась, и в кабинет вошел стройный молодой человек в темном костюме и бордовом галстуке. В руках – пластиковая папка с распечатками документов и флеш-накопителем.

– Разрешите, миссис Таунсенд? – Негромкий вежливый голос, весь вид демонстрирует ужасную неловкость от того, что пришлось беспокоить начальницу. Анджела порой задумывалась, вправду ли мальчику так неловко, когда переступает порог кабинета, или он просто хороший актер? Ответа пока не было, секретарь сравнительно недавно вступил в должность.

– Спасибо, Мэттью, – поблагодарила она, не отрывая взгляда от экрана ноутбука, – можешь идти.

Молодой человек неслышно исчез, плотно притворив за собой дверь. Анджела пыталась сосредоточиться на новостных сообщениях, но страшная боль чудовищно сдавливала виски, отдаваясь искорками в глазах, отвлекала и дразнила. Приступ мигрени не проходил вторые сутки кряду. Если бы не эта подозрительная история с НЛО, взяла бы больничный. Но только не сегодня. Экстренный доклад президенту уже вечером, а у нее – у советника по чрезвычайным ситуациям! – на руках ничего, кроме сообщений информагентств, которые транслируются на всех телеканалах.

Анджела сняла очки, устало потерла переносицу. Потом достала пару таблеток ибупрофена из ящика стола. Запив их стаканом воды, встала и направилась к кофеварке за очередной порцией кофе. Господи Иисусе, как же больно...

Держа чашку благоухающего напитка в руках, она подошла к открытому окну, выглянула в сад. Порыв летнего бриза принес соленые запахи океана, смешанные с ароматом свежескошенной травы под окном. Особняк, куда она каждый день приезжала на работу, венчал собой вершину небольшого холма неподалеку от восточного побережья в окрестностях Вашингтона, округ Колумбия. Перенести офис сюда – всецело ее идея, благо на административные решения у нее был карт-бланш. Здесь работалось легко и споро... когда не мучила мигрень.

Отпила глоток, другой. Горячий черный кофе приятно обжег язык и гортань. Надо немного подождать: скоро подействуют таблетки, и боль отступит. Но Анджела знала – облегчение будет временным, если уж мигрень накатила раскалывающей череп волной, то приступ затянется на дни. Только бы к юбилею на следующей неделе не случился новый, иначе будет досадно: муж и дети обещали к ее пятидесятилетию приготовить замечательный ужин и массу любопытных сюрпризов, а она все испортит своей кислой физиономией и ибупрофеном, с которым и бокала вина не выпить. Взять бы пару днейков отгула, отдохнуть, но не выйдет. История с проклятой черной сферой набирает обороты, надо докладывать президенту. А докладывать нечего... Нечего?

Анджела резко развернулась, кофе выплеснулось, ожгло пальцы. Папка! Преодолев в два широких шага расстояние от окна до рабочего стола, она рухнула в кресло и схватила папку, несколько минут назад оставленную секретарем. Затем опомнилась, торопливо вытерла салфетками облитые кофе пальцы и крепко выругалась: на пластике остались темно-коричневые пятна.

Пару секунд спустя она наконец осторожно достала распечатки, отложив флешку в сторону, и принялась читать.

Тонкие брови удивленно взлетели, сердце заколотилось, внутри похолодело от нехорошего предчувствия. Вот оно! Есть! Она читала, глотая абзац за абзацем, а в голове истерично билась мысль: если сообщение ЦРУ подтвердится, то это... самая что ни на есть чрезвычайная ситуация!

Надо срочно связаться с Джоном Хантом и Гари Локманом – американскими послами в России и Китае, – причем звонить самой и напрямую. К дьяволу ЦРУ с их бюрократическими проволочками, подтверждение необходимо получить прямо сейчас!

* * *

Утро выдалось солнечное. Нежные облака неторопливо плыли по безукоризненно синему небу, ветерок играл верхушками тополей, купающихся в теплых лучах солнца. Райскую картину дополняла соловьиная трель – заботливый самец улаживал слух своей подруги где-то поблизости, пока та плела гнездо в кустах под балконом.

В такое утро спать совсем не хотелось. Эрик чувствовал себя бодрым и отдохнувшим, если не считать легкой головной боли. Откинув одеяло, он резво встал, выгнулся дугой. Кости затрещали, мышцы и сухожилия натянулись, убыстряя ток крови.

– Где шлялся опять? – раздалось из-за спины.

Эрик обернулся к жене, широко и с волчьим завыванием зевнул, почесался.

– Тебе не все равно? – небрежно бросил в ответ.

– Может, и нет.

– Да неужели? Ты ж вчера сказала, что уходишь от меня?

– Но ведь не ушла еще!

Эрик тяжело вздохнул, выглянул в окно. Соловей запел еще залиvistее, настойчиво требуя внимания.

– Сандра, не порти такое славное утро, а? Посмотри в окно, благодать же!

Оставив жену наслаждаться прекрасным видом из окна пятого этажа, он направился в ванную. Холодный душ взбодрил, а чашка горячего кофе сняла остатки чугушной тяжести в голове от прокуренной кухни Магнуса, его коллеги и товарища, с которым они частенько проводили вечера, – а то и ночи, как, например, вчера – в беседах, спорах и прочем философствовании. Теперь, когда отношения с женой стали хуже некуда, Эрик старался гостить у друга столько времени, сколько позволяли запасы печенья и кофе – и элементарное приличие. К счастью, Магнус жил один и на соблюдении приличий не настаивал.

В это утро Сандра решила обидеться всерьез, и завтрак прошел в молчании. А потому появилась возможность отпустить мысли в свободное плавание, перебрать в памяти все, что собирался сделать в этот прекрасный летний день, и спланировать рабочие задачи.

Но благодатная тишина не может длиться вечно, не стоит и рассчитывать.

– Эрик, я так больше не могу!

Он заморгал, с трудом отвлекаясь от раздумий, посмотрел на жену:

– Чего?

– Да ничего! Не могу я так жить! – Сандра резко опустила чашку, стукнув доньшком о стол. Кофе выплеснулось, темно-коричневые струйки побежали по фарфору, собравшись в лужицу.

– Значит, ты решила умереть? – серьезно поинтересовался Эрик.

Несколько секунд она молчала, ошарашенная услышанным, потом раздраженно воскликнула:

– Перестань надо мной издеваться! Перестань!

– Хорошо, – он пожал плечами, наблюдая, как Сандра пытается взять себя в руки, сделать строгое и надменное лицо. Когда ей это удалось, она взглянула с вызовом и сдавленно спросила:

– У тебя кто-то есть?

Эрик молчал почти минуту, глядя в зеленые глаза жены. Потом ответил тихо:

– Да.

Сандра сглотнула комок, но решила оставаться спокойной, исполненной самообладания женщиной, готовой встретить любые, даже самые жестокие, удары судьбы.

– Гм... спасибо за откровенность. И кто она?

Эрик почесал в затылке, потом сказал:

– Вообще-то их много. У меня есть... мм... у меня есть мама, ее зовут Хелена Свенсон, брательник есть, Алексом зовут, сестричка тоже есть, правда, двоюродная, но все равно есть, ее ты тоже знаешь – Йоханна. Родная тетя – Анника. Еще есть парочка дядь, но я видел их последний раз лет пятнадцать назад. А вот папы нет, развелся он с мамой давно, с тех пор о нем ни слуху ни духу, но где-то быть должен. Ну вроде все...

– Эрик! – Сандра задохнулась, позеленела от злости. Она взвилась из-за стола, точно рассерженная кобра, и со страшным шипением выбежала из кухни. Через секунду хлопнула дверь спальни.

Довольный, Эрик налил еще кофе и принялся неторопливо потягивать его, подставляя лицо влетающему в открытую форточку сквозняку. Выглянул в окно – дети высыпали во двор, а с ними мамы, няньки и бабушки, а за бабушками собачники с питомцами, и скоро утренняя тишина сменилась привычным дворовым гамом. Утро среды, но малышня не разбирает дней недели, особенно во время сезона отпусков и каникул. Погода стояла прекрасная, словно сама природа радовалась скорому и очевидно неизбежному разводу Эрика.

– С меня хватит! Я ухожу! – раздался визг. Сандра появилась в дверях кухни заплаканная, с дрожащими от гнева губами. В руках – спортивная сумка, туго набитая шмотками, кремами, духами и прочими крайне необходимыми предметами.

Эрик допил кофе, встал.

– Погоди, – сказал он, – сейчас вместе выйдем, мне тоже пора.

Сандра зарычала, выругалась и, развернувшись так резко, что полы сарафана взлетели до самой середины крепких загорелых бедер, выметнулась из кухни. В прихожей послышался грохот, что-то свалилось, потом щелкнул замок и через секунду мощно хлопнула входная дверь. Стекла на кухне задребезжали, но удар выдержали.

Эрик проверил, не треснул ли косяк двери, и отправился в спальню одеваться. До начала рабочего дня оставалось не более четверти часа.

* * *

В конторе было тихо и безлюдно. Весь персонал сгрудился в большом зале совещаний. Еженедельное собрание, которое по обыкновению проводилось в шведских госучреждениях по средам, уже началось. Опоздав на работу, Эрик счел за лучшее не маячить перед шефом, а потому прямым ходом направился к своему рабочему столу.

– Здорово! – бросил он Магнусу, который также уваливал от собрания. Наверное, тоже опоздал. Тот сидел, сторбившись перед монитором, и вчитывался в статью одного из электронных изданий.

– Нет, ты только глянь! – воскликнул друг вместо приветствия, не отрывая глаз от экрана. – Опять НЛО обнаружилось!

– Хорош эту хрень читать, – проворчал Эрик, включая свой компьютер. – «Афтонбладет»¹ ничего умного не напишет. Кстати, я выгнал жену из дома.

– Зря ты так, – укоризненно покачал головой Магнус, отчего свежевыбритая лысина заиграла бликами, – зря поклеп возводишь, «Афтонбладет» частенько печатает интересные интервью.

– Ага, интервью с инопланетянами, например. Брехня одна. Ты про жену-то слышал?

– Слышал, слышал, вот где брехня! Жену выгнал, ага, как же!

– В смысле? – нахмурился Эрик, хотя смутно догадывался, к чему клонит приятель.

– Сама ушла, а не выгнал! Вряд ли ты кого-то когда-то смог бы *выгнать*.

– Да, – вынужденно признал Эрик, – но я этому активно не мешал.

– Активно не мешал? – Магнус недоумевающе воззрился на друга. – Это как?

Эрик отмахнулся, не желая развивать тему. Компьютер загрузился и открыл нужные программы, предлагая хозяину окунуться в работу, что тот и сделал, стараясь игнорировать доносящийся от соседнего стола нудный пересказ статьи из желтой прессы об НЛО, замеченном над стокгольмскими шхерами.

Рабочий день протянулся изнуряющей чередой встреч, телефонных звонков, чтения и написания мейлов, бесед с коллегами и всяких дел, от которых голова кипела и чугунела, не оставляя иного выбора, кроме как выпить болеутоляющее перед выходом из офиса. Так замотался, что пропустил несколько звонков от матери, а перезвонить позже забыл.

Домой не хотелось: там ждут одиночество и тишина опустевшей квартиры – некогда такие желанные, но теперь вдруг ставшие чуждыми и непривычными. Нелегко принять тот факт, что к одиночеству следует привыкать постепенно. Это одна из тех истин, которые не осознаешь по-настоящему, пока не попробуешь сам.

Покачиваясь в вагоне метро, Эрик размышлял о своих тридцати прожитых годах. Пять из них он провел с женщиной, которую любил. Или думал, что любил. Теперь ее нет рядом и, скорее всего, уже не будет, и это вроде бы хорошо, даже очень, но... почему-то хотелось напиться. Сознывая, что еще молод, он все же не мог отделаться от ощущения, что жизнь подошла к концу и пора подводить итоги. А итоги пока не оправдывают ожиданий: простой госслужащий в бюро по трудоустройству, без особых перспектив в карьере, живет в съемной квартире, собственное жилье пока не по карману, да и заметного стремления что-то менять не ощущается. Быт – затхлая рутина, которую развеял состоявшийся наконец развод с Сандрой. Внешность вполне заурядная – хотя женщины обычно находят его привлекательным, – высокого роста и крепкого сложения, рыжеватый, коротко стриженный, с веселыми ярко-синими глазами, которые сейчас смотрят грустно и тоскливо. В душе тлеет медленным огнем ожидание долгого одиночества. Парадокс – одиночество, которое развеяло скуку...

Выходя из метро, бросил взгляд на газетный анонс все той же «Афтонбладет»: огромная фотография пожилого мужчины с лицом, перекошенным от страха, а под ней заголовок крупными буквами: «Рыбак Бьёрн шокирован зрелищем НЛО», и дальше чуть мельче: «Черная сфера пролетела в метре над его лодкой».

Эрик выругался и покачал головой, не зная, чему поражаться больше – дурости тех, кто печатает такие «новости», или недоумию тех, кто эту брехню взахлеб читает?

* * *

Следующий день оказался не менее тяжелым и нудным, полным дел, забот и хлопот. Эрик выкладывался по максимуму, почти не отходил от рабочего места, пропускал перерывы на кофе, но успел-таки завершить то, что запланировал себе на день. И это несмотря на неод-

¹ «Афтонбладет» – одна из самых популярных «бульварных» газет Швеции.

нократные попытки Магнуса отвлечь его взволнованным рассказом о новом полете НЛО, в этот раз над пахотными полями в Сконе на юге Швеции. Стороннему наблюдателю могло показаться, что он хвастается собственными успехами.

Когда рабочий день наконец отшумел и компьютер с облегченным вздохом вырубился, Магнус предложил зайти к нему на кофе. Эрик охотно согласился, сейчас общество товарища было особенно кстати. Придется, однако, терпеть сигаретный дым и болтовню о магах, экстрасенсах и НЛО, но это лучше, чем в одиночку сидеть в пустой квартире с тяжелым камнем на сердце.

– Тебе как всегда? – поинтересовался Магнус, когда они удобно расположились на кухне в мягких икеевских стульях с подлокотниками.

Эрик хмуро кивнул, почесывая рыжеватую трехдневную щетину, и принял чашку черного кофе, дымящегося и источающего щекочущий ноздри аромат.

Магнус сел напротив, раскурил сигарету. Свет висящей над столом лампы отражался яркими бликами на сережке в мочке правого уха.

– Хреново?

– Ага, – Эрик вздохнул, – не ожидал, что желанное одиночество окажется так трудно пережить...

– Ха! А ты как думал!

– Да никак не думал!

Эрик поморщился от расплывающегося никотинового облака, встал и прошелся по тесноватой кухне. Замер у окна, посмотрел вдаль, на кроны деревьев и крыши соседних одноэтажек.

– Знаешь, – решил Магнус сменить тему, – сегодня опять была статья об НЛО.

– Догадываюсь, в какой именно газете, – усмехнулся Эрик и бросил с презрением: – Желтизна и бульварщина!

Магнус не обратил внимания на замечание, невозмутимо продолжал:

– Сегодня его видели в нескольких областях над Сконе и даже над окрестностями Мальмё.

– Не понимаю, – Эрик вернулся к своему стулу, сел, закинув ногу на ногу, – не понимаю, с чего газетные писаки вообще решили, что это НЛО?

– А ты вспомни, что означает сама аббревиатура. Это объект. Он летает. И при этом не опознан. Что еще нужно, чтоб назвать его НЛО?

– Ладно, ладно, логичный ты мой, пусть будет НЛО. Только в аббревиатуру следовало бы добавить букву «В».

– Что значит...

– Что значит «временно», – пояснил Эрик. – В смысле временно неопознанный. Ставлю тысячу крон – через пару дней выяснится, что американцы или русские испытывают новый беспилотник, и все дела.

– То есть, – подытожил Магнус, – в инопланетян ты по-прежнему не веришь?

– При чем здесь вера? Мы же не о религии говорим. – Он сделал пару глотков, смакуя терпкую ароматную горечь, продолжил: – Я не утверждаю, что мы одиноки во Вселенной, хотя и обратное еще никем не доказано. Просто мне кажется крайне маловероятным, что они – инопланетяне – решат потратить громадное количество ресурсов, чтобы преодолеть колоссальные расстояния между звездами и прилететь к нам. Зачем? Для чего? Банальное завоевание? Смешно, вспоминаю дешевые космические оперы.

– Что здесь смешного?! – возмутился Магнус. – Какая опера? Всякой развитой цивилизации необходимы ресурсы! Энергетический голод...

Эрик поднял ладонь, заставив его замолчать, и заговорил менторским тоном, словно читал лекцию студентам:

– Цивилизация с потенциалом, достаточным для того, чтобы преодолеть огромные расстояния, лишиться уймы времени и сил и прилететь сюда, скорее всего, в состоянии решить проблему с ресурсами без истребления или завоевания иных цивилизаций. Этот процесс – то есть завоевание и истребление – также требует больших энергетических затрат. В результате имеем замкнутый круг: летят, чтоб завоевать, и завоевывают, чтоб лететь дальше. Бред какой-то!

– Ну-у... – неуверенно протянул Магнус, – могут быть и другие причины...

– Какие? Обняться наконец с давно искомыми братьями по разуму? Глупо, наивно. Обменяться технологиями? Еще глупее: если они смогли прилететь сюда, то на фига им наши примитивные технологии? Или одарить нас своими, как манной небесной, за так, нахалюву? Вообще нелепость. Подобные мотивы, возможно, придется по вкусу режиссерам из Голливуда – штамповать тупоумные ужастики, гордо именуемые научно-фантастическими фильмами. Но любой здравомыслящий человек должен понимать, что реальность выглядит куда как скучнее, прозаичнее.

– То есть ты утверждаешь, что у инопланетян нет ни единой причины, ни одного... мм... так сказать, стимула прилетать к нам?

– Нет, я этого не утверждаю. Думаю, такая причина существовать в принципе может, но только я себе представить ее никак не могу. Если она есть, то... – Эрик задумался на мгновение, глотнул кофе. Потом покачал головой. – Нет, не могу вообразить, *что* может заставить цивилизацию пойти на такую трату ресурсов. Это должно быть нечто настолько грандиозное, глобальное и вселенски важное, настолько...

Не нашел подходящего слова, но заметил по взгляду Магнуса, что тот уловил мысль.

– Что это может быть такое?

– Ни малейшего понятия, – пожал плечами Эрик, – просто не представляю.

– Я тоже, – с досадой вздохнул Магнус. – Значит, это не они.

Эрик рассмеялся, похлопал товарища по плечу.

– Не вешай нос, дружище, прилетят еще твои марсиане, не горюй.

Он встал, потянулся.

– Ладно, пора мне уже, пойду наслаждаться новообретенной свободой.

– Если ты по девочкам собрался, то я с тобой!

– Да ну что ты, – усмехнулся Эрик, направляясь к выходу, – наша контора столько не платит.

Магнус покивал, раздосадованный и понурый, проводил друга до двери.

Эрик решил пройтись пешком и насладиться тихим летним вечером. Солнце еще не село, польхало над самым горизонтом, окрашивая облака пестрой закатной палитрой. Стокгольмские улицы начинали пустеть, народ торопливо расходился по домам – завтра новый рабочий день.

Придя домой, Эрик первым делом включил телевизор – величайшее с точки зрения психологии изобретение человечества в двадцатом веке. Исключительно важная и даже незаменимая для обычного человека вещь, поскольку создает сносную иллюзию, что ты в доме не один. Очень востребовано во всем мире, но особенно в Швеции, которая лидирует по количеству одиноко живущих людей.

Пока готовил себе сэндвич, слушал краем уха выпуск новостей. Диктор скороговоркой вещал о замеченном над Сконе черном шаре, который, по словам очевидцев, летал над полями, распугивал коров и овец, а собак заставлял заходиться в истеричном лае. Затем шар исчез из виду, умчавшись в направлении Копенгагена.

– Господи, что за бред, – проворчал себе под нос Эрик, откусывая от бутерброда.

Держа его в одной руке, а стакан с чаем в другой, он вошел в гостиную и замер в удивлении. Только теперь, глядя на экран, осознал: выпуск об НЛО передавался в новостях на главном государственном канале.

Слегка ошарашенный, Эрик присел на краешек софы и задумался. Обычно новости его не особенно интересовали, телевизор он включал скорее для фона. Но теперь сообщения об НЛО переключались со страниц желтых газет на госканал. Бред какой-то! Или мир сошел с ума, или... происходит нечто любопытное. Посмотрим, что скажут завтра.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Анджела мерила шагами кабинет, в который раз перечитывая сообщение от своего контакта в ЦРУ, и едва сдерживала желание скомкать листок бумаги, пестревший скупыми строками. Сердце колотилось в груди, в животе сводило холодом.

Встав у открытого окна, она прикурила сигарету, сделала пару глубоких затяжек. Вроде и бросила, но на этой нервной должности то и дело случались такие стрессы, когда без сигареты или виски работать не получалось. Сейчас она предпочла никотин.

Докурив, Анджела вернулась к рабочему столу, отложила слегка помятую распечатку в сторону и вставила флешку в разъем ноутбука. Пара кликов, и на экране вновь заиграло видео – запись с камер наблюдения на парковке возле рыбного ресторанчика «Эль-Ретен» в окрестностях Халапы, столицы провинции Веракрус в южной Мексике. Строчка в верхнем правом углу кадра показывала: половина третьего утра, среда, десятое июля. Парковка пуста, ресторан давно закрыт. С дороги сворачивает старенький субару, паркуется в крайнем «кармане». Из автомобиля выходит коренастый мужчина в сопровождении невысокой сгорбленной женщины в платке, судя по осанке и движениям – престарелой. Лица женщины не видно, а вот мужское мелькнуло на несколько секунд, когда мужчина повернулся запереть машину. Этого оказалось достаточно для опознания, хотя фото пришлось прогнать по всем базам данных. Имя – Фредерико Гонсалес, сорока двух лет, не женат, сирота. В отдельном окошке высветились личные данные: домашний адрес и телефон, номер карты медицинского страхования. Внешность говорила об индейском происхождении, но одет он был в обычные джинсы и рубашку, на голове – сдвинутое на затылок сомбреро. Фредерико и пожилая женщина вели разговор, он то и дело размахивал руками, энергично жестикулировал. Женщина лишь кивала, что-то говорила в ответ. Так продолжалось несколько минут, а затем наступило самое интересное – Анджела чуть не подавилась кофе, когда смотрела запись в первый раз.

На часах 2:45 пополуночи. Сверху и слева в кадр wpłyвает большое черное пятно и медленно опускается в центре парковочной стоянки. Пятно, освещаемое тусклыми лампами на ржавых фонарных столбах, не излучает ни кванта света. Черная сфера издали выглядит абсолютно круглой, диаметром примерно в три легковушки, если поставить их бамперами друг к другу. На стороне, обращенной к видеокамере, появляется вертикальный овальный проем, очевидно дверь. Заметно, что аппарат изнутри освещен, но с этого ракурса съемки не видно содержимого. Фредерико наклоняется, обнимает сгорбленную женщину, та хлопает его по широкой спине, затем они размыкают объятия, и мужчина медленно идет к сфере. Он входит внутрь, проем исчезает, становясь сплошной стенкой. Через несколько секунд сфера медленно и плавно поднимается в воздух и покидает кадр.

И тут происходит невероятное. Анджела прокручивала этот момент раз пять, желая убедиться, что ей не показалось и она не ошиблась: женщина, оставшаяся в одиночестве на пустой парковке, медленно исчезает! Или, наверное, правильнее сказать – растворяется. Растворяется, точно кубик сахара в горячем чае: сначала округляются и осыпаются края, потом истончается нутро – и вот больше нет кубика, вместо него лишь россыпь кристалликов на дне. А несколько мгновений спустя исчезают и они. Примерно так же Анджела описала бы то, что произошло

с женщиной на парковке. Подлинность записи подтвердила экспертиза: это не монтаж и не подделка, – и от этого становилось жутко. Как женщина проделала такой фокус, с какой целью и что у нее за связь с наделавшим шуму летательным аппаратом, оставалось загадкой. И на эту загадку предстояло найти ответ.

* * *

Пятница – самый мрачный день в шведских госучреждениях. Работать еще надо, но уже совсем не хочется. Те несчастные, которым не удалось взять отгул, понуро бредут в офис, где за чашкой кофе начинают день вздохами, рассказами о своей усталости и обсуждением с коллегами планов на выходные.

Эрику повезло больше, чем другим. Нет, отгула он не получил, и везение заключалось именно в этом. В первый раз в жизни он шел на службу в пятницу, преисполненный радости и льющего через край трудолюбия. Лучше в офисе, чем одному дома. Поработать бы еще на выходных...

Магнус вяло поприветствовал его, но, вопреки ожиданиям, ни словом не обмолвился об инопланетянах или НЛО. Эрик предположил, что либо новой информации из СМИ пока не поступало, либо приятель просто-напросто охладел к этой теме. Как бы там ни было, Эрик порадовался возможности погрузиться в работу и не отвлекаться на пустяки.

Против обыкновения, в этот день он не взял с собой еду из дома, а решил сходить на обед в ближайший ресторан. После сытного ланча Эрик передислоцировался в открытое кафе «Стамбул» на противоположной стороне улицы, где подавали изумительный, вручную сваренный кофе.

Подошла официантка – молоденькая девушка, почти ребенок, нос и уши в веснушках, лоб в прыщах. Улыбнулась мило, спросила, что желает. Он заказал кофе.

– По-турецки? – уточнила она.

– А что, только турки заваривают кофе в джезве? Я всегда думал, что арабы были первыми на этом поприще, – задумчиво проговорил Эрик.

Девушка замялась, не зная, что ответить, даже покраснела. Эрику стало жаль ее, он улыбнулся:

– Хорошо, хорошо, принесите по-турецки, пожалуйста.

Официантка радостно кивнула, чиркнула что-то в блокнотике и умчалась выполнять заказ.

Нервно затренькал сотовый. Мелодия звонка выдала Сандру.

– Господи, ты ж вроде ушла, – пробормотал Эрик себе под нос, доставая мобильник.

Сандра хотела встретиться и поговорить. Разумеется, о чем-то исключительно важном. Эрик сказал, что сидит в «Стамбуле», и она пообещала приехать через полчаса. Естественно, это не следовало понимать буквально, решил Эрик, женское ощущение четвертого измерения несколько отличается от мужского, поэтому он приготовился к долгому ожиданию. А пока не принесли заказ, пересел за столик удобней и уютнее, на некотором расстоянии от прочих занятых столов. Был, однако, не уверен, что сможет дождаться жены: в конторе осталась кипа работы, которую надо завершить до вечера, а обеденный перерыв подходил к концу.

Принесли ароматный, затянутый пышной коричневой пенкой кофе. Желая скоротать время, он достал телефон и принялся листать новости. Ведущие шведские издания пестрели заголовками о таинственной черной сфере, которую видели во многих странах центральной и восточной Европы нынешним утром. Причем среди очевидцев оказались даже представители командования ПВО Российской Федерации, которые официально заявили, что данный объект не принадлежит российской армии. Пресс-секретарь президента рекомендовал журналистам обратиться за разъяснениями к американскому командованию, намекая, что объект принадле-

жит им. К тому же пригрозил, вероятно также американцам: если объект еще раз обнаружится в воздушном пространстве России, то будет немедленно сбит. Эрику стало любопытно, почему объект до сих пор не сбили ни в одной стране, в которой его видели? В России, например, сферу наблюдали над Смоленском, в окрестностях Санкт-Петербурга и в Карелии, а последнее сообщение пришло с северного Урала. Наблюдали, но не сбили. Почему? Не смогли? Побоялись? А пытались ли вообще? Ни одна газетная статья не давала ответов на эти вопросы. Эрик, к своему сожалению, не владел русским, а то заглянул бы в российскую прессу. Но англоязычные издания, которые он просмотреть и понять мог, не добавляли ничего нового к тому, что уже было известно, кроме разве что такого факта: Пентагон на данный момент официально воздерживается от комментариев. Вполне вероятно, заключил Эрик, что американские военные сделали очередной рывок в перманентной гонке вооружения с остальным миром и теперь демонстрируют мощь своих новых несбиваемых беспилотников.

Эрик озадаченно хмыкнул, оторвал взгляд от экрана. Любопытно, в самом деле. Черная сфера... Вряд ли это инопланетяне... но что же тогда? Террористы? Американцы? Так или иначе, но скоро ситуация прояснится – это единственное, в чем Эрик был абсолютно уверен.

Глянув в сторону, он чуть не подпрыгнул от удивления. У обочины припарковалось такси, из которого выпорхнула и заспешила к кафе Сандра. Он взглянул на часы и не поверил глазам. Заканчивалась двадцать девятая минута с момента ее звонка. Бывает же такое! Наверняка просто случайность.

Сандра сразу заметила мужа и, обходя столики и носящихся туда-сюда официанток, уверенным шагом направилась к нему, словно крылатая ракета с тепловым наведением, которая засекла цель.

– Привет! – Сандра уселась напротив, сразу же достала сигарету и нервно закурила, окатив супруга клубами сизого дыма. В это мгновение она отчего-то показалась Эрику особенно красивой. Зеленые глаза поблескивают (то ли от никотина, то ли от чего-то еще), каштановые волосы стянуты в тугий узел на затылке; маленькие пухлые губки обволакивают сигарету, посасывают ее, оставляя на фильтре розовый след помады; низкий вырез сарафана открывает начало ложбинки меж двух приятных, упругих на вид округлостей; красивые изящные руки на столе, длинные тонкие пальцы элегантно держат сигарету, дымок от нее поднимается неровный, завитушками.

– Чего смотришь? – спросила она.

– Просто люблюсь, – честно ответил Эрик. Ей это явно понравилось, хотя она постаралась не подавать виду.

– Эрик, я пришла поговорить с тобой, мне очень надо.

– Что-то случилось?

– Да... – Она затянулась, выпустила сноп дыма, словно огнедышащий дракон. Глаза заблестели сильнее. Наверное, от едкого дыма, вон его сколько.

– И что же?

Он подозвал официантку, заказал еще кофе.

– Эрик... знаешь, мне... мне очень не нравится то, что между нами происходит.

– А что происходит?

– Будто ты не знаешь! Или опять издеваешься?

Сандра подозрительно сощурилась и сморгнула слезы, которые не смогла удержать. На лице остались две мокрые дорожки. Эрику стало не по себе, ему вовсе не нравилось доставлять ей страдания, он ощутил жалость и неизбежное предательское чувство вины.

– Я не издеваюсь, я в самом деле не знаю, что происходит. Вижу, что-то происходит, а вот что именно, понять не могу.

Сандра молчала, рассматривала его, поигрывая сигаретой.

– Я не маньяк и детей не пожираю, клянусь тебе!

– Я не об этом. Ты стал отдаляться от меня, отстранился если не телом, то душой. Ты не ушел в себя, как иногда бывает во время стресса или после несчастного случая, но ты ушел... куда-то... А куда, не пойму. Ты не со мной, но ты и не в себе. Где ты, Эрик? Что случилось?

Эрик задумался, с интересом отметив про себя ее оценку. Так вот, значит, как это выглядит со стороны. «Ушел куда-то...» Да не куда-то! Не ушел вообще никуда, просто понимать стал гораздо больше, чем раньше; видеть стал многое, чего прежде не замечал. Никакого стресса, никакого несчастного случая. Просто в сознании медленно и неотвратно проявилось понимание: у близкого человека на самом деле иные приоритеты в жизни, совсем не те, что Эрик себе нарисовал. Видимо, прежде жил иллюзией. А может, дело не в иллюзиях, а в том, что приоритеты и ожидания действительно изменились. Но изменились у кого?

– Эрик?

Он посмотрел на жену, встретил взволнованный, напряженный взгляд зеленых глаз, слегка покрасневших, блестящих. Эти мысли, что вихрем пронеслись у него в голове, остались внутри, наружу не прорвалось ничего. Не получается так, чтоб взять и сказать все, что думаешь, не получается. Сандра ждала ответа, смотрела ему в глаза, почти не мигая, словно пыталась, если не услышать вслух, то хотя бы прочесть его мысли. Но в ответ он смог только пожать плечами. Она печально усмехнулась, отвернулась: другого ответа и не ожидала.

– Чего-нибудь еще желаете? – спросила незаметно подкрадываясь официантка с блокнотиком наизготовку.

Сандра вздрогнула от неожиданности, отмахнулась, а Эрик попросил холодной минералки. Некоторое время тянулось молчание, потом принесли заказ, и он с удовольствием осушил залпом полстакана, наслаждаясь колючей прохладой.

– Хорошо, – сказала Сандра, закуривая новую сигарету, – оставим это. Но твои непонятные исчезновения... ты уходишь вечером, мне ни слова, возвращаешься под утро! В прошлом месяце, если помнишь, мы уже говорили об этом, даже ругались. И на днях опять. Скажи, что происходит? У тебя есть женщина? Ты с кем-то спишь?

– У меня никого нет, а сплю я с тобой, – ровно ответил Эрик. Этот разговор начинал утомлять его, он смотрел по сторонам – на посетителей, официанток, бармена за стойкой бара. Только не прямо перед собой, где два зеленых глаза опять наполнились слезами.

– Ты прости меня, конечно, но кажется, ты мне врешь.

Сандра судорожно затянулась сигаретой, вдохнула слишком много дыма, поперхнулась, закашляла.

– Однажды ты убьешь себя этой гадостью! – зло проговорил Эрик и отнял у нее сигарету, смял, затушил.

– Что ты наделал?! – гневно воскликнула Сандра, с трудом подавляя очередной приступ кашля.

– Прибавил тебе пару минут жизни, дура!

– А на кой хрен мне такая жизнь, если близкий человек игнорирует меня и ночи проводит неизвестно где и неизвестно с кем! – Она упрямо достала новую сигарету.

– Перестань, Сандра. Я уже сказал...

Эрик осекся, заметив девушку, вошедшую в кафе. Она показалась ему знакомой, хотя припомнить, где ее встречал, не получилось. Живая, энергичная блондинка, худощавая, но хорошо сложенная, с длинными ножками изумительной формы, обутыми в кожаные сандалии. Когда девушка подошла ближе, он, следуя здоровому мужскому инстинкту, опустил глаза вниз, оценивая совершенство ее стройных, изящных икр. Она поймала его взгляд своим и удержала, посмотрев как-то странно, словно узнала старого знакомого. Помедлила мгновение, на тонких губах промелькнула едва заметная улыбочка. Эрик смущенно отвел глаза.

Девушка неспешно прошествовала мимо и села за столик в соседнем ряду чуть позади. Эрик обернулся разок, потом другой, вглядываясь в обманчиво знакомые черты и тщетно

сился понять, действительно ли он встречал ее прежде или это просто иллюзия. Золотистые волосы, серые глаза, светлая гладкая кожа, лицо довольно худощавое, фактурное, с высокими скулами и в то же время классически правильное, выточенное тонко, будто граненый алмаз. Одета неброско, но со вкусом, удобно, легко и женственно. На пальце сверкает кольцо.

– И что ты в ней нашел? – раздалось ядовитое шипение.

– Так, ничего... – Эрик повернулся обратно к жене.

– О да, ничего не нашел, однако пялился на ее костлявые ноги, как кролик на удава, и даже меня не постеснялся!

– Перестань, Сандра...

– А может, это *она*? – Сандра театрально всплеснула руками. – Та самая? Ну, вот прямо здесь и произошла случайная встреча, бывает же такое.

– Что за бред! – Эрик еще раз оглянулся на блондинку, подумал, потом зло добавил: – Хотя, может, ты права, это действительно *она*!

– Какая же ты свинья, Эрик!

Сандра ткнула окурком в дно пепельницы, нервно схватила зажигалку и пачку сигарет, сунула их в сумку, собираясь уходить.

– Свинья? – Эрик наигранно усмехнулся, но в сердце резануло. Понял, что сейчас она уйдет, и на этом все. Еще одного шанса понять друг друга не представится. Истекали последние секунды, пока еще можно было отыграть ситуацию назад, обратить ссору в шутку, попытаться исправить, даже извиниться. Но он сказал: – Наверное, да... зови меня так, я не против.

Сандра ничего не ответила, лишь схватила сумку, но ремешок зацепился, потянул стул за собой, и тот с грохотом опрокинулся. На шум обернулись почти все посетители. Оказавшись в центре внимания, Сандра гордо пнула стул ногой, и стул загремел еще громче, откатываясь в сторону. Она развернулась и пулей вылетела из кафе.

Внутри светло холодом. Ушла. Теперь уже навсегда.

Эрик молча поднял стул, поставил на место, смущенно взглянул на блондинку. Та смотрела насмешливо, даже несколько злорадно: мол, так тебе и надо, развратник, получил, что заслужил. Эрик хмуро отвернулся, потом позвал официантку, расплатился и вышел из кафе.

* * *

На столе завибрировал айфон, поставленный с самого утра на беззвучный режим. Анджела торопливо ответила на звонок.

– Да, Джон, говори... Что?! – она округлила глаза, вслушиваясь в каждое слово доклада. – О боже! Да, спасибо, Джон, спасибо что выручил. Звони, как только... Да... Окей... В долгу не останусь... До связи!

Анджела дрожащими руками положила телефон на стол. Достала из пачки сигарету, задумчиво повертела ее между пальцев, но вложила обратно. Вместо этого сделала три глубоких вдоха, пытаясь унять дико колотящееся сердце. В голове начинала складываться картина происходящего, и звонок Джона Ханта – американского посла в России – только подтвердил тревожные опасения. Агентурная сеть в Мексике сутками ранее доложила о подтвержденном и задокументированном контакте черной сферы с людьми, имелась даже видеозапись происшествия.

Анджела отложила бумаги, встала и прошла по кабинету. День клонился к вечеру, солнце повисло над горизонтом, окрашивая редкие облака в пурпурные тона. Бриз сменился штилем, стало душно. Кажется, на подходе ливень с грозой. В прогнозах об осадках ничего, но когда эти прогнозы правду говорили.

До очередной встречи с президентом оставалось чуть более двух часов, и Анджела, несмотря на тревожащее содержание донесений, чувствовала некоторое облегчение; по край-

ней мере, ее профессионализм не пострадает: есть что докладывать руководству. Кусочки мозаики постепенно вставали на свои места, хотя неясного было еще очень и очень много. Пришедшее недавно послание от Джона ясности не прибавляло, но вызывало любопытство.

Контакты Ханта сообщили, что российские спецслужбы в Санкт-Петербурге взяли под контроль заявление о похищении женщины, некоей Софьи Лесенковской тридцати трех лет, поданное ее женихом Глебом Королевым. Почему ФСБ взялась расследовать обыкновенное уголовное преступление, оставалось неясным. Питерская агентура ЦРУ продолжает работать над этим, и, возможно, скоро будет ответ. Но в заявлении жениха, помимо прочих обстоятельств, упоминается один занятный факт: накануне исчезновения его невесту навестил ее давно умерший отец. Королев был совершенно уверен в этом, поскольку женщина не раз говорила о своем покойном отце и показывала его фотографии из семейного альбома. Глеб видел человека, выглядевшего как отец невесты, вечером одиннадцатого июля. Сам Глеб в этот вечер находился у дома Лесенковской. Несколькими днями ранее между ними произошла ссора, в результате которой женщина предложила временно прекратить общение. Удрученный размовкой, Королев решил исправить ситуацию и выяснить отношения. Именно с этой целью, по собственным словам, он приехал к дому Лесенковской.

Сидя в автомобиле и собираясь с мыслями перед предстоящим разговором, он увидел, как у входа в подъезд, в котором проживала его невеста, возник человек. По словам Королева, человек именно *возник*, то есть материализовался из ничего. Не сразу, не мгновенно, а медленно и постепенно: сначала проступили контуры и очертания, потом они заполнились и обрели цвет и объем, еще через несколько секунд человек стоял и оглядывался по сторонам – и выглядел при этом совершенно натурально. Именно тогда Королев узнал в нем отца своей невесты. Мужчина открыл дверь подъезда и вошел внутрь. Увиденное настолько потрясло Глеба, что он остался сидеть в машине, не зная, что думать и чему верить. Через некоторое время дверь подъезда открылась вновь, и на улицу вышел тот же мужчина, а под руку его держала улыбающаяся Лесенковская. Они быстрым шагом пошли по тротуару и свернули за угол. Желая проследить за ними, Королев завел двигатель и тронулся с места. За углом дома он увидел, как оба садятся в автомобиль – черный ниссан, номер не запомнил, – и машина отъехала. Глеб последовал за ними, но через несколько кварталов потерял их из виду. Когда миновало двое суток и от женщины за это время не поступило никаких вестей, Королев решил сделать заявление в полицию.

Внимание ФСБ к этому делу казалось Анджеле странным и не давало покоя. По первому впечатлению, происшествие выглядело банальным уголовным преступлением, в котором Глеб Королев должен проходить главным подозреваемым, поскольку он, по собственным же словам, был последним, кто видел Лесенковскую живой. Рассказ о материализовавшемся покойнике можно преспокойно опустить в мусорную корзину как неумную и наивную попытку подозреваемого оправдаться. Кроме того, ни Лесенковская, ни Королев не являются знаменитостями, олигархами или высокопоставленными политиками. Совершенно обычные, простые люди, представители среднего класса. Питерская сеть ЦРУ пробила их по своим каналам: они не «светятся» ни у одной из разведок мира, не замешаны ни в чем незаконном. Откуда тогда интерес российских спецслужб? Единственное объяснение, которое Анджеле приходило в голову, – русским известно что-то еще. Известно нечто такое, что объясняет, почему бредовый и на первый взгляд абсолютно лживый рассказ Глеба спецслужбы приняли за истину и почему не арестовали его по подозрению в похищении или убийстве. Хант обещал держать руку на пульсе и отзвониться, когда поступит новая информация.

Кроме того, у Анджелы состоялся разговор с Гари Локманом, послом США в Китае, но пекинское отделение молчит. Или каналы утечек перекрыты, или китайские спецслужбы пока не обнаружили ничего подозрительного, связанного с черной сферой. Надо подождать, на этом направлении люди тоже работают, новые данные могут поступить когда угодно.

* * *

Остаток дня Эрик провел в совершенно поганом настроении. Вполуха слушал Магнуса – того наконец прорвало, и он взалхлеб пересказывал последние новости про пришельцев и НЛО, обнаруженном к концу дня над территорией северного Китая и Маньчжурии. Магнус вскоре заметил подавленное настроение друга и не стал заводить разговор о частных делах. Эрик был ему за это благодарен. Он пытался сосредоточиться на работе, но в голове чехардой проносились образы плачущей Сандры, сероглазой блондинки, китайских крестьян, которые с изумлением взирали из-под конических шляп на черную сферу, пролетающую над бескрайними рисовыми полями. В конце концов плюнул на оставшиеся задания, выключил компьютер и, проигнорировав подозрительно зыркающего шефа, торопливо попрощался с Магнусом. Хотелось куда-нибудь уйти...

Эрик потратил час, бесцельно блуждая по набережной, протянувшейся длинной вереницей пришвартованных лодок и малых катеров вдоль Страндвэген, которая отделяла Старый город от моря. Свежий соленый воздух и крики чаек помогли совладать с дурным настроением. Купил себе мороженого, прогулялся неторопливым шагом вдоль причалов, глаза то на спокойное синее море, то на проходящих мимо симпатичных девушек. На скамейках, обращенных в сторону прибоя, сидели мужчины и женщины, пожилые и молодые, поодиночке или в шумных компаниях, и весело болтали. Кое-кто украдкой потягивал крепкое пиво, торопливо пряча банку обратно в пакет после каждого глотка. Народ наслаждался и радовался концу рабочей недели и прекрасной летней погоде, обещавшейся на ближайшие выходные.

Проходя мимо одной из скамеек, Эрик бросил взгляд на девушку, сидевшую в одиночестве и поглощенную прекрасным видом морской глади и скользящих по ней яхт. Невольно сбился с шага, узнав худощавую блондинку, которая вызвала у Сандры приступ необоснованной ревности несколько часов назад. Светлые волосы блестели золотом в ярком свете послеполуденного солнца. Девушка приветливо улыбнулась, дав понять, что тоже узнала Эрика. Он не имел обыкновения стесняться женщин, но в этот раз смущенно отвел глаза в сторону, чувствуя себя неловко, и прошел мимо. Ощутил ее взгляд меж лопаток, хотел было обернуться, подойти, заговорить, но что-то не позволило, заставило шагать дальше, тупо глядя себе под ноги.

Почему она кажется знакомой? Где пересекались? Вполне возможно, одна из многих безработных, которых он мог встретить во время дежурств в приемной биржи труда. Не приснилась же, в конце концов...

Через несколько мгновений он замедлил шаг и остановился, заставил себя обернуться. Скамейка была пуста.

* * *

Вечер Эрик провел крайне непривычно для себя: на диване перед телевизором в ожидании выпуска новостей. Не было сомнений, что программа начнется сообщениями об НЛО. Так и случилось. Показали даже короткий видеоролик, правда, не очень хорошего качества, на котором виднелся черный шар на фоне голубого неба. Ролик записан китайскими любителями, выложен на Ютуб. Диктор рассказывал, что сферу наблюдали практически над всей юго-восточной Азией до самого Сингапура, а потом она исчезла, улетев в сторону Индонезии. Кроме того, появилась информация, что китайские военные попытались сбить объект, обстреляв его из нескольких гранатометов, когда он находился на малой высоте и летел на низкой скорости. Пара выстрелов настигла цель, но не причинила сфере никакого видимого вреда. Однако наблюдатели сообщали, что непосредственно после атаки объект заметно увеличил скорость и в течение нескольких минут покинул воздушное пространство КНР.

За сообщением последовало интервью с экспертом (Эрик не разобрал, в какой именно области), который, ссылаясь на анонимные источники в «высоких кругах», заявил, что летальный аппарат имеет вполне земное происхождение и принадлежит разведслужбе одного из западных государств. Более точную информацию источник сообщить отказался, и потому эксперт заключил, что в ближайшие дни или даже часы последуют официальные признания.

Когда выпуск новостей завершился, Эрик выключил телевизор, но еще несколько минут глядел в темный экран, обдумывая услышанное. Он был почти уверен, что предсказание эксперта сбудется. В зеленых человечков, пусть даже не в летающих тарелках, а в летающих шарах, верилось с трудом. Люди! Скорее всего, Израиль, который обладает, как говорят, одной из лучших разведслужб в мире...

Размышления прервал телефонный звонок от Магнуса. Тот желал просветить приятеля о последнем развитии событий с НЛО, но Эрик перебил его, сказав, что все знает из новостей. Магнуса, однако, остановить было трудно. Чуть не крича в трубку, глотая окончания и целые слова, он заверял Эрика в том, что человечество находится на пороге невероятных и грандиозных перемен и что людям предстоит глубочайшее переосмысление большинства философских концепций и своего места во Вселенной...

Вместо ответа Эрик предложил встретиться завтра и пропустить по пивку. Магнус был не из тех, кого приходится упрашивать, когда речь идет о пиве, и это радовало. Ведь несмотря на развод, на гадкое настроение и депрессию, несмотря на НЛО и предстоящее переосмысление, субботний вечер пропасть не должен!

* * *

Все утро следующего дня до самого обеда Эрик провел перед компьютером, просматривая новостные сайты и читая посты на форумах и в блогах. Как и следовало ожидать, Интернет клокотал и бурлил в свете последних известий о черной сфере, люди разнились в своих реакциях, и мнения встречались всякие: от радостной эйфории до состояния, граничащего с паникой. Отдельные голоса призывали реально взглянуть на ситуацию и перестать жить в иллюзиях, а также признать тот факт, что человечество испокон веку склонно было приписывать любые необъяснимые явления высшим силам – каким угодно, начиная от Бога и кончая инопланетянами (многие, кстати, не делали особенных различий между этими понятиями).

Реакции официальных лиц, однако же, за исключением показанных по телевидению и растиражированных в бумажных и электронных изданиях, почти отсутствовали. Так продолжалось до обеда, пока не появились сообщения из Австралии, где несколько часов назад была замечена черная сфера. Ей навстречу поднялись истребители австралийских ВВС с приказом принудить объект к посадке или уничтожить. Но не удалось ни то, ни другое: обстрелять ракетами класса «воздух-воздух» оказалось невозможно, поскольку объект не отображался на радарх и ракеты просто не могли взять цель. А при попытке принудить к посадке один из истребителей столкнулся с объектом. Столкновение оказалось фатальным, пилот не успел катапультироваться и погиб во взорвавшемся самолете. После этого сфера, как и над Китаем днем ранее, незамедлительно увеличила скорость и визуальный контакт был потерян. Радары слежения, по сообщению австралийских ПВО, обнаружить объект и держать под наблюдением оказались не в состоянии. Этот факт, к удивлению Эрика, никак не опровергался представителями ПВО других стран, над которыми пролетала сфера.

После этого инцидента реакция официальных лиц, причем не только австралийцев, стала оживленной. Представители Белого дома заявили о недопустимости подобной безответственности со стороны правительств тех государств, которые испытывают свои технические средства, нарушая воздушные границы других суверенных государств и подвергая жизни людей опасности. Они, грозился Белый дом, ответят за это.

Эрик хмыкнул, покачал головой, прочитав последнюю новость. Как ответят, если сбить сферу пока никому не удалось? И самый главный вопрос: кто ответит? Белый дом не вдавался в подробности, но заверял, что американские средства ПВО готовы к встрече нарушителя, если безответственные правительства, управляющие летательным аппаратом, осмелятся направить его в сторону американской границы.

Эрик выключил компьютер, отправился в душ, а затем в гардероб. Близился вечер, и скоро должен был прийти Магнус. Они договорились, что пропустят по стаканчику дома, а затем отправятся в один из многочисленных баров в центре Стокгольма, а может, и на дискотеку. Неделя выдалась трудная, полная стрессов и переживаний, и психика требовала разрядки.

Эрик застегнул рубашку и заправил в брюки, глянул на себя в зеркало. Решил, что смотрится неплохо. Возможно, повезет сегодня вечером завести какое-нибудь приятное знакомство. Если, конечно, Магнус своей болтовней все не испортит. Раздался звонок в дверь.

– Ага, помяни черта...

По пути к входной двери он бросил взгляд на часы – ровно половина шестого. Магнус явно поторопился, придя на встречу на час раньше, чем договаривались. Готовясь сделать приятелю втык, Эрик шелкнул замком и потянул дверь на себя. На пороге, приветливо улыбаясь, стояла блондинка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Перед самым выходом из офиса опять зазвонил телефон. Анджела чертыхнулась, но ответила. Судя по имени звонившего, разговор мог быть очень важным: Джек Малькольм, ее контакт из ЦРУ, не стал бы беспокоить зря.

– Слушаю!

– Миссис Таунсенд, есть информация об очередном исчезновении, – произнес низкий мужской голос.

– Говори! – Анджела напряглась, плотно прижала телефон к уху.

– Нам удалось выявить в полицейских базах данных заявление о пропаже некоей Саманты Декруа двадцати пяти лет, проживающей в районе Марреро, Новый Орлеан, Луизиана. Через несколько минут я перешлю вам файл, а также копию заявления в полицию от ее матери, Элеоноры Декруа. Соседи утверждают, что видели Саманту последний раз вечером двенадцатого июля в обществе человека, как две капли воды похожего на ее покойного мужа, который погиб в автокатастрофе в ноябре две тысячи семнадцатого года.

Господи, еще один оживший покойник!

– Говорится ли в заявлении что-либо о таинственном исчезновении или неожиданном возникновении сопровождавшего ее человека?

– Нет, в свидетельских показаниях сообщается лишь о том, что она покинула дом со своим покойным мужем, или, точнее, человеком, на него похожим, примерно за час до полуночи. Они сели в ее машину и уехали в неизвестном направлении. Файл только что переслал, там подробности.

– Да, спасибо, Джек, прекрасная работа!

– Благодарю, мэ.

Телефон затих и погас. Анджела спрятала его в карман пиджака и со вздохом вернулась к компьютеру. Провести вечер с семьей опять не выйдет. Мелькнула мысль дождаться завтрашнего утра и тогда просмотреть полученные документы, но она прекрасно знала себя – откладывать важное не в ее обыкновении, прочитать надо прямо сейчас.

Бросив сумочку на стул, она вернулась в свое кресло, вновь включила ноутбук. Через пару минут погрузилась в чтение, глотая абзац за абзацем, отмечая каждую мелочь и каждую деталь. Внимательно рассмотрела фотографию афроамериканки, прочитала ее биографию и

биографию покойного мужа. Детей нет, из родственников остались мать и брат, который на данный момент отбывает наказание в колонии для несовершеннолетних. В донесении Джека особой пометкой значился абзац о том, что никакой черной сферы в окрестностях Нового Орлеана не наблюдали, однако военные сообщают, что объект пролетал на невероятно большой скорости над карибским побережьем США, в том числе Луизианой, утром тринадцатого июля. Свидетели – обычные граждане – сферу могли и не заметить, решила Анджела, а к словам военных следовало прислушаться.

Идентичный рисунок, все как по сценарию.

Черт возьми, что за связь может быть между Самантой Декруа, Фредерико Гонсалесом и Софьей Лесенковской? Совершенно разные люди, не имеющие ничего общего ни по происхождению, ни по возрасту, ни по внешнему виду. Почему именно они? По каким критериям их отбирали?

Догадок никаких, одни загадки. Пока становилось ясным только то, что жертв выманивали на контакт, используя образы близких им людей, часто умерших. Кем в таком случае могла приходиться престарелая дама Фредерико? Мать? Бабушка? Или тетя, которая, судя по досье, пропала без вести пятнадцать лет назад? Пока неизвестно, старуху на видеозаписи опознать не удалось.

Загадки, загадки. Черный шар мечется по планете, похищает совершенно разных людей. Зачем?

Анджела глубоко вздохнула, выругалась вслух. С трудом одолевая усталость, она настукала ответное сообщение Джеку Малькольму. Приказ: наблюдать, а в случае появления девушки – немедленно задержать. Саманта представлялась добычей легкой и доступной, ведь на своей территории действовать всегда сподручнее.

* * *

На мгновение Эрику показалось, что он спит. Моргнул, потом еще. В душе заворчалось недоброе предчувствие. Зря в глазок не посмотрел, здесь что-то не так, с ней наверняка кто-то еще... Банда? Но что им может быть нужно?

Тревожные мысли вихрем пронеслись в голове. Несколько секунд он стоял, тупо моргая и молча пялясь на девушку, не зная, что сказать и что сделать. Наверное, простоял бы так еще, если бы она, глядя ему прямо в глаза, не спросила тихим, спокойным голосом:

– Можно войти?

Эрик прокашлялся, кивнул и отступил в сторону, пытаясь вернуть самообладание и не вести себя, как истеричный параноик. По крайней мере, теперь становилось очевидным, что на первый взгляд случайные встречи с девушкой не были случайностью. Оставалось выяснить, что ей все-таки надо. Хотя чего выяснять, сама скажет, затем и пришла.

Эрик закрыл дверь и обернулся вслед гостье, пока та медленной, неторопливой походкой, какой ходят по залам музея, прошла по коридору и свернула в гостиную.

– Ты идешь? – позвала она.

Такая бесцеремонность начинала понемногу раздражать. Недовольно вздохнув, он направился в гостиную.

Блондинка удобно устроилась в кресле, закинув ногу на ногу и покачивая обтянутой в кожаную сандалию стопой. Короткое летнее платье светло-лимонного цвета приоткрывало костлявые колени, черные ремешки сандалий подчеркивали белизну и безукоризненную гладкость кожи и придавали их обладательнице дополнительный шарм. В этом Эрик убедился только теперь, когда смог рассмотреть гостью вблизи. Выглядела она вполне привлекательно – утонченные симметричные черты лица, тонкие брови вразлет, золотые волосы, аккуратно забранные желтым ободком. Пристрастием к косметике и украшениям девушка явно не стра-

дала, если не считать бриллиантового кольца на безымянном пальце левой руки. Она определенно выглядела знакомой, но где, когда и при каких обстоятельствах они могли встречаться прежде, ускользало от всяческих попыток вспомнить.

Эрик молча взял стул, развернул его и сел верхом прямо напротив загадочной гостьи. Посмотрел ей в глаза, демонстративно ожидая объяснений. Та невинно повертела головой по сторонам, потом окинула хозяина жилища беглым взглядом и, наконец, произнесла:

– Как прозаично, обыденно...

– Что именно? – не понял Эрик.

– Первый прямой контакт. Сидим, словно старые друзья, беседуем. Думала, будет иначе...

– Я тебя знаю? – Эрик тщетно пытался припомнить, отчего ее лицо кажется знакомым.

– Знаешь, – уверенно кивнула блондинка и слегка улыбнулась, добавила: – Только давно уже забыл. А ведь ты так любил меня...

Эрик молча ожидал продолжения, чувствуя, что раздражение постепенно сменяется удивлением и любопытством. Любил?! Ну и дела... если б она была одной из его бывших, то он, конечно же, вспомнил бы сразу. Возможно, они когда-то общались на сайте знакомств, где он частенько зависал, будучи холост. Когда встретил Сандру, оборвал связь со всеми киберподружками почти сразу же и удалил свой профайл отовсюду, полностью исчезнув из романтического сектора Интернета. Наверное, это одна из тех, прошлых...

– Может, напомним?

Девушка улыбнулась, поправила золотистые пряди.

– С удовольствием! Однажды давным-давно, в отрочестве, тебя спросили родители шутя, на ком ты женишься, когда вырастешь. Тебе было лет десять-одиннадцать. Припоминаешь, что тогда ответил... или как?

Эрик покачал головой. Он вообще не помнил, чтоб родители его о чем-то таком спрашивали в том возрасте.

– Тогда ты, сильно смущаясь, объявил, что хочешь жениться на самой прекрасной девочке на свете. Ты закрыл глаза и... выдумал ее.

Блондинка замолчала, требовательно глядя на Эрика, словно ожидая, что тот вот-вот решит головоломку. Но Эрик непонимающе пялился на странную гостью. Догадка пришла сама собой с неожиданностью сверкнувшей в ночи молнии.

– Так это... ты?

Девушка кивнула, развела руками.

– Я... выдумал тебя?

Она вновь кивнула, улыбнулась и назидательно заметила:

– Хорошо, что вспомнил-таки свою мечту. О мечте забывать нельзя.

Эрик почесал в затылке, сокрушенно покачал головой – происходящее напоминало театр абсурда. Однако, несмотря на это, замутненные временем воспоминания зашевелились и принялись медленно пробиваться из подсознания, словно ростки ранних ландышей сквозь холодную землю. Бред, конечно, на первый взгляд, но то, что говорила девушка, начинало казаться и, что самое главное, *ощущаться* истиной.

– Значит, – попытожил он, – ты – женщина моей мечты. Так, что ли?

– Я не женщина. Я и есть твоя мечта. Или, если быть точной, твоя мечта, выросшая до тридцатилетнего возраста. Должна же я принять какую-то телесную форму, чтобы встретить тебя. Был вариант подключиться напрямую к твоему компу, но в таком случае, я уверена, ты ни за что не стал бы со мной разговаривать и уж тем более не сделал бы того, о чем я тебя хочу попросить, сочтя мои слова розыгрышем хакеров.

– Мне и сейчас кажется, что это розыгрыш и где-то спрятана камера, даже слышится смех за кадром.

– Не лукавь, Эрик, ты поверил. Ты вспомнил все, я вижу.

Эрик слегка смутился, признавая, что девушка права. Смутные, едва различимые картины и образы из далекого прошлого промелькнули перед внутренним взором, оживив некогда яркие, но давно забытые чувства. Однако непонятного стало еще больше, и это раздражало.

– Послушай, давай оставим загадки? Вижу, ты сторонница прямоты и честности. Это хорошо, я тоже такой... хм... не всегда, но в большинстве случаев. Так что выкладывай, как тебя зовут и что тебе нужно?

– Насчет имени не знаю, что и сказать. У меня его нет. Можешь звать, как больше нравится. Если хочешь, зови Сандрой.

– Нет уж, – Эрик покачал пальцем, – одной Сандры с меня хватит. И вообще – имя не так важно. Не хочешь говорить свое настоящее – ладно. Скажи любое.

– Зови как хочешь. Я – коммуникационный интерфейс, созданный непосредственно для общения с выборкой, и привыкла идентифицировать себя другими способами. У меня, если честно, много форм, но тебе, полагаю, приятней видеть именно эту, ведь она твоя мечта... была мечтой, во всяком случае.

– Бр-р-р, стоп! – Эрик замахал руками, чувствуя, что постепенно сходит с ума. Затем проговорил, выделяя каждое слово: – Прошу тебя, оставь мои инфантильные фантазии в покое, окей?

– Окей, – она так мило улыбнулась, что Эрик невольно растянул губы в ответ, хотя ощущал раздражение. Девушка аккуратно сложила длинные тонкие руки на коленях и сказала: – Ладно, не сердись. Только выслушай меня, это важно.

Засосало под ложечкой в ожидании неприятных известий. Так бывает всегда, когда кто-то с серьезным видом просит выслушать.

– Давай ближе к делу и покороче, – недовольно проворчал Эрик, думая о том, что с минуты на минуту явится Магнус.

– В ваших информационных системах в последние дни появилось много сообщений о некоем летательном аппарате, называемом «черная сфера» или НЛЮ. Тебе это знакомо?

– Разумеется! – Эрик недоверчиво усмехнулся. – Ты хочешь сказать, ты на этом НЛЮ прилетела?

– Нет, конечно, нет, что за глупости! Это всего лишь разведывательный сканирующий зонд. Он управляется командами, поступающими с материнской капсулы. Ваши наблюдатели еще не обнаружили ее, она в данный момент дислоцируется в точке либрации Л-три на орбите Земли, собирая данные с зонда. И если ты спросишь, прилетела ли я с капсулы, то ответ будет утвердительный. Но с поправкой: я, выражаясь точнее, никуда не летала. Зонд сделал поверхностный снимок твоей ментальной структуры; с его помощью нам удалось выявить тот образ, который тебе более всего придется по душе. А дальше совсем несложно – нанороботы просто-напросто собрали меня в соответствии с этим образом, используя молекулы углерода и некоторых других веществ из окружающей среды на поверхности Земли. И вот я здесь, перед тобой, живая и воплоти. Хочешь меня потрогать?

Девушка хитро улыбнулась, заметив вспыхнувший румянец на щеках сидящего перед ней мужчины. Эрик протянул руку, проговорил смущенно:

– Думаю, будет достаточно рукопожатия.

Гостья хохотнула, потрясла его ладонь. Эрик убедился, что она и правда – живая и теплая, а кожа ее кисти гладкая и нежная, однако заметил:

– Вообще-то, в том, что ты не иллюзия, я ни минуты не сомневался. Хотя, честно говоря, иллюзорному воздействию может быть подвергнута и тактильная сенсорика человека. Кроме того, факт твоей реальности никак не доказывает истинность твоих слов.

Девушка нахмурилась, собралась что-то возразить, но Эрик поспешно добавил:

– Да ладно уж, верю. – Хотя внутри не переставали терзать сомнения: уж очень невероятным казалось происходящее. Невольно промелькнуло опасение, не одурманили ли его? Или еще страшнее: не сошел ли он с ума и не галлюцинирует ли один в пустой квартире? При шизофрении такое случается. Но потом решил-таки довериться своим органам чувств, которые никогда прежде не сбились. А если гостя все же душит его, то ложь скоро вскроется. В конце концов, что я теряю, поверив ей, задал он себе вопрос и, не найдя ответа, просто кивнул, повторил увереннее: – Верю. То, что ты рассказываешь, звучит странно и даже невероятно. Но мне кажется, я тебе верю. Просто знаешь... трудно признать удивительный факт – *это* все-таки произошло.

– Что «это»?

– Контакт с иным разумом. Да еще таким образом – через материализацию моих оторченных фантазий. Со мной, который меньше всего верил в существование инопланетян!

– Тогда поспешу удивить тебя. В моем лице ты повстречался сразу с десятком тысяч разумных видов.

– Ого! Так мы, оказывается, далеко не так одиноки во Вселенной, как полагали.

Последняя фраза прозвучала с некоторой долей сарказма, который вкрался непроизвольно как результат того, что Эрик до конца не верил в слова таинственной гостьи. Где-то на задворках сознания возникло новое подозрение: или девушка просто-напросто сошла с ума и заликает ему всякую чушь, или это изощренный стеб, заказанный Магнусом и его чокнутыми дружками.

– Знаешь, было бы интересно услышать подробнее о вас, – попросил он, – расскажи, кто вы? Откуда? И что вам нужно от землян? Нет, самое главное: что вам нужно конкретно от меня? Почему я?

– Много вопросов, – усмехнулась гостья, констатируя очевидное, – но это и понятно. Было бы странно, если бы ты их не задал. Однако сейчас я готова ответить лишь на последние два.

Она сделала паузу, но Эрик молчал, слушал.

– То, что нам необходимо сделать прежде всего, – это провести полное сканирование твоего мозга. Нам нужна исчерпывающая информация о твоей нейронной структуре, твой разложенный по полочкам коннектом, без этого мы будем не в состоянии изготовить базовую матрицу для НСЧ.

– Что за НСЧ?

– Нейро-сетевой чип – ключевая и совершенно незаменимая деталь в мозговой карте, которая используется для прямого доступа к информационным системам или к другим индивидам, обладающим подобной картой. Чтобы изготовить матрицу, необходимо, как я уже говорила, полное сканирование мозга. Процедура совершенно безопасная и не вызывающая никаких неприятных ощущений или побочных эффектов, к тому же довольно быстрая. Обычно занимает от трех до десяти часов в зависимости от сложности структуры. Для мозга вида гомо сапиенс этот промежуток составляет примерно шесть с половиной часов. Разумеется, я имею в виду земное исчисление времени.

Эрик онемел от волнения, в груди застучало, словно молотом о наковальню. В голове возникла полная неразбериха: гостья пока еще не дала четкого ответа ни на один из его вопросов, ее слова колыхались в тумане, вызывая беспокойство и даже страх. Но он старался держать эмоции под контролем. Если девушка говорит правду (в коем случае она вовсе никакая не девушка), то как-то не хотелось бы ударить в грязь лицом, выказывая слабость и нерешительность – ведь тогда он представляет все человечество. Опять-таки, если это не стеб.

Он сглотнул комочек в горле, повторил вопрос с напускным равнодушием в голосе:

– Почему именно я? Нас же больше семи миллиардов.

– Честно? Не знаю! Спроси у генератора случайных чисел, который производил подборку кандидатов на сканирование.

– Так я не единственный кандидат?

– Нет, вас десять человек. Ты скоро встретишься с ними... если, конечно, согласишься на сканирование.

– Могу и отказаться?

– Можешь, конечно.

– И что тогда? Выжжете мне мозг?

– Не говори чепухи. Откажешься, найдем другого. Сам сказал, землян больше семи миллиардов.

– Для чего вам эта... как ее... базовая матрица?

– Извини, но сказать больше сейчас не могу. Ответ на этот и многие другие вопросы ты получишь позже. Если, конечно, решишь дать согласие.

– Понятно.

Эрик отвел взгляд, побарабанил костяшками пальцев по спинке стула, теряясь в бескрайнем море вопросов без ответа и в еще большем количестве догадок. Девушка ерзала в кресле, устраиваясь поудобнее и пристально глядя на Эрика, терпеливо выжидала. Не желая торопиться, Эрик поинтересовался:

– Сколько времени у меня на размышления?

– Столько, сколько тебе требуется, – серьезно ответила гостья и скрестила руки на груди.

Эрик задумчиво хмыкнул и отвернулся, рыжие брови сошлись на переносице. Встал и принялся мерить шагами комнату, заложив руки за спину и размышляя. Как выглядит его жизнь сейчас? Пустая квартира, развалившийся брак, одиночество, депрессия, скука. А еще – опостылевшая работа и рутинное бесцельное существование. И вот выпадает фантастический шанс соприкоснуться с неизведанным – о чем здесь раздумывать! Вспомнились слова из какой-то песни: «...иди за своей мечтой...». Вот она, Мечта, сидит здесь перед ним, болтает ногами и выжидательно смотрит, не отрывая взгляда внимательных серых глаз. Остается только сделать шаг навстречу. А если это стеб? Ну и хрен с ним! Окажется стеб – можно поржать вместе со всеми, все одно лучше, чем прозябать в унылой трясине.

Эрик остановился посреди комнаты, взглянул на гостью:

– Почему бы и нет... – нерешительно выдавил он, сдвинув широкими плечами.

– Это твой ответ?

– Так точно! – Теперь Эрик кивнул уверенно и смело шагнул к девушке. – Можешь начинать.

Она хохотнула, затем встала и взяла слегка ошарашенного Эрика за руку.

– Это не так легко, как думается, – призналась она, – у меня нет с собой необходимого оборудования. Тебе придется отправиться на материнскую капсулу.

– Ого, – с усмешкой протянул Эрик, хотя нутро сдавила тяжелая глыба льда, – расскажу потом Магнусу, что меня похитили инопланетяне, он лопнет от зависти.

– Твой приятель, которого ты ждешь?

– Он самый. Он вас обожает!

Девушка не поняла шутку и просто попросила отменить встречу.

– Сделаю! – пообещал Эрик. – Полет, наверное, займет несколько дней? Лететь-то придется до точки Л-три, а это... мм... далеко?

Он безуспешно попытался припомнить все, что знал из школьного курса астрономии, но гостья пришла на помощь:

– Ты прав, это участок на стороне земной орбиты, противоположной нынешнему положению Земли, – она потянула его к двери, – но лететь придется гораздо меньше.

Эрик послушно поплелся за ней, стараясь унять дрожь в коленях. Уже у самого порога придержал ее за руку, спросил:

– Погоди. Мне следует, наверное, что-то взять с собой?

– Не стоит. Все, что тебе понадобится, получишь на месте. Не о чем беспокоиться.

Он молча кивнул и застыл. Мелькнуло трусливое: еще не поздно отказаться, сохранить привычную, понятную жизнь с ее большими и малыми заботами, радостями и хлопотами. Обычный быт обычного землянина. А можно сделать шаг вперед и все изменить, и тогда жизнь больше никогда не будет такой, как прежде. Что выбрать?

– Ну? – требовательно спросила гостя, положив ладонь на ручку двери. – Ты идешь?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Голубой вольво несся по шоссе, бойко обгоняя легковые автомобили и грузовики, и держал курс на север. Солнце скрылось за кромкой леса, за окном неуверенно сгущались сумерки. Слева от дороги теснились плотной стеной сосны, которые на такой скорости сливались в продолговатую коричнево-зеленую полосу, а справа вдалеке темнела кромка Балтийского моря. Дизельный мотор надрывно ревел, стрелка спидометра едва не зашкаливала. За рулем сидела блондинка, которая позволила называть себя Идой. Имя выбрал Эрик, вспомнив о своей первой любви, которая приключилась с ним на первом курсе гимназии. Та Ида чем-то напоминала нынешнюю – сидящую за рулем, уверенную в себе молодую женщину, которая, если быть точным, ею вовсе не являлась. Но Эрик предпочитал об этом не думать, инопланетянка была легка в общении, весела и обаятельна, даже слишком обаятельна для компьютерной программы, облаченной в оболочку из триллионов органических молекул.

Эрик опасливо косился во внешнее зеркало заднего вида, с минуты на минуты ожидая появления красно-синих полицейских мигалок. За такое превышение скорости можно не только лишиться прав, но и пойти под суд. Хотя он сомневался, что права у Иды вообще были. Тем не менее вела она уверенно и грамотно, словно имела многолетний стаж, и бешеной скорости, до которой разогнала автомобиль, совершенно не боялась.

Они держали путь на север, направляясь в сторону города Сундсваль, откуда собирались свернуть на другое шоссе, ведущее на запад в сторону Эстерсунда. Там, в таежной глуши, между озерами Стуршё и Хольмшё должен был совершить посадку разведывательный зонд. Об этом Эрик узнал, когда поинтересовался, на чем ему придется лететь на капсулу. Тогда Ида усмехнулась, предложила самому догадаться. Как оказалось, зонд приспособлен для транспортировки пассажиров, а именно людей. Но прежде он должен завершить основное задание – поверхностное сканирование и учет населения Земли. Зачем это было нужно, девушка не объяснила. Только что он выполнил работу над Южной Америкой и теперь был на пути к Северной. Эрик счел нужным предупредить, что там зонд могут попытаться уничтожить, на что Ида, небрежно махнув рукой, ответила:

– Да, нам это известно, все будет в порядке. – Потом печально добавила: – Неприятно, если при этих нелепых атаках погибнут люди.

– Вот и я думаю, что неприятно, – вздохнул Эрик.

– Знаешь, – задумчиво проговорила Ида после некоторой паузы, – нам трудно понять такое необузданное стремление к насилию. Ведь зонд никому не причиняет вреда, не несет совершенно никакой угрозы. Зачем на него нападают? Почему пытаются уничтожить?

Судя по тону, вопрос был явно риторический, поэтому Эрик промолчал в ответ. А Ида продолжила:

– Внутривидовое насилие – вот что выделяет землян на фоне прочих обладающих разумом цивилизаций. Жестокое, зачастую не оправданное никакими естественными причинами насилие.

– Ну дык... – неуверенно замялся Эрик, колеблясь между инстинктивным стремлением защитить человечество и согласиться с на первый взгляд верным замечанием, – это называется борьба за выживание, выживает сильнейший, а точнее наиболее приспособленный... Разве у иных цивилизаций не так?

– У некоторых в самом деле так, но только на доразумном уровне. По мере развития интеллекта и самосознания исчезает приемлемость насилия по отношению к представителям собственного вида. Для большинства из нас сейчас, да и все время после обретения разума, любое насилие, особенно убийство себе подобных, настолько же дико и неприемлемо, как среди сегодняшних землян дик и неприемлем, к примеру, каннибализм. А многие сообщества не знакомы с насилием *в принципе* и в качестве инструмента выживания на всех уровнях своего развития используют не конкуренцию и борьбу, а сотрудничество и взаимопомощь. Сравнительный анализ множества разных цивилизаций наглядно демонстрирует большую эффективность такой стратегии.

– Странно...

– Странно? – Ида пожала плечами. – По-моему, нормально. Странно, это когда один человек убивает другого. Не говоря уже о том, когда убивают десятками, сотнями, тысячами...

– Ха! – невесело усмехнулся Эрик. – В недавнем прошлом бывало, что и десятками миллионов уничтожали.

– И такое было?! – Ида в ужасе округлила глаза, повернулась к Эрику, который, испытав невольный стыд, смущенно кивнул. Никогда прежде не думал, что ему придется краснеть за все человечество.

Ида молча отвела взгляд, продолжила следить за дорогой. Обогнала одну легковушку, затем другую, те пронеслись мимо и остались позади так быстро, что Эрик едва успел заметить их. Несколько минут ехали в тишине, если не считать надрывного рычания мотора. Сумерки сгустились, небо заволочило темными тучами.

Вскоре Ида, озабоченно вздохнув, пробормотала:

– М-да... без коррекции, пожалуй, не обойтись...

– Что? – не понял Эрик.

– Да так, ничего. Мысли вслух.

– Ты, похоже, неплохо осведомлена о нашей культуре, – заметил Эрик, – но пробелы таки имеются.

– Мы сравнительно недавно подключились к вашим информационным сетям и еще не все данные успели скачать в базу. Когда мои блоки памяти обновятся, пробелов не останется.

Эрик кивнул, слегка обеспокоенный возможной реакцией пришельцев на многие нелестные моменты истории человечества. Кроме того, недавнее замечание девушки о некоей коррекции тлело в душе тревожным угольком, заставляя вновь и вновь мысленно прокручивать диалог. Ида молчала, сосредоточенно управляя автомобилем. Что скрывалось за ее тяжелым, устремленным в сумерки взором, оставалось только гадать.

Шоссе ушло в глубь леса, деревья темной стеной обступили дорогу с двух сторон. Редкие машины, которые лихо обгоняла Ида, проносились мимо настолько быстро, что создавалась иллюзия езды по встречной полосе.

Эрик достал из кармана телефон, решив скоротать время в дороге за чтением. В этой глуши связи почти не было, но новостные сайты все же открылись, поведав о последних событиях, связанных с НЛО, над небом Техаса и Нью-Мексико. Как ожидалось, черная сфера при визуальном обнаружении была встречена американскими ВВС, которые попытались ее сбить, но поскольку она не отображалась на экранах радаров, эффект оказался нулевым. Официальные источники большего не сообщали, однако американские блогеры горячо и с негодованием обсуждали тот факт, что военное командование, по-видимому, отдало приказ обстрелять сферу из ручных гранатометов, когда она пролетала на достаточно низкой высоте. Несколько

снарядов настигло цель, но вреда, как и прежде в Китае, не причинили; другие же пролетели мимо и упали в близлежащем населенном пункте. Ходят слухи о пожарах, разрушениях и гибели трех человек, что, понятное дело, военными опровергается. Сфера сразу же после атаки исчезла из виду, развив скорость, недоступную для военных самолетов.

Эрик пересказал Иде последние новости, на что она только сокрушенно покачала головой и промолвила, не отрывая взгляда от дороги:

– Разумная, осознавшая себя материя лишается существования. Как глупо, как нелепо... исчезают бесценные биты возможного надразума...

Эрик недоуменно воззрился на девушку, пытаясь уяснить себе смысл ее странных речей. Но смысл ускользал, как зачастую ускользает воспоминание о сне, стоит лишь пробудиться. Казалось невероятным, что представитель внесемной цивилизации так искренне сокрушается по поводу гибели, пусть и трагической, нескольких человек. Во многих уголках мира люди гибнут в огромных количествах по совершенно разным причинам, и об этом ежедневно, даже ежечасно, рассказывают в новостях. Но подобные сообщения так притерлись, что слушаем вполуха, а через несколько секунд благополучно забываем и переключаем телевизор на очередное бездумное шоу. Лишь немногие задумываются о гибнущих людях, а затем, попечалась недолго, успокаивают себя: «Да, жалко, конечно, людей, особенно детишек, но что я могу сделать, что могу изменить? Ничего! Такова жизнь». Эрик слышал подобное не раз от друзей и коллег, родственников и знакомых, да чего греха таить – и сам порой рассуждал в подобном ключе, когда узнавал об очередном теракте или новой войне. Обычно происшествия за пределами Стокгольма волновали его не особенно сильно. С какого перепугу стал бы он переживать по поводу того, что происходит за много тысяч километров от родного дома? Потому сейчас первой реакцией на слова Иды было просто пожать плечами и объяснить сердобольной прищелице, что в эти минуты, пока они едут, в мире народилось несколько сотен младенцев и общий баланс в плюсе. Но он промолчал.

Наконец показалось дорожное табло, извещающее о съезде с трассы. Ида сбросила скорость и, даже не глядя на табло, словно знала маршрут наизусть, свернула на нужную развязку. Дорога, ведущая в сторону Эстерсунда, была поуже и поизвилистей, но это не помешало Иде вновь разогнаться, совершенно игнорируя ограничение скорости.

Остаток пути проехали в молчании, хотя в голове у Эрика роились мысли и вопросы. Но вновь заводить разговор почему-то не хотелось. Он молча глядел в окно, ощущая себя представителем ущербного вида – гомо сапиенс.

* * *

Пункта назначения достигли ближе к полуночи. Им оказалась небольшая, покрытая галькой площадка у обочины узкой проселочной дороги, петляющей через тайгу. Вынув из багажника рюкзаки, они оставили автомобиль и двинулись через ночной лес, освещая себе путь фонарями. Эрик мысленно чертыхался, перешагивая через стволы поваленных деревьев, спотыкаясь и царапаясь о ветви. Он всегда любил активное времяпрепровождение на свежем воздухе, но продираться сквозь дикую тайгу посреди ночи с тяжеленным рюкзаком за спиной было уже слишком. К счастью, мучения скоро завершились. Через четверть часа деревья расступились, и путники оказались на широкой поляне метров пятьдесят в поперечнике.

Ида остановилась, огляделась.

– Мы на месте, – проговорила она, снимая рюкзак, – будем ожидать прибытия зонда.

Эрик сбросил поклажу на траву, вытер пот со лба. Лицо и руки чесались и зудели от многочисленных комариных укусов.

– Поройся в своем рюкзаке, – посоветовала Ида, – там найдешь все, что тебе необходимо.

– А ты знаешь, что мне необходимо? – удивленно поинтересовался Эрик.

– Просто загляни в рюкзак, – последовал лаконичный ответ.

Эрик решил не спорить и расстегнул ремни. Осветив содержимое, обнаружил резиновую подстилку, пару одеял, несколько плотных пакетов, на которых большими красными буквами было написано «ЕДА», термос с надписью «КОФЕ» и пару пластиковых бутылок, обозначенных словом «ВОДА». Также нашлись тюбик с противомоскитным кремом и большая электролампа, выполненная в виде шара на металлической подставке, и даже пакетик с жвачками. Эрик хмыкнул, поражаясь предусмотрительности пришельцев, и принялся расстилать подстилку.

Вскоре они сидели друг напротив друга, укрытые одеялами, густо вымазанные кремом, и жевали горячие сэндвичи, запивая ароматным кофе.

– Не думал, что тебе нужна еда, – произнес Эрик набитым ртом.

– Почему нет? – возразила девушка. – Метаболизм, пусть и редуцированный, требует адекватного снабжения энергией.

– Очень детальная имитация, – с одобрением заметил Эрик.

– Не имитация, тело у меня человеческое... почти человеческое. Нарастить его было совсем не трудно. Процесс знакомый и не раз опробованный, ведь жизнь на углеродной основе – явление вполне обычное во Вселенной.

– И для вашего вида тоже?

– Да. Когда-то очень давно у многих видов были тела на углеродной основе. Наша с вами биология во многом схожа, дело в том, что нуклеиновые кислоты...

– Так, минуточку, – Эрик чуть не подавился, кашлянул, – что значит «были»? А из чего состоят ваши тела теперь?

– Не из чего, – пожала плечами Ида.

– В смысле?

– У нас они отсутствуют.

Эрик прекратил жевать, изумленно воззрился на девушку, невинно прихлебывающую горячий кофе. Она заметила его взгляд, улыбнулась.

– Чего ты так разволновался? Считаешь, у разумного существа непременно должно быть биологическое тело?

Эрик прожевал, сглотнул. Затем неуверенно произнес:

– А... а разве нет?

– Разумеется, нет. Зачем оно нужно? От него одни хлопоты. Обидно, когда развитие разума ограничивается примитивными биохимическими реакциями.

– Но разум и есть набор биохимических реакций!

– Не обязательно и не всегда. Так бывает вначале на самых низших ступенях развития. Впоследствии разумность может принять совсем иные, более продвинутые формы.

– Знаешь, признаюсь честно – я никогда не задумывался над этим.

– Понимаю. Всему свое время.

– Но тело, мне кажется, иметь хорошо, – сказал Эрик и, миг поколебавшись, добавил со смущенной улыбкой: – Особенно если оно такое красивое, как у тебя...

Ида уставилась на собеседника. Эрик сосредоточенно глядел в свою полупустую чашку, радуясь тому, что неяркого света электроламп недостаточно, чтобы разглядеть его пунцовые щеки.

– Ты что, хочешь заняться со мной сексом? – прямо поинтересовалась девушка.

Эрик поперхнулся кофе, нервно хихикнул. Затем покачал головой, отвернулся.

– Прости, – произнес он неловко, – не то ляпнул. Забудь.

– Все в порядке, – заверила Ида, – я не против. Я же, в конце концов, твоя мечта.

Эрик взглянул на девушку, отметил, что она в самом деле необыкновенно мила и красива, ощутил, что его тянет к ней, несмотря на всю экстраординарность событий, происшед-

ших с ним за последние несколько часов. На мгновение задался вопросом, в чем истоки его неожиданно нахлынувшего желания – в том, что ее образ основан на его предпубертатных фантазиях? Или в том, что биохимия собственного тела таким образом влияет на сознание? Затем отшел к черту самоанализ, решил просто сменить тему:

– Как там ваше НЛО? Запаздывает чего-то...

– Да нет, все по графику, – покачала головой Ида. – Почти завершено сканирование африканского континента. Зонд прибудет через сорок три минуты.

– Были ли еще попытки уничтожить его?

– И не одна! – Ида тяжело вздохнула. – Словно традиция какая-то!

– Ну в каком-то смысле так оно и есть.

– У вас принято уничтожать любых чужаков?!

– Если залетают без разрешения. Понимаешь, человечество не гомогенно. Оно состоит из разных культур и народов, а многие из них обладают собственной территорией и ужасно злятся, когда сосед без позволения переходит границу.

– Знаю, можешь не рассказывать. Но вы же все – люди! Если индивиды относятся к одному и тому же виду, как можно делиться на «своих» и «чужих»?! Это настолько же нелепо и бессмысленно, как если бы твоя правая рука не позволяла бы левой руке чесать правое ухо только по той причине, что находится на другой стороне тела. Вы все почти идентичны, отличия в ДНК минимальны.

– Дело в ресурсах. Их на всех не хватает, вот и грызутся друг с другом, и большинству пофиг, у кого какая ДНК.

– Гораздо эффективнее было бы объединить усилия и создать такую техническую базу, которая позволила бы ликвидировать нехватку ресурсов.

– Легче сказать, чем сделать.

– Это потому, что никто не пробовал.

Эрик не нашелся что ответить на это. На ум пришли коммунисты со своими принципами равенства и стремлением к всеобщему благоденствию, вспомнился известный постулат: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Но вспомнилось также и то, чем закончилась попытка построить общество всеобщего благоденствия в одной отдельно взятой стране. Поэтому он решил не упоминать коммунистов. Она, скорее всего, и сама о них знает, уже, поди, базы данных обновились.

Эрик молча допил кофе, растянулся на лежаке. Тело устало и требовало отдыха. Он сомневался, что удастся заснуть, но хотя бы полежать и расслабиться было бы лучше, чем ничего.

Облака рассеялись, открыв взору унылый блеклый небосклон, застрявший между светом и тьмой. Эрику вспомнилась зимняя ночь и мириады звезд на черном как смоль полотне. Они мерцали и сияли беспорядочной россыпью, в которой богатый на фантазию человеческий ум разглядел знакомые образы и нарек созвездиями. Где-то там, в недостижимой дали, на планете, вращающейся вокруг одного из этих светил, обитали разумные существа, которые, если верить девушке, не убивали своих соплеменников, а жили одной дружной семьей и возводили цивилизацию, предпочитая строить, а не разрушать. Они веками развивали технологии и подняли их до такого уровня, что обрели возможность преодолеть невообразимые расстояния и прибыть к Земле, причем не просто так, а с определенной целью. Излюбленный сюжет научно-фантастических романов в одночасье переключался в реальность: люди оказались не одиноки во Вселенной – иной разум нашел путь к человечеству, и теперь он здесь. Несбыточное, живущее в грезах лишь самых отчаянных мечтателей, сбылось. Осознание этого волновало и тревожило, но в то же время вызывало бурю ликования в душе. Картина мира эволюционировала к лучшему, и это было приятно, не говоря уже о том, что ему, Эрику, посчастливилось

оказаться случайным избранником, который одним из первых вступил в контакт с гостями из иных миров.

Да, оставалось несколько беспокоящих его вопросов, которые Ида обходила таинственным молчанием, но Эрику почему-то верилось с трудом, что пришельцы могли замыслить недоброе. Наивно? Возможно. Но все же – с чего бы им желать землянам зла?

Он повернулся на бок, подпер голову ладонью. Посмотрел на девушку, которая по-прежнему сидела, закутавшись в одеяло и подобрав под себя ноги. Чашка в ее руке давно опустела, она покачивала ею, устремив задумчивый, отрешенный взгляд в ночной лес. Наверное, обновляет блоки памяти, решил Эрик, и ему стало не по себе, как только попытался представить реакцию гостей на историю человечества, когда она, как древняя, так и недавняя, предстанет перед ними во всем своем кровавом великолепии.

Эрик вежливо кашлянул, желая привлечь ее внимание. Она взглянула на него, мягко улыбнулась.

– Здесь я, здесь, – заверила она, словно прочла его мысли, – просто сижу и размышляю...

– О чем же? – полюбопытствовал Эрик.

– О том, что несколько минут назад зонд целенаправленно пытались протаранить два летательных аппарата в северной части африканского континента. Они принадлежали обитающим там людям и относились к типу, который у вас именуется «военным».

– Понятно, – мрачно кивнул Эрик, – истребители-перехватчики. Скорее всего, египетские или ливийские. Пилоты погибли?

– Разумеется, – вздохнула Ида и нахмурилась.

Эрик помолчал пару минут, затем спросил, желая сменить тему:

– Кстати, откуда вы?

Ида задрала голову к небу, посмотрела во все стороны, чуть не вывернув себе шею.

– Нет, здесь и сейчас не видно, слишком светло, – разочарованно произнесла она. Встретив непонимающий взгляд Эрика, пояснила: – В земных каталогах наша галактика обозначена как М-тридцать один. Думаю, название всех звезд и планет, откуда мы родом, тебе ничего не скажет.

– Туманность Андромеды?! – изумленно воскликнул Эрик, привстав от волнения. Он недоверчиво уставился на девушку, та развела руками, спросила с едва заметным недоумением в голосе:

– Да. А в чем дело?

– Ну... ведь известно, что между нами более двух с половиной миллионов световых лет. Сколько же времени вы сюда летели?

– Нисколько, – загадочно ответила Ида, – мы вообще не летели.

Эрик замер на мгновение, потом театрально расхохотался.

– Опять издеваешься?

– Что значит «опять»? Когда я над тобой издевалась? Материнской капсуле, которую мы также называем гипероник, нет необходимости *лететь*, она просто совершает гиперпространственный прыжок из пункта А в пункт Б. Каждый прыжок требует немалых затрат энергии, и чем он дальше, тем больше ее требуется. И вообще, наберись терпения, скоро все узнаешь. Кстати, зонд уже близко, пора готовиться.

Пришлица откинула одеяло, поднялась на ноги. Эрик последовал ее примеру и принялся складывать вещи в рюкзак, но Ида его остановила, сообщив, что они уже не понадобятся: он получит все, что ему необходимо, когда придет к месту назначения.

Через несколько минут Эрик наконец увидел ее – черная сфера выглядела зловещим темным пятном на сумеречном небосклоне, которое стремительно росло, приближаясь с каждой секундой. Она подлетела практически бесшумно и привела за собой порывы холодного ветра, опустилась тихо и плавно на траву в нескольких метрах от мужчины и женщины.

Черная как уголь сфера была размером около десяти метров в диаметре, с абсолютно гладкой поверхностью без единой выступающей детали. Просто огромный, на вид металлический шар. На его поверхности образовалось отверстие в форме вертикального овала, контуры которого засветились мягким голубоватым светом. Эрик ощутил, как сердце заколотилось в груди, а ладони вспотели. Он судорожно сглотнул, отчаянно пытаясь унять дрожь в коленях. В это мгновение почувствовал прикосновение – Ида взяла его за руку.

– Не волнуйся, – мягко сказала она, заглядывая ему в глаза, – тебе ничего не угрожает ни в зонде, ни на гиперонике. Просто войди внутрь и ляг в свободную ячейку-гибернатор. Остальное автоматика сделает сама. В ячейке найдешь прозрачные очки. Надень их, система будет выдавать инструкции непосредственно на глазную сетчатку. Следуй им неукоснительно...

– погоди, – Эрик невольно сжал ладонь девушки, – разве ты не летишь со мной?

– Нет, прости, – тихо ответила она, – для меня там не предусмотрено место.

– Хочешь сказать, что зонд вернется за тобой позже?

– Нет, Эрик. – Ида отвела взгляд в сторону, словно ощутила неловкость, заметив странное выражение в его глазах. – Я никуда не лечу, моя миссия выполнена. Ты и еще девять кандидатов отобраны и подготовлены к перелету. Остальное возьмет на себя центральная операционная система капсулы.

– Ага, ясно... – Эрик неуверенно кивнул, спросил: – А что же будет с тобой?

– С мной? – Ида небрежно дернула плечами, буднично объяснила: – Через несколько минут тело распадется на атомы, а разум вернется в Лейм, частью которого он по сути является. Все как запланировано.

Эрик промолчал, игнорируя непонятное слово. Он пристально посмотрел на девушку и сжал ее ладонь в своей. Промелькнула мысль, что мечта появилась, вынырнув из далекого детства, и через несколько мгновений исчезнет вновь, словно добрый сон, который растворяется в сознании, оставляя после пробуждения необыкновенные ощущения, одно из которых – досада от того, что это всего лишь сон. Порой так хочется, чтобы сон и явь поменялись местами.

Неожиданно для себя Эрик наклонился и поцеловал ее. Она охотно ответила на поцелуй, но через пару секунд отстранилась и шагнула назад, сказала с нежной улыбкой на тонких губах:

– Иди. Пора.

Эрик отпустил ее, развернулся и решительно зашагал к овальному проему. Ступив одной ногой внутрь, все же не стерпел, обернулся, чтобы снова попрощаться, в последний раз увидеть. Но поляна была пуста.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Отверстие затянулось и превратилось в сплошной участок стенки, как только Эрик оказался внутри.

Полость сферы освещалась неярким голубоватым светом и представляла собой тесное помещение с плоским основанием. Вдоль изогнутой стены выстроились в ряд десять прямоугольных металлических ящиков, горизонтально вмонтированных в пол. Прозрачная крышка одного из них была откинута, а на ее внутренней стороне помигивал зеленый индикатор. На дне, как и говорила Ида, лежали очки, выполненные из прозрачного, напоминающего стекло материала.

Эрик настороженно осмотрелся и, не обнаружив ничего подозрительного, шагнул к открытой ячейке, улегся на обитое чем-то мягким дно и надел очки. На мгновение промелькнула аналогия с гробом, но он прогнал мрачные мысли. Любопытство и возбуждение от встречи с неизведанным прочно заняли место в его душе, вытеснив скептицизм и неверие.

Он вздрогнул, когда увидел прямо перед собой надпись на шведском: «Полет продлится 28 часов. Позволить летной системе погрузить Вас в сон?» Ниже два слова: зеленое «Да»

и красное «Нет». Эрик на мгновение растерялся, решив, что пришельцы забыли снабдить его инструкцией по управлению интерфейсом. Но не стал унывать, а сделал так, как велел здравый смысл. Ведь лежать и бодрствовать в «гробу» двадцать восемь часов совсем не хотелось, поэтому ответ казался очевидным. Он сфокусировал взгляд на ответе «Да»; буквы вспыхнули и засветились ярче, после чего текст исчез, и крышка ячейки стала медленно опускаться. Следующее, что увидел Эрик, была надпись: «Сознание отключается».

Воцарилась крошечная тьма, которая мгновение спустя рассеялась сообщением: «Сознание включено». Крышка откинулась вновь, и обзор затмила вспыхивающая голубым надпись: «Перелет прошел успешно. Все функции Вашего организма в норме. Можете встать и покинуть гибернатор».

Эрик с удивлением ощутил, что не чувствует ни боли, ни отечности в мышцах или на коже. Видимо, автоматика оказалась достаточно умна, чтобы каким-то образом, вероятно массажем в сочетании с вентиляцией, уберечь человеческое тело от повреждений, вызванных долгим неподвижным лежанием. А может, что вероятнее, полет прошел в условиях невесомости.

Он сел в ячейке и потянулся к лицу, чтобы снять очки. Мгновенно возникшая перед глазами надпись заставила остановиться: «Рекомендуется не снимать ментальный коммуникатор в течение всего пребывания на материнской капсуле». Эрик послушно убрал руки. Огляделся по сторонам и обнаружил, что крышки соседних ячеек открыты, а в них сидят и удивленно озираются по сторонам люди в таких же как у него стеклянных очках.

– Мы прилетели! Ух, как быстро! – воскликнул один из них, темнокожий мужчина средних лет с густой вихрастой шевелюрой. Восклицание прозвучало на чистейшем шведском, даже с явными признаками стокгольмского диалекта. В соседней ячейке встала на ноги невысокая щуплая женщина с длинными, заплетенными в две косички черными волосами и раскосыми глазами, которые радостно поблескивали на плоском и круглом, как луна, лице.

– Ой как вы великолепно говорите по-монгольски! – похвалила она, обращаясь к африканцу на таком же чистом шведском, и улыбнулась: – Вы жили в Улан-Баторе?

– Чего? – мужчина скривил лицо в непонимающей гримасе.

– Какой еще монгольский? – удивленно промолвила молодая женщина, приподнявшаяся на локтях в ячейке рядом с Эриком. – Он по-русски сказал.

Эрик встал на ноги и посмотрел на соседей. Догадка промелькнула как молния, он усмехнулся.

– Еще не поняли? Мы слышим каждый свой родной язык. Эта штука у нас на глазах, – Эрик постучал пальцем по прозрачным окулярам, – называется ментальный коммуникатор. Очевидно, одна из его функций – мгновенный перевод...

– Ты-то откуда знаешь, умник? – перебил темнокожий мужчина, поднимаясь на ноги.

– Попробуй снять очки, – предложил Эрик, – узнаешь сам.

Тот махнул рукой, не желая спорить.

Остальные тоже выбрались из ячеек, застыли в нерешительности, с интересом и волнением косясь друг на друга и озираясь по сторонам. Эрик окинул беглым взглядом соплеменников – принцип отбора тестируемых обозначился сразу. У представителей пяти человеческих рас на лицах, казалось бы, таких разных, застыло одинаковое выражение изумления, смешанного с тревогой.

В тесном помещении разведывательного зонда ступить было почти некуда, и пассажиры остались стоять в своих ячейках. Но толпиться долго не пришлось, в стенке вновь возникло окаймленное голубоватым светом отверстие, в проеме которого показалась хорошо освещенная просторная комната. Все молча потянулись к выходу.

Десять человек, покинув черную сферу, остановились в замешательстве посреди помещения. Никто понятия не имел, что будет дальше и что следует делать. В этот момент раздался мягкий мужской голос, который, казалось, зазвучал внутри сознания каждого из людей.

– Добро пожаловать на гипероник!

– Спасибо, – буркнул Эрик в ответ, переминаясь с ноги на ногу и оглядываясь по сторонам: совершенно пустая овальной формы комната, высокий одного цвета со стенами потолок, мягкий, слегка пружинящий под ногами пол.

– Так... и что дальше? – раздался хрипловатый голос справа: говорил низкого роста мужчина, коренастый и широкоскулый. Узкие щелочки глаз, видимые сквозь стекла очков, поблескивали в мягком свете, который лился, казалось бы, со всех сторон сразу.

Словно в ответ на его вопрос в стене напротив обозначились пять овальных проемов, и над каждым загорелась цифра от одного до пяти. Приятный мужской голос из ниоткуда зазвучал вновь:

– Дорогие гости, будьте добры, проходите в пронумерованные коридоры в следующем порядке: Сарнай и Ксин – коридор номер один.

Круглолицая женщина с косичками и коренастый, коротко стриженный мужчина взглянули друг на друга и, пожав плечами, неуверенно зашагали к двери. Проем затянулся и исчез, как только пара скрылась в коридоре.

– Нгози и Саманта, пожалуйста, коридор номер два.

Темнокожий мужчина с вихрастой шевелюрой двинулся к проему, следом за ним направилась ко входу крупная длинноногая негритянка с массой пестрых дредов на голове. Выпуклые формы, туго обтянутые короткими джинсовыми шортами, аппетитно подрагивали в такт ее походке. Эрик стыдливо отвел взгляд, но что поделать, природа...

– Бидхья и Сунита, коридор номер три, будьте добры.

Мужчина в просторных одеяниях и женщина в зеленом сари, смуглые и невысокие, заспешили к сияющему голубоватым светом проему в торжественном безмолвии. Каждый шаг женщины сопровождался мелодичным перезвоном браслетов на руках и ногах, но стих и он, когда дверь номер три исчезла, став сплошной стеной без единого шва.

Эрик оглянулся – осталось три человека, не считая его самого. Справа стояла молодая женщина в светло-голубом платье с каштановыми волосами до плеч и нежно поглаживала выпуклый живот, вперив взгляд в пол. Неужели в положении? Разве можно таких в космос... хотя почему бы и нет, беременность не диагноз. Рядом с ней и чуть позади стояли двое смугловатых скуластых человека, мужчина и женщина. Низкие и коренастые, они с любопытством косились на Эрика и беременную девушку.

– Фредерико и Сюзанна, проходите в коридор номер четыре, пожалуйста, – мягко повелел голос.

Шурша пестрыми одеяниями, пара неторопливо зашагала к двери. У самого порога женщина остановилась, обернулась, зачем-то помахала оставшимся в комнате. Эрик вскинул руку в ответ, девушка даже не подняла взгляда.

– Идем? – обратился к ней Эрик, когда четвертая дверь превратилась в стену. – Чего ждать, наша очередь.

– Эрик и Софья, – объявил наконец голос, – коридор номер...

– Да идем мы, идем, – хмуро проворчала девушка и, не удостоив Эрика взглядом, неуклюже заковыляла к последней двери. Он хмыкнул и пошел за ней.

Коридор был узок, но не петлял, а стелился прямой, как стрела, метров на сто, которые они прошли в полном молчании. Остановились, когда уперлись в стену, но ждать долго не пришлось – возникшая из ниоткуда дверь пропустила их в небольшую уютную комнату, в центре которой громоздились три глубоких кресла, обитых черной кожей и расставленные вокруг невысокого стола со столешницей из дымчатого стекла. На поверхности – графин с водой и три стакана. По углам комнаты возвышались на длинноногих подставках горшки с хризантемами и какими-то незнакомыми цветами. Аромат они испускали изумительный.

– Присаживайся, не стесняйся, – Эрик шутливым хозяйским жестом указал Софье на одно из кресел, сам уселся напротив, налил себе воды.

– Не поделишься? – девушка наконец заметила его присутствие. Вопрос прозвучал резковато, но легкая улыбка на ее вишневых губах не позволила возмутиться.

– Угощайся, мне не жалко.

Он протянул ей наполненный до краев стакан, который она в несколько глотков осушила до дна и удовлетворенно выдохнула. Затем тяжело опустилась в кресло и строго спросила, упершись в Эрика пристальным изучающим взглядом:

– Ты кто?

– Эрик, ты ж слышала.

– Откуда?

– Из Швеции.

– Стокгольм?

– Да.

Эрику подумалось, что для полноты картины не хватает направленного ему в лицо яркого света настольной лампы. Сейчас, наверное, спросит про возраст, семейное положение и род занятий.

– Я – Софья, но не вздумай звать меня Соней, терпеть не могу это имя.

Эрик не понял, при чем здесь имя Соня, если зовут ее Софьей, но спросить не успел, девушка сказала:

– Я из Питера... ну в смысле, Санкт-Петербурга, это в России.

– Почти соседи, – прокомментировал Эрик, но продолжить знакомство не получилось. На пороге внезапно возникшего проема появился высокий немолодой мужчина в темно-сером костюме и похожего оттенка галстук. Лицо его покрывала сеточка тонких морщин, глубоко посаженные черные глаза смотрели внимательно и цепко, а под короткой седой бородой угадывался острый волевой подбородок.

– Папа! – в голосе Софьи послышались радость и облегчение. – Наконец-таки, боже, как я соскучилась...

– Папа?! – Эрик перевел изумленный взгляд с девушки на мужчину и обратно. – Вы издеваетесь?

– Эрик, да не волнуйся ты так, у всех людей есть отец и мать, – невинным тоном произнес вошедший и опустился в кресло. Эрику показался знакомым его голос, но долго копаться в памяти не пришлось – похоже, приветствовал землян на гиперонике и направлял пары по нужным коридорам именно этот «папа».

Софья улыбнулась, карие глаза под очками слегка заблестели, когда она повернула лицо к Эрику.

– Понимаешь, я очень любила своего отца, – начала объяснять она. – Папа был для меня всем. Когда он скончался от рака, мне едва исполнилось тринадцать и... так тяжело мне не было никогда ни до, ни после. С тех пор минуло почти двадцать лет, но помню я его по-прежнему.

– Кажется, начинаю понимать... – пробормотал Эрик.

– И вот однажды вечером звонок в дверь, я чуть не грохнулась в обморок, когда увидела на пороге его, – Софья кивнула на хитровато улыбающегося человека в соседнем кресле.

– Первый контакт?

– Да, Эрик, – ответил мужчина мягким густым голосом, – ты ведь уже понял, что первый контакт очень важен и для успеха необходимо учитывать эмоциональные аспекты реципиента. Сейчас не играет особой роли, какой именно облик я приму в беседе с вами, могу быть папой, могу и Идой, если пожелаешь.

– Что за Ида? – полюбопытствовала Софья.

– Неважно, – смущенно отмахнулся Эрик, – форма есть только форма.

Стало ясно, что одна и та же сущность присутствует за обликами Иды и «папы», а также наверняка и другими личинами, которые встречали прочих гостей гипероника. Сменить внешность, что переодеться, и Ида – не более, чем одна из одежек в богатом гардеробе пришельцев. Человек склонен верить в сказки, но как только поддается иллюзии и позволяет ей увести себя в мир потаенных надежд и ожиданий, реальность бьет наотмашь.

– Именно, – одобрительно закивал «папа».

– Как к вам обращаться? – спросил Эрик.

– Можешь звать меня именем того, чей облик я принял...

– Игорь Николаевич, – вставила девушка.

– ...но правильнее все-таки называть меня лейм.

– Лейм... – медленно выговорил Эрик, будто пробуя слово на вкус. Совсем недавно он его уже слышал. – Так тебя зовут?

– Нет никакого меня. Сейчас это просто способ вербальной самоидентификации. – Игорь Николаевич покачал головой и, заметив недоумение на лицах землян, пояснил: – Вы, люди, привыкли рассуждать в рамках индивидуумов, что не удивительно: ведь ваша цивилизация, по крайней мере на нынешнем этапе развития, – сообщество отдельных разумных особей. Отдельных! Но, как вы скоро убедитесь, это не единственная возможная форма существования сознания. Когда разум одного биологического вида разбит на множество мелких фрагментов, он, безусловно, тоже развивается и усложняется. Рано или поздно в процессе эволюции расчлененный разум приходит к осознанию одного своего исключительно важного свойства, которое является неотъемлемым признаком любой самосознающей материи. Это свойство вшито в ее суть и определяет строго направленный вектор эволюции. Оно заключается в том, что сила и эффективность дискретного разума несопоставима с силой и эффективностью разума, существующего *слитно*.

Лейм сделал паузу, давая гостям возможность проглотить и переварить новую информацию. Эрик слушал с интересом, Софья была вся внимание.

– Простой пример: представьте себе груды кирпичей. Не важно, большая она или маленькая, свалены они горкой или сложены ровным штабелем, – это просто кирпичи. А если они соединены друг с другом нужным образом и в правильном порядке, то это уже не просто кирпичи, а дом, который и по форме, и по содержанию значительно сложнее и функциональнее груды камней. Если обобщить, то можно сказать так: собранные вместе, они становятся чем-то несравнимо большим, чем просто сумма частей. Также как и детали любых самых мощных компьютеров по отдельности – просто транзисторы и диоды, микросхемы и провода, процессоры и блоки памяти. Собранные же вместе в правильном порядке – мощное устройство обработки информации. Это тот случай, когда целое больше, *намного* больше, чем просто сумма его частей. То же и с разумом – он эмерджентен.

Лейм потянулся за графином с водой и стаканом. Вероятно, желал подчеркнуть человечность своего облика, решил Эрик. Хотя, тут же возразил он сам себе, лейм не иллюзия, а вполне себе из плоти и крови – почему бы ему не испытывать жажду?

Сделав несколько глотков, Игорь Николаевич продолжил:

– В известной нам Вселенной есть лишь один объект, для которого более, чем для чего бы то ни было, верно все вышесказанное. Объект, у которого разница между сложностью составных частей и их суммой настолько громадна, что позволила совершить качественный переход величайшего масштаба. Этот объект изменил многое во Вселенной и изменит еще. Вы, наверное, догадались, о чем я толкую?

– О мозге? – предположил Эрик.

– Разумном мозге? – уточнила Софья.

– Вы правы, именно так! – Лейм удовлетворенно закивал, словно профессор, довольный смышленостью своих студентов. – Сложность объекта можно с некоторым допущением охарактеризовать, как то, насколько готовый составной объект превосходит простую сумму своих компонентов. Когда сложность объекта, в данном случае мозга, в процессе эволюции выросла до определенного уровня, произошел фазовый переход и возникла новая форма существования материи – она стала самосознающей.

– Вы ведь говорите не только о человеческом мозге, не так ли? – уточнил Эрик, догадываясь об ответе.

– Конечно же, речь идет о мозге любого разумного существа во Вселенной. Должен заметить, что все известные нам и ныне разумные виды прошли практически один и тот же путь эволюции с четко прослеживаемым вектором увеличения сложности. По-видимому, стремление к усложнению – неотъемлемое свойство материи, вшитое в ее суть и успешно противодействующее энтропии. А то, какой уровень сложности необходим для совершения качественного перехода, мы называем порог фазового перехода. Материя в процессе своего развития пересекает несколько порогов и совершает переходы от ступени к ступени, от фазы к фазе, начиная с кварк-глюонной плазмы в первые мгновения существования Вселенной и далее к обычному веществу. Впоследствии оно при наличии необходимых условий совершает фазовый переход от неживого к живому, то есть от менее сложного к более сложному. Эволюция продолжает работать и далее, и материя, теперь уже живая, совершает новый переход – от неразумной к разумной, то есть опять-таки от менее сложной к более сложной. Направление прослеживается четко, хотя при близком рассмотрении кажется, что мы говорим о бесконечной череде случайностей. Здесь проявляется диалектика хаоса и закономерности, когда цепь на первый взгляд случайных событий приводит к результату, вполне укладывающемуся в детерминированный вектор. Иными словами, переход на более высокую ступень развития – цель эволюции материи.

Лейм сделал паузу, отпил из стакана. Обвел внимательным взглядом своих гостей, которые сосредоточенно молчали, размышляя над его словами.

Эрик внимал с большим интересом, все услышанное казалось колоссально важным и глубоким. Он и сам порой размышлял над подобными вопросами, читая научно-популярные работы ученых из разных областей знания. Происхождение Вселенной, самой жизни и, конечно, сознания были темами, которые его волновали, но которые не часто доводилось обсуждать: Сандра подобным не интересовалась, а Магнуса обычно сносило на эзотерику, нью-эйдж и прочую хрень. Поговорить на интересующие его темы Эрику было не с кем. Все, что сейчас рассказывал лейм, будоражило воображение и разжигало любопытство, но к чему он клонил, оставалось совершенно неясным, и это немного настораживало.

Тишину нарушила Софья. Кашлянув, она сказала:

– Значит, эволюция своего достигла: мы и вы разумны. Но я уверена, что прилетели вы к нам не просто так, а с конкретной целью.

Лейм улыбнулся, покачал головой.

– И да, и нет, Софья. Ты права в том, что установленный между нашими цивилизациями контакт имеет ясную для нас, леймов, цель. Ты права также и в том, что вы, люди, разумны. Не считать вас разумными было бы неверно, хотя многие события в вашей истории вызывают стремление усомниться в этом.

Эрик тревожно поежился: блоки памяти леймов, похоже, обновились.

– Но в чем же я не права?

– В том, что считаешь нас тоже разумными, – Эрик и Софья недоуменно переглянулись, – а также в своем предположении, что конечная цель эволюции – разумность.

– Разве вы не именно это утверждали пару минут назад? – Эрик вступился за девушку не только из соображений видовой солидарности, но и потому, что таким же образом истолковал слова лейма.

– Все нет. – Игорь Николаевич предупредительно воздел палец. – Важный момент: у эволюции нет *конечной* цели. Ее цель – развитие, движение, усложнение, а такая цель по определению не может быть конечной. Разумность – первая, базовая ступень самосознания, но эволюция не останавливается на достигнутом, она вообще никогда не стоит на месте. Несмотря на сопротивление энтропии, разум усложняется, развивается и, если не возникает каких-либо препятствующих факторов, неизбежно достигает порога, за которым приобретает совершенно иную суть, становится чем-то другим.

– Иная форма? – предположил Эрик.

– Нет, иное *содержание*. За этим порогом уже нет разума, там нечто большее... там Лейм.

– Лейм? – хором переспросили земляне. Софья вскинула широкие брови: – Я решила, что так называется ваша раса... разве нет?

Игорь Николаевич отрицательно покачал головой, медленно проговорил:

– Лейм – это то, во что превращается разум, когда переступает порог и совершает фазовый переход, резкий скачок вверх, восхождение. Мм... – Игорь Николаевич задумчиво побарабанил пальцами по столу, – «надразум» или «постментальность» были бы, вероятно, наиболее близкими по смыслу вербальными конструкциями в вашем языке, которые в определенной степени отражают суть данного уровня сложности. А наша раса... такое понятие, как «раса», давно уже стало для нас анахронизмом, но если вам так удобнее, то можете называть нас леймами.

Эрик взглянул на девушку напротив. На ее чуть скуластом лице застыло выражение задумчивого благоговения, взор внимательных карих глаз устремился куда-то сквозь стол, сквозь весь гипероник к безбрежным просторам космоса, в которых стало возможным невысказанное.

Эрик налил себе еще воды, вдруг очень захотелось пить. Мысли играли чехарду, то разбегаясь в разные стороны, то сбегаясь вместе. Слишком громко, слишком колоссально, слишком... нечеловечески.

Пауза затянулась на несколько минут. О чем размышлял в это время лейм, можно было только гадать, но он сидел и рассматривал свои пальцы, то и дело с любопытством поглядывая на пребывающих в задумчивости мужчину и женщину. Потом поднялся из кресла, прошелся по комнате и остановился у одного из цветков. Нежные сиреневые лепестки зашелестели между его пальцев. На лице лейма застыло выражение восхищения, пока он любовался растением и наслаждался шелковистой мягкостью лепестков. Наконец он вернулся за стол.

Эрик исподтишка наблюдал за ним, поражаясь тому, насколько точно и естественно дается представителю цивилизации, прибывшей из иной галактики и находящейся на совершенно ином уровне развития, имитация человеческого поведения. Если они машины, то можно с уверенностью констатировать, что тест Тьюринга пройден. Но вопросы по-прежнему терзали ум, слишком многое еще непонятно.

– Почему? – голос Софьи разрезал тишину, словно раскаленный нож масло.

Никто не потребовал пояснений, всем стало понятно, о чем речь. Лейм вздохнул, пристально посмотрел на девушку, перевел взгляд на Эрика.

– А теперь мы подходим к главному, – произнес он, буравя взглядом землян. – Также как восемьдесят или восемьдесят пять миллиардов нейронных клеток в вашем мозге, соединенные должным образом, превращают неразумную материю в разумную, так и несколько миллиардов мозгов, правильно соединенные друг с другом, превращают разумную материю в надразумную. Так возникает Лейм. В этом состоянии находятся многие тысячи обретших самосознание

цивилизаций, объединенных в единую сеть. И нет ни одной причины, почему и земляне не могли бы пойти тем же путем.

– Но у нас и близко нет нужных технологий, – сокрушенно вздохнул Эрик, – нам до Лейма очень и очень далеко.

Софья добавила:

– Да и вообще мне кажется, человечество не готово к этому. Подавляющее большинство людей даже и задумываться о подобном не станут. Живут себе сегодняшним днем, своими жалкими, ничтожными проблемками и страстишками, не отрывая взгляда от земли под ногами.

В ее голосе зазвучало презрение, Эрик с некоторым удивлением покосился на нее, но внутри затеплился огонек уважения: девушка не конформист, не стесняется высказывать негуманистические мысли. Подобная смелость всегда похвальна.

– И не только, – решил дополнить печальную картину Эрик. – Большинство людей не просто живет приземленно, это еще не самое страшное. Ужас в том, что при этом они друг друга взрывают, жгут, калечат и убивают. Какой там Лейм...

– Вы оба правы, – со вздохом согласился Игорь Николаевич. – Внутривидовое насилие среди людей зашкаливает, это правда. Человечество, увы, на сегодняшний день этим уникально. К слову, замечу: нам известно еще три цивилизации с похожей тягой к внутренней агрессии, но для них насилие уже давно в прошлом, благодаря, помимо прочего, переходу на уровень надразума. Та нелестная картина, которую вы нарисовали, конечно же, соответствует действительности, но это вовсе не означает, что Лейм людям не доступен.

– Что вы предлагаете? – прямо спросила Софья.

– Ответ очевиден, – сказал Лейм, – мы поможем человечеству. Вы – первая разумная цивилизация, встреченная нами в этой галактике. Так уж вышло, что Млечный Путь оказался не очень щедрым на разумные виды, однако наш поиск еще не окончен, и планет, на которых жизнь процветает в разных формах, найден не один десяток, но разумная цивилизация – пока только вы. Мы этому безмерно рады! Чем больше Леймов объединено в сеть, тем она мощнее и быстрее, тем выгоднее для всех. Это особенно важно именно сейчас, когда мы работаем над величайшим проектом в истории и одновременно испытываем острую нехватку вычислительных мощностей. Не стану вдаваться в детали, замечу лишь, что проект невероятно сложен и энергоемок и при этом обладает громадной научной и практической ценностью. Недостаток ресурсов стал причиной того, что успех повис на волоске, а работы замедлились, почти остановились. Земляне, если решат взойти на Лейм, стали бы той соломинкой, за которую научный прогресс мог бы ухватиться, чтобы выйти из стагнации и продолжить поступательное движение. Поэтому присутствие в Лейме человечества для нас исключительно важно.

– То есть вы безвозмездно поделитесь вашими технологиями? – с некоторым недоверием в голосе уточнил Эрик.

Игорь Николаевич покачал головой, туманно ответил:

– Нет, все будет немного по-другому, – и, заметив недоуменные взгляды, добавил с загадочной улыбкой: – И это вы узнаете после нейросканирования.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Обед оказался неожиданно вкусным и обильным. Эрик рассчитывал получить нечто вроде тубиков с питательной пастой, которые утолили бы голод, хотя понимал, что это скорее стереотип, навеянный рассказами о повседневном быте современных земных космонавтов. Но вместо тубиков на столе в комнате отдыха теснились блюда с жаренным мясом, вареными и печеными овощами, салатами и закусками. В углу стола высились несколько бутылок с напитками – соки и минеральная вода, – но никакого алкоголя. Эрик и Софья, голодные и усталые, уплетали обед в сосредоточенном молчании, размышляя о том, как инопланетяне ухитри-

лись раздобыть столько хорошо приготовленной земной еды. Напитки содержались в бутылках без всякой маркировки, хотя на вкус это определено были апельсиновый сок и ароматизированная минеральная вода. Неужели послали роботов на шоппинг в супермаркет, мелькнула абсурдная мысль.

Через полчаса неумолчного чавканья, хруста и звона посуды Эрик, с трудом давя отрыжку, удовлетворенно откинулся на спинку стула и отодвинул от себя пустую тарелку. Девушка последовала его примеру пару минут спустя.

– Ну ты мастер жрать, – с деланным восхищением покачала она головой.

– Да ладно, – отмахнулся Эрик, – куда мне до тебя.

Софья не ответила, просто усмехнулась. Затем спросила:

– Что думаешь?

– Об этом? – Эрик кивнул в сторону предполагаемой двери. – Не знаю, что и сказать... ничего не думаю, устал, отдохнуть бы.

– Тогда пошли, – Софья неуклюже вылезла из-за стола.

– Куда?

– Как «куда», в постель, конечно, куда же еще. – Софья хихикнула и направилась к большой двуспальной кровати, стоящей у дальней стены комнаты. Когда только вошли, Эрик заметил ее мельком, но не придал значения, поскольку взгляд мгновенно прирос к столу, ломящемуся от обилия вкусной еды. Теперь же, глядя на широкую кровать, задумался: зачем леймы вообще ее сюда поставили? Ответ напрашивался сам собой – разумеется, для отдыха.

Софья, держась за выпуклый живот, медленно опустилась на застеленную кровать и, скинув туфли, прилегла на подушки. Похлопала по матрасу рядом с собой, весело бросила:

– Запрыгивай! Не укушу, не бойся.

Эрик, пытаясь скрыть некоторое смущение, прилег рядом, вытянулся, закинув руки под голову. Только сейчас ощутил навалившуюся усталость.

– Ох, как хорошо... – с блаженством проговорил он, наслаждаясь долгожданным отдыхом.

Несколько минут прошло в полной тишине, лишь мерное дыхание выдавало признаки жизни. Веки медленно наливались свинцом, еще мгновение, и Эрик погрузился бы в сон. С трудом поборов желание заснуть, он повернулся к лежащей рядом девушке. Глаза полуприкрыты, пальцы сцеплены на животе: нет, кажется, не спит.

– Софья, можно вопрос?

Она посмотрела на него усталыми карими глазами, хмыкнула:

– Судя по такому началу, вопрос ожидается щекотливый... наверное, про мою беременность?

– Телепатка!

– Тебе срок назвать и размеры плода?

Эрик хохотнул, покачал головой.

– Как-то так любопытно стало: они нарочно искали беременную женщину на роль кандидата или просто совпадение?

– Думаю, совпадение. Об этом папа... хм... ну, этот, лейм, не сказал ни слова, а когда я заволновалась насчет возможного вреда ребенку, успокоил меня, заверил что все будет замечательно, ни перегрузок, ни излучения. Ну вот, вроде пока никаких проблем, слава богу.

– Почему ты согласилась лететь? – продолжал любопытствовать Эрик. – Женщины в твоём положении обычно становятся осторожны, даже пассивны, в космос уж точно не летают.

Она хмыкнула.

– Стало интересно, я по природе любознательна. И потом, не каждый день, знаешь ли, в дверь стучатся инопланетяне в образе моего покойного отца. Вот и решила: когда еще доведется в космос на халяву слетать.

– А муж не был против?

– Что ты, он никогда не возражает, если мне надо в космос. – Софья серьезно взглянула на него, добавила: – Еще и бутеров с собой завернул.

Эрик не смог сдержать смешка, хотя в ее словах явно ощущался едкий сарказм.

– А серьезно?

– Господи, Эрик, если хочешь узнать о моем семейном положении, спроси прямо.

Эрик смутился, нервно сглотнул, но ответить не успел, Софья продолжила:

– Ладно, не напрягайся, все понимаю – потянуло на старую добрую мелодраму. Вот тебе моя история. Я не замужем, но и не брошенка, застряла где-то между этими двумя состояниями, причем по своей собственной вине... или, сказать точнее, не вине, а воле. У меня есть парень, Глеб, он очень хороший, люблю его и он меня... как мне кажется. Мы вместе уже почти два года, и вот он совсем недавно сделал мне предложение. А я отказалась.

Софья повернулась на бок, подперла голову ладонью. Прядь каштановых локонов скрыла на мгновение ее глаза, но была сразу же заведена за ухо. Девушка задумалась, ее взгляд потерял фокус и устремился в прошлое, вороша воспоминания.

– Почему? – не унимался Эрик. – Поймала его на измене?

– Нет, не ловила.

– Или он тебя?

– Не в моих правилах.

– Что же тогда?

Она помолчала, потом сказала:

– Он не искренен. Не уверена, что он хочет быть именно со мной.

– А с кем же еще, если вы – пара и на изменах ты его не ловила?!

– С ребенком. Или, если уж быть совсем откровенной, – со своими установками, вбитыми с самого детства родителями и обществом. Ведь честный мужчина обязан жениться на женщине, которая от него беременна, не так ли? Ни много ни мало *обязан!* Звучит как четко прописанная в УК статья. Два года встреч не были достаточной причиной для брачного союза. Мы даже как-то заговорили о браке, но он мягко и дипломатично выскользнул из темы, и больше мы к этому не возвращались. Но вот случается моя неожиданная беременность – и нате, пожалуйста, не прошло и десяти дней после двух полосок, а он тут как тут, с кольцом в красивом бархатном футляре, с чудесным пышным букетом и с не менее пышными словами любви. Даже обещал подарить мне звезду, пока я кастрюлю отмывала...

Софья хихикнула, однако Эрик не понял, над чем именно.

– Наверное, я сделала ошибку, – посерьезнев, продолжала она, – ни разу за два года не сказала ему, что *не* боюсь стать матерью-одиночкой. Если б сказала, то, может, ему не пришлось бы притворяться.

– Хм... – Эрик нахмурился.

– Что, дура я?

– Вовсе нет, скорее наоборот. Но меня смущает кое-что... может, я сильно обобщаю, но женщины обычно поливают ушатами дерьма тех мужчин, которые, узнав о беременности, отказываются жениться или, и того хуже, бросают свою подругу. У тебя же все иначе, но мужчина опять выходит виноватым.

– Ты прав, в этой ситуации я выгляжу и поступаю как истеричка и самодур. И сделай Глеб так, как ты описал, то, возможно, также как и многие другие женщины, материла бы его на чем свет стоит. Но я – это я, и мне по большому счету наплевать, как поступают другие женщины. Я просто-напросто не могу быть с человеком, который так отчетливо проявил неискренность своих чувств по отношению ко мне. Не к нашему ребенку, а именно ко мне. Я так устроена и по-другому не могу. И да, ты сильно обобщаешь, каждая жизненная ситуация уникальна, и ни

к какой из них нельзя применять устоявшиеся стереотипы, ведь стереотипы – это усредненный показатель, по определению обезличенный.

Софья умолкла, размышляя над собственными словами. Эрик тоже молчал, чувствовал, что она права. Стремление связать свою жизнь с другим человеком не должно основываться ни на чем ином, кроме как на искренней и истинной любви. Всякая другая основа рано или поздно приведет к катастрофе в чувствах и к постепенному, а иногда стремительному разрушению всей конструкции, именуемой супружеством.

– Так вы расстались?

– Нет... пока нет, – вздохнула она. – Я взяла тайм-аут утрясти мысли и чувства, поразмышлять. Да и путевка в космос удачно подвернулась: подходящий момент сменить обстановку, все обдумать. Вернемся на Землю, посмотрю на ситуацию свежим взглядом, тогда и решу что-то.

Повисла тишина, каждый думал о своем. Несколько минут спустя Софья шутливо толкнула его в плечо, спросила:

– Давай уже, твоя очередь, о чем поведаешь? Ты хоть и не беременный, но мне тоже любопытно стало, из какой жизни тебя вырвали, чтобы увезти за сотни миллионов километров?

– Знаешь, там на Земле у меня нет ничего такого, ради чего стоило бы торопиться назад. Унылая работа, развалившаяся семья, несколько родственников. Рад, что выбор пал на меня, хоть какое-то разнообразие.

– А кто семью развалил?

– Сама развалилась... мы оба поняли, что нам не по пути, все общее изжило себя, перестало быть общим. Она теперь другая, я тоже, наверное, изменился. В конце концов она не стерпела и ушла, а я не держал.

– Жалеешь?

Эрик пожал плечами, посмотрел в потолок. Он и сам себе не мог ответить на этот вопрос. Если вернуться в то утро, когда случилась размолвка, поступил бы он по-другому? Остановил бы ее? А разговор в кафе... тогда выдался шанс исправить положение, но он опять позволил ему просочиться сквозь пальцы. Ничто внутри не откликалось признаками сожаления, но на душе тем не менее было скверно; а сейчас, когда вспомнились события последних дней, стало еще хуже. Может, сожаление все же имелось, но, вытесненное досадой и разочарованием, пряталось где-то глубоко в недрах подсознания? Так глубоко, что и не разглядеть?

– Это она – Ида? – не дождавшись ответа, спросила Софья.

Эрик покачал головой, мечтательно улыбнулся.

– Ида – это моя мечта, моя детская сказка, она еще со мной. А покинула меня Сандра, моя унылая и серая реальность.

Софья хотела спросить что-то еще, но не успела: в дальней стене прорезался проем, на пороге комнаты появилась Мечта.

– О! – обрадованно воскликнул Эрик. – Помяни черта...

Лучезарно улыбаясь, в комнату бодрой походкой вошла Ида. Гардероб ее не поменялся: все то же светлое летнее платьице, на ногах сандалии, золотые волосы забраны желтым ободком.

– Думал, уже не свидимся, – произнес Эрик, поднимаясь с кровати. Софья встала тоже, заскользнула в туфли, шагнула навстречу гостье.

– Форма есть только форма, сам говорил, – ответила блондинка и подмигнула.

Софья окинула оценивающим взглядом новый облик лейма.

– Нам пора? – спросила она.

– Да, вы ведь уже отдохнули, – констатировала Ида. – Идемте, я провожу вас в лабораторию.

Путь по нескольким длинным коридорам не занял много времени, и вскоре они вошли в помещение немногим просторнее давешней комнаты отдыха. Вдоль стены выстроился ряд невысоких синих ящиков неизвестного назначения, середину помещения занимали два черных кресла, похожих на кресла в зубоучебном кабинете. У изголовья каждого висело в воздухе безо всякой видимой поддержки некое устройство, похожее на перевернутую вверх дном чашу. Края ее тускло светились зеленоватым, словно сделанные из чистых изумрудов.

– Это нейросканеры, – объяснила Ида, заметив удивление на лицах гостей. – Садитесь, устраивайтесь поудобнее, руки на подлокотники. Процедура абсолютно безвредная и безболезненная, но займет несколько часов.

– Ой, столько я не вытерплю, – заволновалась Софья.

– Вы будете погружены в сон и проведете в этом состоянии все время, необходимое для завершения процедуры, – успокоила ее Ида. – Дело в том, что подробная раскладка и анализ коннектома человеческого мозга...

– Анализ чего? – не поняла Софья.

– Коннектома, то есть описания структуры межнейронных связей, – пояснила Ида. – Дело в следующем: то, как именно нейроны соединены друг с другом и в какой именно последовательности по ним передаются электрические импульсы, определяет все аспекты разума, особенно интеллект и память, а также всю личность индивидуума вместе с его пристрастиями и вкусами, привязанностями и чувствами, мыслями и намерениями и многим другим. Если опустить детали и позволить некоторые неточности в описании, то можно сказать так: ты есть твой коннектом.

Софья медленно кивнула, но выглядела по-прежнему неуверенно.

– Так вот, – продолжала Ида, – это действие, то есть раскладка и анализ, трудоемкое и сложное, даже с учетом того, что люди находятся на базовом уровне разумности. Только представьте себе – в вашем мозге примерно восемьдесят пять миллиардов нейронов, и почти у каждого от нескольких сотен до десяти тысяч связей с другими нейронами. Возможных комбинаций получается больше, чем атомов во Вселенной.

– Обалдеть! – пораженно вставил Эрик.

Его изумлению не было предела: при этом процедура занимала часы, а не дни или даже месяцы. Какими же мощностями оперируют леймы?!

– Теперь становится понятной фраза «каждый человек уникален», – добавила Софья.

– Именно! Так что обработать придется колоссальный объем информации.

– Зачем это вообще нужно? Папа... хм, то есть *вы* объяснили при первой встрече очень туманно, я мало что поняла.

– Без сканирования структуры мозга и анализа коннектома мы не сможем изготовить нейросетевой чип, – пустилась в объяснения Ида, пока Эрик и Софья рассаживались по креслам и устраивались поудобнее. – Суть всего процесса – выявить архетипичный паттерн коннектома, свойственный человеку как виду, то есть общий для всех людей, и отделить его от индивидуального, или уникального, паттерна. Именно он, общечеловеческий паттерн, будет лежать в основе работы НСЧ, который соединит разумы всех людей в одно целое – естественно, с учетом особенностей каждого индивида.

– Чтобы в итоге прийти к Лейму? – уточнил Эрик.

– Мы говорим «взойти на Лейм», так точнее, – поправила Ида и продолжила: – Да, именно для этого. А поскольку человечество на первый взгляд не совсем гомогенно, мы были вынуждены взять образцы всех основных человеческих рас, чтобы действовать наверняка. Ну как, готовы?

Эрик и Софья словно по команде переглянулись, потом, тщательно скрывая волнение, кивнули. Ида не отдавала никакой видимой команды, но сканеры бесшумно опустились на

головы людей, а льющееся сверху изумрудное сияние озарило их лица и успело блеснуть в медленно закрывающихся глазах.

* * *

Сандра мило улыбалась, склоняясь над лежащим в постели Эриком. Он смотрел на нее снизу вверх, ее полные крепкие груди покачивались в сантиметре от его лица, зеленые глаза смотрели нежно и ласково, волосы были забраны знакомым желтым ободком. Откуда он у нее? Кто она такая? Еще одна личина леймов?

– Эрик, – прошептала Сандра, – почему ты меня бросил?

Эрик попытался ответить, что все наоборот – это она бросила его, но из его горла не вышло ни единого звука, губы не разлипались, словно склеенные. Он захотел покачать головой, но осознал, что не управляет и ею. Тело категорически отказывалось повиноваться мозгу.

– Эрик, – продолжала томно шептать Сандра, двигая телом так, что ее сосок касался губ Эрика, – почему? Ну почему?..

* * *

Он резко открыл глаза, привстал в кресле. В комнате висела гробовая тишина, аппаратура работала бесшумно, по крайней мере для человеческого слуха. Эрик обернулся, встретил насмешливый взгляд карих глаз.

– Что, кошмар приснился? – ехидно поинтересовалась Софья.

Эрик замотал головой, откинулся на спинку кресла. Господи, просто сон, а такой настоящий, такой реальный...

– А я что, кричал?

– Нет, но проснулся резко, – она ослабилась. – А еще губами шевелил, словно пытался ими ухватиться за что-то.

Эрик отмахнулся, ничего не ответил. Запустил в рыжие волосы пятерню, поднял глаза кверху. Похоже, сканирование завершилось: «чаша» парит в полуметре над головой, изумрудное сияние приглушено почти полностью.

– Давно? – Эрик кивнул на сканеры.

– Вроде да, я проснулась минут за пять до тебя, и они уже были высоко. Думаю, готово.

Эрик вылез из кресла, размялся, походил по комнате, даже поприседал. Мышцы затекли от долгого сна в неудобной позе. Софья попробовала последовать его примеру, но быстро закряхтела и, держась за живот, села обратно.

– Что снилось? – любопытствовал Эрик, желая скоротать время.

– Ничего, спала как убитая.

– А мне бывшая приснилась...

– Ага, ну тогда все ясно, – усмехнулась Софья.

– Что тебе ясно?

– Почему твое лицо было искажено ужасом, когда проснулся.

– Да ладно тебе, – хохотнул Эрик.

Продолжить треп они не успели, в комнату из возникшего в стене проема вошел «папа». Лицо его не выражало никаких эмоций – то ли забыл их включить, то ли в самом деле ни восторга, ни огорчения не испытывал.

– Ну что ж, процесс сканирования, как вы поняли, завершен. Данные сгружены в центральную память, обработкой занимаются главные процессоры.

– А когда будет результат? – поинтересовался Эрик.

– Если под результатом ты имеешь в виду готовый прототип НСЧ, то это займет некоторое время, – последовал ответ. – Что касается собственно анализа коннектома, то он готов. Но в нем обнаружилось нечто, что нас, должен признаться, очень беспокоило.

Эрик сглотнул, напрягся. Софья подошла и встала рядом.

– С нами что-то не так?

– Да нет же, – Игорь Николаевич нахмурился, махнул рукой, – вы оба в норме... хотя еще большой вопрос, что считать нормой... но это уже другая тема, как бы то ни было, индивидуальный паттерн сейчас не важен. Проблема, причем серьезная, выявилась с паттерном общечеловеческим.

Эрик и Софья напряженно застыли, ожидая продолжения.

– Идемте, нам надо поговорить.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Эрик сидел в кресле, натянутый как струна,пил мелкими частыми глотками воду из стакана. Тревога сжимала в жесткой хватке нутро, не отпускала. С противоположной стороны стола Софья буравила напряженным взглядом лейма, который очень по-человечески вздыхал, сокрушенно качая головой, и печально смотрел на землян.

– Начну с хороших новостей, – промолвил он после долгого молчания. В его голосе послышалось нечто похожее на отчаяние, и стало ясно, что эти хорошие новости все равно что ложка меда в бочке дегтя. – Несмотря на внешнюю гетерогенность человеческого вида, разница в структуре коннектома всех рас и полов ничтожна и проявляется в настолько малом количестве областей мозга, что можно совершенно уверенно констатировать гомогенность общечеловеческого паттерна. Это значительно упрощает задачу: НСЧ потребуется лишь одного вида, и он, то есть чип, будет совместим с нейроструктурой любой человеческой особи независимо от расы или пола.

– А в чем же тогда проблема? – не выдержал Эрик. Он испытал некоторое облегчение, услышав эту новость, поскольку отчего-то решил для себя, что проблема обнаружилась именно в совместимости коннектомов разных человеческих рас. С ужасом представилось, сколько благодатной воды, узнай об этой проблеме человечество, вылилось бы на мельницу неонацистов и расистов всех мастей. Даже страшно подумать, что началось бы! К счастью, проблема была не в совместимости.

– Как я уже говорил несколько часов назад, – продолжил лейм, словно не услышал вопроса, – человечество выделяется на фоне иных цивилизаций, помимо прочего, экстремально высоким уровнем внутривидовой агрессии. Тяга к насилию и убийству вшита в человеческую сущность на уровне ДНК и вполне естественным образом проявляется в выстраивании коннектома индивида по мере роста и развития мозга. Думаю, это людям и самим хорошо известно. Однако то новое, с чем мы, к нашему изумлению, разочарованию и огорчению, столкнулись при сканировании человеческого мозга и анализе коннектома, оказалась степень того, насколько именно высок уровень агрессии. Он гораздо выше, чем мы вообще могли себе представить, и это отображается на всей структуре мозга. Около восьмидесяти процентов нейронных связей в коре так или иначе затронуты тягой к агрессии или находятся под ее прямым воздействием. Печальный результат этого – полная невозможность перекрестного подключения человеческих разумов в единую сеть.

Игорь Николаевич уронил руки на стол, перевел полный сожаления взгляд с одного гостя на другого и обратно.

– Кхм... – Софья кашлянула, сглотнула комок в горле, – это означает, что Лейм людям недоступен?

– При нынешнем уровне агрессии, увы, нет.

Последняя фраза прозвучала, как приговор. Эрик ощутил стыд, смешанный с горечью сожаления, словно совершил гадкий, гнусный поступок, в котором раскаялся слишком поздно. Судья вынес вердикт: человечество навеки обречено остаться расплодившимся в безмерном количестве стадом диких злобных обезьян. Хотя «навечно» кажется слишком оптимистичным прогнозом: вряд ли оно протянет еще хотя бы сто лет, не говоря уже о более долгих сроках – люди, скорее всего, перебьют друг друга раньше, а то и просто потонут в собственном дерьме, доведя планету до экологической катастрофы.

Софья тоже заметно помрачнела. Каким бы хорошим ты ни был как личность, как индивид, волей не волей ощущаешь стыд за своих сородичей, словно виноват во всем именно ты.

Эрик поставил пустой стакан на стол, взглянул на Игоря Николаевича.

– И... и что теперь? – неуверенно спросил он.

– Пока не знаю, – ответил лейм, – мы ищем решение. Возможно, оно есть...

– Есть? – с надеждой в голосе переспросила Софья.

– Возможно, – повторил Игорь Николаевич. – Но все будет гораздо, намного сложнее, чем представлялось вначале. И мы пока не уверены, что решение стоит таких колоссальных энергетических затрат. Не исключено, что целесообразнее было бы покинуть Землю и продолжить поиски других разумных цивилизаций. На данный момент мы обдумываем и сравниваем обе альтернативы.

Эрик потемнел лицом. Вот так, подразнили куском пирога, повели им перед носом, а теперь свалят с концами. Стало немного не по себе. Беспокойство о судьбе человечества никогда прежде не входило в число достоинств Эрика, но сейчас, услышав вердикт лейма, он, к своему удивлению, испытал досаду и разочарование. Идея подняться на уровень надразума выглядела интригующей и привлекательной, но оказалась недостижимой, как мираж в пустыне. Обидно. И как потом с этим жить? Может, попросить, чтобы стерли память?

Эрик попытался взять себя в руки и собраться с мыслями, чтобы уговорить не оставлять землян, лейм же сказал, что решение возможно. Но облечь мысли в слова не получилось, вместо этого он просто огорченно вздохнул. К счастью, на помощь подоспела Софья.

– Человеческая сущность – не только насилие и убийства, – заметила она ровным голосом. – Это еще и поэзия, литература, музыка, искусство... наука, наконец. Это счастливые, любящие друг друга люди – мужчины и женщины, дети и родители, друзья и подруги, которые никого никогда не убивали. Это все – тоже человечество. Если вы размышляете над тем, достойны ли люди ваших усилий, то ответ мне кажется очевидным. Если решение в принципе существует, зачем отбрасывать его и лишать нас шанса, а себя самих – возможности подключить еще одну цивилизацию к сети и решить вопрос недостающих вычислительных мощностей для выполнения вашего проекта? Разве не за этим вы преодолели миллионы световых лет?

Вопрос повис в воздухе. Лейм молча откинулся в кресле, закрыл глаза. Наверное, совещался с коллегами. Эрик посмотрел на девушку, ощутил в ее взгляде поддержку и участие. Страшновато все-таки взваливать на себя груз ответственности за всю цивилизацию. Хотелось надеяться, что остальные гости в этот момент тоже пытаются уговорить инопланетян не бросать человечество на произвол безумно скроенных генов.

Прошла еще одна невыносимо долгая минута, прежде чем лейм открыл глаза.

– Ты права, Софья, – произнес он наконец. Ей показалось, что голос его прозвучал мягко и снисходительно. – Мы прекрасно понимаем и видим, что в людском обществе есть место интеллекту, плоды работы которого ты перечислила. Безусловно, человечество нельзя назвать безнадежным. Но проблема остается проблемой – подключение на данный момент нереально, причем не только из-за упомянутого уровня агрессии. Существует еще одно препятствие, хотя в отличие от первого оно количественного характера.

– Как, еще одно препятствие? – Эрик схватился за голову.

Игорь Николаевич кивнул и продолжил:

– Это тоже выяснилось в результате сканирования. Чтобы подключенные друг к другу человеческие разумы вошли на уровень Лейма, недостаточно иметь правильный архетип коннектома. Необходимо также наличие нужного *количества* разумов. Как в случае с отдельно взятым мозгом требуется, чтобы нейронных клеток было достаточно много, так и для Лейма важно определенное количество самосознающих сущностей – лишь в этом случае станет возможным переступить порог. Он довольно расплывчат и нечеток, но его достижение является таким же неперенным условием, как и совместимый коннектом.

– Да, но нас, людей, уже больше семи с половиной миллиардов! – недоуменно воскликнул Эрик. – Неужели этого недостаточно?

– Нет, минимально допустимое количество составляет чуть более восьми. Почему именно столько? Понятия не имею, такое количество задано константой, обусловленной базовым порогом сложности, и для человеческого мозга грань проходит примерно по восьми миллиардам. Когда численность потенциально готовых к соединению разумов достигнет этой цифры и *если* к тому моменту коннектом будет перестроен в сторону уменьшенной агрессии, тогда и только тогда появится возможность подключения и, как результат, восхождения на Лейм.

Игорь Николаевич умолк, сложил руки на груди, ожидая вопросов и комментариев. Но земляне молчали и обдумывали услышанное.

Наконец Эрик задумчиво проговорил:

– Население Земли вырастет до восьми миллиардов в... мм... – и замолк, прикидывая в уме.

– Если темпы роста не изменятся, то восьмимиллиардную границу человечество перешагнет в две тысячи двадцать третьем году, – уверенно подсказала Софья, – но цифры могут колебаться, и поэтому предполагаю, что оно окончательно закрепится на этом уровне не ранее две тысячи двадцать четвертого года. – Заметив обращенные на себя взгляды, пояснила: – Я изучала демографию в универе.

– Еще пять лет, – заключил Эрик.

– Ну не так уж и долго, – Софья немного повеселела. – Успеем привести дела в порядок и вперед, в светлое будущее! Интересно, каково это...

– Не думаю, что неприятно, разве нет? – с улыбкой обратился Эрик к лейму, но тот явно не разделял их оптимизма.

– Вы рано радуетесь, – строго осадил он, – на нас по-прежнему висит громадная проблема: без качественной коррекции коннектома – пусть вас хоть сто миллиардов, а Лейма не будет. И нам надо ее решать.

– Значит, вы все-таки не отказываетесь помочь людям! – обрадованно заключила Софья.

Игорь Николаевич добродушно улыбнулся и сказал:

– Осуществление проекта, о котором я недавно упоминал, исключительно важно для всего Лейма. Следовательно, участие объединенного человечества оказывается неперенным условием для его успешного завершения в допустимые сроки. А потому мы только что приняли решение осуществить нейрокоррекцию всего населения Земли. Это вынужденная и нестандартная мера, но она совершенно необходима. Вы отдаете себе отчет, какую колоссальную работу придется провести за оставшиеся пять лет?

Радость Софьи сменилась напряженной задумчивостью, Эрик закусил губу. До них только сейчас начал доходить весь масштаб и нравственно-этическая подоплека описанных леймом действий: полностью изменить людскую природу, исправить человека, сделать его лучше. Об этом грезил авторы священных книг тысячелетия назад, но принесли ли их писания и проповеди плоды? Или стало только хуже – еще больше крови, слез и страданий? Там, где потерпели неудачу пророки и философы за тысячи лет человеческой истории, возможно,

преуспеют продвинутые технологии и благая воля инопланетного разума в течении пяти лет. Но не слишком ли велика ответственность?

Эрик ощутил тревогу и неприятный холодок, когда представил себе возможную реакцию людей. Какой она будет, понять было сложно, человечество все-таки, что бы не утверждал лейм, такое многообразное. Столько культур, религий, канонов морали, отношений и понятий. Любопытно, как путь к Лейму прокомментируют ученые-биологи? Теологи? Верующие? Атеисты? Политики? Сатанисты? Неонацисты? Огнепоклонники? Расхожая истина гласит: «Сколько людей, столько и мнений».

Размышляя о себе и своем отношении, Эрик ощущал, что идея восхождения захватывала его, чем больше он о ней думал. Он не привык мыслить столь глобально, думы о благе всего человечества казались непривычными и чуждыми его прежнему характеру. Но все, что с ним произошло за последние нескольких суток, перевернуло его личностную систему ценностей с ног на голову. Внутри оформилась четкая мысль: Лейм есть благо, сулящее лишь выгоды, причем не только лично ему как индивиду. Надразумность открывает невиданные просторы развития науки и прогресса и для всего человечества как вида. А слияние с иными надразумными цивилизациями в единую ментальную сеть создает такие невероятные возможности, которые человеческий ум не в состоянии себе даже вообразить.

Вспомнилось вычитанное где-то сравнение: как собака объясняет себе действия своего хозяина, который, к примеру, сидит в кресле и читает книгу? Может ли она понять, что именно делает человек и почему? В силах ли постичь мотивы и суть его действий? Если подумать об этом, то становится видна вся немыслимая пропасть между интеллектом собаки и человека. Размышляя о надразуме, Эрик видел подобную, если не большую, пропасть между интеллектом среднестатистического землянина и интеллектом Лейма. Любопытно, что сказала бы собака, если б ей подарили шанс стать человеком? Вряд ли бы она вообще поняла суть этого дара. Мы, люди, в состоянии осознать значимость дара пришельцев, это несомненно. Но сможем ли его принять?

– Ау, просыпайся! – звонкий голос Софьи оборвал поток мыслей, вернул к действительности.

– Простите, – сказал он, наливая себе воды, – замечтался.

Лейм поднялся из-за стола, вышел на середину комнаты.

– Думаю, нам следует прерваться. Можете ли вы остаться здесь еще на сутки?

Эрик и Софья переглянулись.

– Меня никто не ждет, – пожал плечами Эрик, – останусь хоть на неделю.

Потом вспомнил про работу, но решил, что наплевать, как-нибудь разрулится. Работа, да и вся земная жизнь, вдруг показалась такой незначительной, далекой, микроскопической.

– Я... мм... у меня... – начала Софья, но замялась и посмотрела в сторону. После секундного колебания решила и твердо объявила: – Да, никаких проблем, останусь.

– Замечательно! – удовлетворенно кивнул Игорь Николаевич. – Тогда вам необходимо как следует отдохнуть, отоспаться, а завтра мы поговорим о *вашей* роли в решении проблемы с коррекцией и о том, что именно вам придется сделать, когда вы вернетесь на Землю.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Когда Анджела в первый раз прочитала доклад европейского резидента Джимми Линдблада, стало по-настоящему страшно. Сейчас, перечитывая его в третий раз, ощутила возвращение паники. В докладе сообщалось о допросе, проведенном с человеком по имени Гуннар Экстрём, проживающим в деревушке Брэкке неподалеку от Эстерсунда в северной Швеции. Сообщению Гуннара – безработного алкоголика среднего возраста, проводящего вечера в баре

захолустного, богом забытого городишки – никто не придавал бы значения, если бы оно не повторяло почти точь-в-точь события на мексиканской видеозаписи.

Гуннар рассказывал, что в ночь с тринадцатого на четырнадцатое июля он со своими приятелями немного (по собственному выражению!) выпил и они поспорили о том, кто отважится оседлать лося. Гуннар заявил, что сделает это, и поставил сто крон. Приятели ответили и поставили по сто против. Прямо из бара они отправились в близлежащий лес искать лосей. Было далеко за полночь, но никто и не думал расходиться по домам, спор есть спор. Они, включив карманные фонари, углубились в чащу и вскоре потеряли друг друга. Когда Гуннар понял, что заблудился и ни приятелей, ни лосей поблизости не видно, он принялся искать дорогу назад. Вышел на тропу, которая вывела его к поляне. На ней обнаружил двоих молодых людей – парня и девушку. Парочка была видна сравнительно хорошо, поскольку поляна освещалась походным светильником на подставке, и к тому же летние ночи в северной Швеции не такие уж темные. Он хотел было окликнуть их и спросить дорогу, но заметил стоящий посреди поляны огромный черный шар – точно такой, о каком рассказывали по новостям. В шаре зияло овальное отверстие. Парень подошел к девушке и обнял ее. Они целовались несколько секунд, затем молодой человек направился к шару. Пока он шел, девушка непонятным образом исчезла – не сразу, не мгновенно, а медленно растворилась (формулировка Гуннара!) в воздухе. Парень тем временем вошел внутрь шара, отверстие затянулось, и аппарат медленно поднялся в воздух. Не прошло и трех секунд, как он умчался прочь.

Резидент вышел на объект по наводке АНБ, которое обнаружило в электронных архивах эстерсундского управления полиции протоколы допроса гражданина, подавшего абсурдное заявление. Его заглавие звучало так: «Инопланетяне похищают шведов, просим принять меры!». Далее Гуннар описывал вышеизложенные события и, разумеется, указывал свои личные данные. Отказать в принятии обращения полиция не имела права, поэтому оно осталось в базе, а предварительное расследование, конечно же, и начинать не стали, тем более что Гуннар слыл в полиции личностью известной, не раз попадавшей под надзор из-за пьяных драк и мелких хулиганств.

Линдبلاد немедленно разыскал Гуннара и, представившись журналистом, подробно допросил. Тот поначалу уперся: обиженный на весь белый свет, он обвинял власти в коррупции и дискриминации, и поводом для обвинений стал отказ полиции завести дело на основании его заявления. Но правильно сформулированные вопросы в сочетании с личной харизмой резидента и бутылкой дорогого виски сделали свое дело, и Гуннар пересказал всю историю заново. Всплыли некоторые не указанные в заявлении подробности, а именно описание внешности молодых людей на поляне. Парню, по мнению Гуннара, было лет тридцать пять – светлый, высокий, с небольшой щетиной на щеках. Девушка, утверждал Гуннар, совсем юная, беленькая и худющая как тростинка. Линдبلاد попросил подробно, в деталях описать, как именно исчезла девушка. Гуннар выполнил его просьбу – вышла точь-в-точь сцена, которую Анджела наблюдала на видеозаписи.

Доклад Линдблода завершался информацией о найденном неподалеку автомобиле марки «Вольво V60», брошенном на проселочной дороге примерно в километре от предполагаемого места посадки сферы. Принадлежала ли машина этим двум или оказалась там случайно, выяснить не удалось. Ее взяли напрокат у компании «Хертц», и полиция незамедлительно вернула ее владельцам. Попытка определить, на чье имя был оформлен договор о прокате, не увенчалась успехом – в клиентской базе было проставлено имя и персональный номер некоего Иона Мальмстена, но, по источникам из шведской налоговой службы, этот человек был уже лет десять как мертв.

– Итак, что мы имеем? – произнесла Анджела вслух. Пытаясь собраться с мыслями, она сняла очки, потерла усталые глаза. Затем подошла к окну и закурила очередную сигарету.

Некий летающий объект – Черная Сфера, как его окрестили журналисты, – замечен в разных уголках планеты, однако не отображается на радарх, и обнаружение во всех случаях происходит визуально. Уничтожение обычными силами ПВО невозможно, ракеты не в состоянии взять цель, а гранатометы никакого видимого урона не наносят. Объект развивает экстремально высокую скорость в воздушном пространстве, недостижимую для самых современных истребителей как в США, так и в других развитых в военном отношении странах. Объект идет на контакт с определенными людьми, критерий отбора пока неясен. Во всех четырех известных случаях объект увозит контактировавших с ним людей в неизвестном направлении, хотя в случае с русской это только предположение. Пока никто из них не вернулся. В трех случаях в контакте участвует некий индивид, способный создавать иллюзию своего исчезновения или появления. Вопрос: что это за летающий объект? Нет, не так, правильнее спросить: *чей* это объект? В инопланетное происхождение верилось с трудом, Анджела была не склонна к досужим домыслам и научной фантастике. Читала исключительно классиков или нон-фикшн и была абсолютно уверена в том, что все необъяснимые и на первый взгляд фантастические события рано или поздно получают свое здравое и вполне земное объяснение. Анджела не сомневалась, что в самое ближайшее время проявят себя те правительства или организации, которые создали этот объект и устроили цирк с исчезновением в никуда и возникновением из ничего.

А второй вопрос: какую цель они преследуют, мотыляя свой черный «мяч» по всему миру? Наиболее вероятным представляется, конечно, разведка и шпионаж, а также вербовка агентов. Кто бы это мог быть? Русские? Китайцы? Скоро, очень скоро это станет ясно, и тогда им не поздоровится. Необходимо набраться терпения и выждать: рано или поздно кто-то попадет в расставленные силки. Хороший охотник зря стрел не мечет.

Анджела Таунсенд затушила сигарету и сложила бумаги в закрытую картонную папку, а флешку опустила в карман. Пора выезжать, президент ждет.

* * *

Вид был потрясающий: черное полотно, густо усыпанное мириадами крупных и мелких звезд, расстилалось вокруг, уходя в немыслимые дали во всех направлениях. Знакомые очертания созвездий терялись в безбрежном океане, таком невозможном на Земле даже в самую ясную ночь. Космический простор пересекала мутная светлая полоса, похожая на сильно вытянутое облако.

– Смотри, – благоговейно прошептал Эрик, указывая пальцем на утолщение в срединной части Млечного Пути, – это – галактическое ядро.

– Обалде-е-еть, – восхищенно протянула Софья.

Она вертела головой по сторонам, пытаясь охватить космический пейзаж целиком. Однако оборачиваться назад избегала: яркое солнце слепило глаза даже сквозь фильтры.

– А где М-тридцать один? – спросил Эрик.

Ида с гордостью ткнула пальцем в еле заметное пятнышко между созвездиями Кассиопеи и Пегаса.

Они втроем парили в невесомости, наслаждаясь поразительным видом открытого космоса вокруг себя. Точнее, не совсем открытого – все трое по-прежнему находились в комнате для отдыха, но лейм в ответ на просьбу Софьи показать, где тут у них иллюминаторы, чтобы поглазеть на звезды, сделала стены прозрачными и отключила генератор искусственной гравитации.

– Скучаешь по дому? – спросила она лейма.

– Нет, – Ида пожалала узкими плечами, – с чего бы мне скучать, мы его и не покидали. Он здесь, с нами, мы по-прежнему подключены к межзвездной сети. Дома в вашем, земном, понимании слова у нас давно нет. Много тысячелетий назад, когда все мы еще находились на

разумном уровне, одна из ныне включенных в Лейм цивилизаций обитала на планете, которую называли АЙИ. Планета очень похожа на нынешнюю Землю – близкие по значению тяготение и плотность, почти идентичный состав атмосферы, да и биология на углеродной основе. Поколения сменялись, аяяне развивались и росли качеством и количеством, пока наконец не додумались до объединения. Цивилизация АЙИ стала первой, кто взошел на Лейм.

– Проблем с уровнем агрессии у них, похоже, не было? – спросил Эрик, хотя ответ был очевиден.

– С уровнем агрессии? – Ида хохотнула. – Ее у них не было вовсе.

– То есть как?

– А вот так! Не было, и все. Ты же не думаешь, что агрессия абсолютно необходима для выживания и эволюции разумного вида?

– По правде сказать, именно так и думал, – смущенно ответил Эрик. – Эволюция-то продолжается, и борьба за выживание в той или иной форме происходит всегда, даже когда вид обретает разум.

– Совсем не обязательно, – возразила Ида. – История десяти с лишним тысяч цивилизаций, достигших Лейма, и еще нескольких сотен, которые к нему движутся, показывает, что борьба за выживание и насилие, продолжающиеся в разумную эпоху, являются скорее исключением, чем правилом. Когда виды, среди которых изначально существует насилие, приближаются к разумному состоянию, они одновременно с этим приходят к пониманию необходимости сотрудничества и к осознанию его преимуществ по сравнению с конкуренцией и борьбой. Отбрасывают старые поведенческие стратегии и медленно, но уверенно избавляются от тяги к насилию и меняют собственную мораль. Помните, я говорила о трех цивилизациях с высоким уровнем агрессии? Не считая землян, это и есть те немногие исключения, известные нам на данный момент, которые продолжают использовать насилие, конкуренцию и борьбу в качестве основных стратегий выживания – *будучи разумными*. Для большинства же такой образ действия странен и непонятен... вот, к примеру, вы, земляне, с течением времени сменили звериные шкуры на джинсы и пиджаки, пещеры на дома и квартиры, телеги на автомобили – но почему не сменили конкуренцию на кооперацию? Вражда и соперничество в разумном состоянии – это отклонение и уродство, это тормоз прогресса и эволюции, тупиковый путь. А взаимопомощь – нормальность, ведущая к процветанию и прогрессу.

Софья наконец отвлеклась от созерцания звезд и обратилась к лейму:

– Говоря о конкуренции и сотрудничестве, ты подразумеваешь взаимоотношения между индивидами или между народами?

– Не играет роли. Это правило одинаково применимо как к индивидам, так и к группам индивидов. Кстати говоря, далеко не все цивилизации решили поделиться на конкурирующие группы, именуемые у землян нациями. Кроме того, во Вселенной существуют разумные виды, состоящие не из многих отдельных особей, а из одного субъекта, который живет и эволюционирует также, как мультииндивидные цивилизации. Есть те, чья привычная среда обитания – не поверхность планеты, а межзвездное пространство или газовые облака. Космос безмерно велик, и обилие всевозможных условий создает удивительное многообразие среди возникающих форм жизни. Жизнь вообще есть явление, довольно распространенное в космосе, а вот разумная встречается, увы, не так часто, несмотря на стремление материи к усложнению.

– Ты говорила, свыше десяти тысяч?

– Да, всего лишь, – Ида разочарованно развела руками, – и это при том, что только в нашей галактике примитивные формы жизни зафиксированы на более чем миллиарде планет и в сотне газовых скоплений.

Эрика потянуло вниз, ноги уперлись в твердую основу, которая в течение нескольких мгновений обрела очертания пола. Медленно проявились серые стены, застив великолепный космический пейзаж, возникла знакомая мебель. Они снова находились в комнате отдыха.

– Вам следует выспаться, – сказала лейм, направляясь к двери.

– Спасибо, Ида, – улыбнулась на прощанье Софья. Выражение детского восторга тлело на ее обычно строгом лице, словно пламя свечи, готовое вот-вот погаснуть.

– До завтра!

Эрик кивнул в ответ, дверь закрылась, и гости остались наедине.

Есть не хотелось, сытость от недавнего обеда еще не прошла. Леймы были правы: надо поспать, глаза слипались от усталости.

– Не думала, что это путешествие затянется так надолго, – сказала Софья, укладываясь на кровать. – Но я не жалею, домой совсем не тянет.

– А твой-то тебя не хватится?

Эрик скинул обувь, прилег рядом.

– Может, и хватится, – с усталой отрешенностью проговорила девушка, нежно поглаживая свой живот, – а может, и нет. Знаешь, после всего, что я узнала о мире, мне стало по барабану. Хотя Глеб не заслужил, чтоб с ним так обошлись. Не хочу быть стервой. Как только вернусь, обязательно увижусь с ним, поговорю, выясню...

Софья затихла, Эрик тоже молчал. Слушал ее вполуха, мысли были о другом. В душу закралась тревога: что будет, если человечество по каким-то причинам не пожелает принимать дар Лейма? Продумали ли инопланетяне такой сценарий? Что предпримут? Только бы не было бойни, землянам и своих бед хватает.

Эрик решил поделиться тревожными мыслями с Софьей, повернулся к ней с вопросом. Девушка мирно спала, сцепив пальцы на животе. Опа! Ну и дела... ладно, позже побеседуем.

Эрик осторожно встал с кровати, обошел и склонился над спящей девушкой, вглядываясь в ее лицо. Обычно хмурые и неприветливые черты разгладились, сменились невинной детскостью. Прямые густые брови, чуть скуластое лицо в обрамлении темно-каштановых волос, заостренный подбородок, маленькие, но четко очерченные губы, узкая переносица, крупноватый нос с едва заметной горбинкой. Эрику она не казалась красивой, но тем не менее вызывала симпатию и приязнь.

Ну, спать, так спать. Он тихонечко снял с Софьи туфли и положил на пол, затем поднял постельное покрывало с противоположного края кровати и бережно укрыл девушку. Взяв свою подушку, он прошел к стоящему в углу креслу. Не царское ложе, конечно, но лучше, чем ничего. Пригасив в комнате свет, уселся поудобнее, закинул ноги на стоящий рядом столик и укрылся найденным в ящике комода пледом. Считать овечек не пришлось, веки налились свинцом, и через мгновение он провалился в забытье.

* * *

Анджелу разбудило настойчивое жужжание вибрирующего айфона. Она повозила ладонью по прикроватному столику, пытаясь нащупать очки, чуть не опрокинула стакан с водой. Рядом заворочался Джеймс. Он неоднократно просил ее отключать на ночь телефон, но Анджела не могла позволить себе такую роскошь.

– Извини, дорогой, – прошептала она мужу. Тот проворчал что-то невразумительное в ответ и снова захрапел, а Анджела встала и, схватив очки и жужжащий телефон, торопливо выскользнула из спальни.

Боже, это Хант! Она нажала на зеленую кнопку и зашпешила в ванную комнату. Плотно закрыв за собой дверь, наконец ответила приглушенным голосом:

– Слушаю тебя, Джон... все в порядке, я не сплю... ага... да... да, по-прежнему очень важно, рассказывай...

Посол говорил несколько минут, Анджела слушала, не перебивая. Наконец они распрощались и разъединились.

Она присела на край ванной, не в силах поверить в то, что услышала. Вывод мог быть только один: русские что-то затевают, и это «что-то» касается черной сферы. С чего бы еще высокий чин из российской военной разведки, который принял в свое ведение дело о пропаже Лесенковской, докладывает напрямую президенту России и находится в его непосредственном подчинении? По какой еще причине дело запечатано таким уровнем секретности, что полный доступ имеют лишь три человека, не считая президента? Что за основания установить за Глебом Королевым такую плотную слежку, что нашим агентам подобраться к нему нет ни малейшей возможности? И, наконец, кто такой Молоток? Этот псевдоним в российских материалах упоминается лишь раз в связи с делом о черной сфере и пропаже Лесенковской, но никаких справок ни в ЦРУ, ни в других спецслужбах о нем нет. Единственное, что известно – он не работает на русскую разведку, но с ней тесно связан. И все, больше ни бита информации. Это максимум того, что Хант смог выжать из своей резидентуры за столь короткое время. Но и этого немало, завтра придется ехать на еще один доклад к президенту.

Что же, черт возьми, происходит? Анджела подняла ручку крана, вывернула ее до упора вправо и, дождавшись свежей холодной воды, приложила губами к ледяной струе. Утолив жажду, достала из шкафчика снотворное. По-другому сегодня не заснуть. Как ни крути, а завтра на свой юбилей бодрой и веселой ей не быть – либо от недосыпания, либо от действия снотворного будет вялой и вареной весь день. Черт бы тебя побрал, Софья Лесенковская, что же ты такого натворила?

* * *

– Ты что, дурак?

Эрик с трудом разлепил веки, поднял сонные глаза. Над ним, грозно уперев руки в бока, стояла Софья.

– Ч-чего? – хриплым спросонья голосом пролепетал Эрик.

– Я спрашиваю, ты дурак?

Приподняв очки, он протер глаза, зевнул и посмотрел на девушку.

– Вроде нет, а что?

– А чего тогда спишь в кресле, как debil, когда в твоём распоряжении половина замечательной мягкой кровати?

– А-а... вот ты о чем, – наконец врубился он и с некоторым смущением заметил: – Так это... неудобно же...

– Чего тебе неудобно? На кровати спать неудобно? А, ну да, в кресле гораздо удобнее, в самом деле.

Эрик промолчал, пожал плечами, не представляя, что на это ответить.

– Может, и к лучшему, – продолжала Софья, – а то, если б храпел, получил бы тычок в бок. Ладно, проехали. Я в душ, скоро завтрак.

Она направилась к двери в ванную. Эрик посмотрел ей вслед, качая головой, затем встал и принялся разминаться. Тело затекло за ночь, проведенную в кресле, мышцы ломило, шея нещадно ныла. Он бросил случайный взгляд на обеденный стол и оторопел, шумно сглотнул. Вся поверхность была уставлена блюдами с тонко нарезанными колбасами и сырами, выложенными рядом ломтиками ароматного паштета, розоватыми полукружьями копченой лосося, посыпанной мелко рубленным укропом, ломтями белоснежного пышного хлеба. В стоящей на подложке сковороде скворчала парующая яичница. У края стола благоухал в кофейнике угольно-черный кофе, а в прозрачной бутылке золотился апельсиновый сок.

Эрик бросился к двери в ванной, забарабанил.

– Эй, там, поторопись, еда появилась!

– Меня зовут не «эй-там», – раздалось из-за запертой двери. – Уже скоро, без меня не начинай.

Она появилась четверть часа спустя. Придирчиво оглядела блюда с едой, пытаясь обнаружить признаки фальстарта, но, ничего не найдя, бросила одобрительный взгляд на Эрика и уселась за стол.

Ели долго, жадно и много, нахваливая кулинарные способности леймов. Эрик терялся в догадках, когда размышлял над происхождением этой замечательной еды. То ли синтезировали из подручных молекул, как и свои тела, то ли заготовили заранее, обчистив отдел деликатесов в каком-нибудь супермаркете на Земле. Надо будет при случае поинтересоваться. Хотя какая, к черту, разница, если все такое вкусное!

Когда в комнату вошел Игорь Николаевич, земляне, сытые и довольные, сидели в креслах и потягивали остатки кофе.

– Как отдохнули? – участливо осведомился он.

– Замечательно, – откликнулся Эрик, потирая все еще ноющую шею.

– Может, вы ему предоставите отдельную кровать? – попросила с ядовитой ухмылкой Софья. – А то он, похоже, боится со мной спать.

– Неужели? – Игорь Николаевич вскинул густые брови. – Нам казалось, мужчины и женщины Земли предпочитают, даже стремятся спать вместе. Или мы что-то упустили?

– Это она так шутит, не обращайте внимания, – заверил его Эрик, ощутив предательский румянец на щеках. – Мы обязательно поспим вместе... в другой раз.

Он бросил на нее испепеляющий взгляд, девушка хихикнула в ответ, но промолчала.

– Довольно о пустяках, – в голосе лейма прозвучала отеческая строгость. – Идем! Пора делать уколы.

– Уколы?! – хором воскликнули земляне, но Игорь Николаевич развернулся и, не говоря ни слова, направился к двери.

Эрик и Софья переглянулись – выбора не было, и они лениво потащились следом.

Через несколько минут вошли в лабораторию. В центре помещения – те же два «зубо-врачебных» кресла, что и вчера, но с той лишь разницей, что сияющие изумрудом чаши отсутствовали, а вместо них у изголовья висели и покачивались в воздухе два пугающего вида черных стержня.

– Что это? – боязливо проговорила Софья, указывая на них.

– Не волнуйтесь, я все объясню, – успокоил лейм, – присаживайтесь, расслабьтесь и ничего не бойтесь.

– Может, сначала объясните? – заупрямилась Софья.

– Безусловно. Но беседовать сидя тем не менее будет удобнее, так как разговор предстоит долгий.

Софья сдалась, неуклюжей походкой направилась к одному из кресел, избегая смотреть на стержни. До Эрика донеслось ее недовольное ворчание о том, что она с детства ненавидит уколы. Сам он, избавленный от подобных детских травм, спокойно уселся рядом, откинулся на спинку и выжидательно уставился на лейма.

– В течение последних суток, – начал Игорь Николаевич, – наши процессоры выполнили три очень важные задачи. Во-первых, завершен подробный анализ человеческого коннектома и обработаны результаты сканирования всех наших гостей. Схема человеческого мозга расписана подетально вплоть до каждого нейрона; определены все взаимосвязи между разными его областями. Иными словами, нейрокарта вида гомо сапиенс готова. О проблемах, с которыми мы столкнулись, я уже говорил, так что их пропустим. Второе, что удалось достичь за последние часы, – составлена структурная схема НСЧ, который будет совместим со всем расами людей при условии уменьшения уровня агрессии.

Лейм засунул руки в карманы, прошелся по лаборатории взад-вперед, затем остановился перед землянами и, посмотрев на них внимательно, продолжил:

– И, наконец, третье, на данный момент самое важное: написана программа по нейрокоррекции, которая снизит уровень агрессии до допустимой нормы. Программа загружена в наноботы, которые при контакте с человеком совершают инфильтрацию в организм, проникнут по кровеносной системе в мозг, одновременно самокопируясь до необходимого количества, и, достигнув пункта назначения, начнут работу. Под работой понимается прежде всего перестройка коннектома, а именно постепенный разрыв и уничтожение существующих дендритных и аксонных связей между нейронами и выстраивании новых. Затем, когда уровень агрессии каждой отдельной особи будет низведен до приемлемого уровня, нанороботы запустят процесс синтезирования собственно НСЧ. Однако органическая ткань накладывает ограничения на скорость выполнения подобных задач, поэтому полная перестройка и синтезирование могут занять от года до трех. Но время у нас есть; по нашими расчетам, еще до наступления две тысячи двадцать четвертого года все население Земли будет полностью обработано, и таким образом создадутся качественные предпосылки к подключению. Лишь после этого НСЧ всех индивидов будут активированы командой с гипероника, произойдет перекрестное подключение человеческих разумов заранее определенным образом, и долгожданное восхождение на Лейм состоится.

Игорь Николаевич сделал паузу, давая гостям возможность переварить услышанное. После некоторого раздумья Софья, словно ученица в классе, подняла руку.

– У меня вопрос, – сказала она. – Как насчет детей, например, младенцев? Будет ли их мозг также подвергнут перестройке?

– Молодец, хороший вопрос, – похвалил Эрик. – У меня такой же относительно умственно отсталых людей и вообще инвалидов с отклонениями в психическом развитии.

– Ответ на оба вопроса – да! – Игорь Николаевич уверенно кивнул. – Для индивидов с явными аномалиями в развития мозга у наноботов записана дополнительная подпрограмма по устранению нарушений. Их умственное развитие в результате работы наноботов придет в диапазон, который среди людей принято считать нормальным, и недуг будет устранен.

Эрик облегченно выдохнул. Вспомнилась кузина Йоханна – девочка страдает аутизмом в тяжелой форме и имеет зарегистрированную в страховой кассе инвалидность, ходит в спецшколу для детей с отклонениями. С ней почти невозможно общаться – всякий раз во время визитов к родственникам сердце кровью обливалось, когда видел ее. Жалко до жути, а исправить ничего нельзя, с этим ей жить. Она, конечно, не одна такая, детей и взрослых с аномалиями сотни, даже тысячи, в одной только Швеции, не говоря об остальном мире. Эти наноботы – настоящая манна небесная для человечества.

– А что будет с теми, кто никого никогда не убивал и вообще по жизни добрый мягкий человек? – спросила Софья. – Как, к примеру, мой папа. Не думаю, что стоит тратить время и средства на перестройку таких людей...

– Нет, Софья, – покачал головой Игорь Николаевич, – повседневное поведение человека – это нечто иное. Встроенный в нынешний коннектом высокий уровень агрессии может давать о себе знать часто и быть нормой поведения определенного индивида; а может всплывать лишь иногда и только при определенных обстоятельствах. Или не проявляться вообще никогда. Но сути это не меняет, он все равно есть, он *может* вылезти наружу. И что самое главное, он блокирует подключение.

Лейм опять принялся прогуливаться по лаборатории, размышляя о чем-то своем, леймовском. Наконец остановился, взглянул на гостей. Те молчали, ожидая продолжения.

– Последнее, что необходимо сделать, – произнес он, – доставить стартовые партии наноботов на Землю и распространить среди населения, запустив тем самым процесс нейрокоррекции. Как это осуществить? Выбор у нас невелик, он обусловлен особой конструкцией нанобо-

тов, накладывающей ограничения на способ распространения: они в состоянии передаваться естественным образом лишь от человека к человеку. Эти ограничения, безусловно, замедлят весь процесс.

– В любом другом случае, – догадался Эрик, – можно было бы просто-напросто распылить ботов над всеми крупными городами Земли, и вопрос был бы решен в течение нескольких месяцев, не так ли?

– Ты прав, – кивнул лейм, – все могло бы совершиться быстрее и проще, если бы характер человеческого коннекта не накладывал определенные ограничения на конструкцию и функциональность наноботов. Но, с другой стороны, нет никакой необходимости торопиться, ведь у нас в запасе примерно пять лет. Остается лишь доставить стартовые партии наноботов на Землю, чтобы запустить процесс их естественного распространения.

Игорь Николаевич сделал еще одну паузу и многозначительно посмотрел на землян.

– Что вы предлагаете? – спросила Софья. Она заметно волновалась, догадываясь об ответе, даже побледнела.

– Наноботов доставите на Землю вы! – объявил лейм.

Эрик выкатил глаза, Софья всхлипнула. Серьезным деловым тоном лейм добавил:

– Не только доставите, но и распространите. Этим займутся те наши гости, кто не откажется сотрудничать.

– Кхем... – Софья неуверенно кашлянула и с опаской посмотрела на лейма, – а если кто-то из гостей откажется?

– Кто откажется, тому выжжем мозг, – спокойно ответил Игорь Николаевич и задорно подмигнул Эрику.

– Это он опять надо мной прикалывается, – с усмешкой объяснил Эрик ошарашенной Софье, – было у меня однажды по пути сюда такое предположение.

– Кто откажется, просто вернется домой и продолжит жить, как жил раньше, – успокоил девушку Игорь Николаевич. – Всегда можно найти для этой роли кого-то другого, землян семь миллиардов. Однако должен заметить, что большинство гостей уже согласилось оказать помощь без всяких оговорок или встречных условий, что и понятно – они же прилетели сюда добровольцами, и, кроме того, приведенные аргументы возымели действие. Кстати, поиск кандидатов на сканирование проходил не так гладко: нам пришлось встретиться и побеседовать не с одним десятком людей, прежде чем нашли вас. Большинство из тех, кого мы встретили, лететь отказались и не пожелали никакого продолжения контакта вообще. А кто согласился, теперь здесь на гиперонике и, несмотря на некоторые сомнения относительно выбранного метода, в целом настроены позитивно к предстоящей нейрокоррекции.

– Повезло, – прокомментировал Эрик, – что так удачно сложилось.

– Вообще-то, дело не в везении, их и ваша готовность помочь вполне естественна: вряд ли отыщется здравомыслящий индивид-землянин, который возражал бы против того, что агрессия и насилие есть зло, приносящее неисчислимые бедствия и страдания как отдельным людям, так и человечеству в целом.

– Разумеется! Возражать против этого может лишь отъявленный негодяй и мерзавец или какой-нибудь психопат, – поддержала это суждение Софья. – А то и просто законченный тупица.

– Лично я не против помочь снизить уровень агрессии среди людей, ведь от этого выиграют все, – убежденно заявил Эрик. – Но мне кажется, что я не совсем компетентен для этой задачи. Я, знаете ли, не спецназовец, а обыкновенный «офисный планктон», так что как бы я вам все не испортил...

– А я еще меньше гожусь на роль супергероя, – Софья кивнула на свой выпирающий живот, – когда училась в универе, то на физре была отличницей и чемпионкой факультета по бегу на короткие дистанции, а теперь...

– Так, минутку, – лейм вскинул руку, – о чем это вы? Какой спецназ? И при чем здесь супергерои?

Эрик собрался пуститься в разъяснения, но оказалось, что вопросы риторические. Лейм заговорил:

– Вам не придется делать ничего из того, о чем вы, очевидно, подумали. Все будет гораздо проще и прозаичнее. Дело в том, что наноботы сконструированы по образу высококонтагиозных вирусных организмов (отсюда упомянутые ранее ограничения, наложенные на способ распространения) с уровнем вирулентности, равным ста процентам. Через несколько минут вы получите инъекцию стартовой партии ботов, которые размножатся в вашем организме до нужного количества и далее будут вести себя, как обыкновенные вирусы. Именно таким образом они и распространятся среди людей. Важно, однако, помнить одну специфическую деталь – вирус имеет максимальную контагиозность в радиусе двух-трех метров от носителя, передаваясь воздушно-капельным путем, и к тому же не в состоянии функционировать вне человеческого организма дольше примерно трех минут. Поэтому от вас потребуется много, часто и подолгу посещать места большого скопления народа, желательно в разных густонаселенных городах, но в остальном жить, как жили раньше. Разумеется, лучше сохранить цель ваших действий, да и вообще всю вашу миссию, в тайне. Это поможет избежать неприятных конфликтов, недопонимания, противодействия и ненужных рисков.

– А как насчет... – начала Софья, но Игорь Николаевич угадал вопрос.

– Не волнуйся, на плоде эта процедура никак не отразится. Это будет обыкновенный укол.

Софья поежилась при этом слове, однако в остальном виду не подала.

– Надеюсь, не в задницу, – попытался пошутить Эрик, но Софья зыркнула на него так, что он осекся и умолк.

– Ну что ж, – лейм, словно в предвкушении вкусного обеда, потер ладони, – если больше нет вопросов и вы согласны принять участие в исправлении человечества, то приступим!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

– Поздравляю тебя, милая!

Джеймс торжественно протянул жене роскошный букет роз, увитый пестрыми лентами.

– О, благодарю тебя, дорогой, – устало проговорила Анджела, переступая порог и закрывая за собой дверь. Родные встречали ее прямо в прихожей, нетерпение пылало на их лицах, что и понятно: вместо запланированного возвращения в шесть пополудни, она попала домой только в начале десятого. Ситуация на работе не позволила отлучиться раньше даже в этот особый день.

– Мама, с днем рождения тебя!

Ричард и Питер бросились к матери с объятиями и поздравлениями, а потом, едва отпустив, снова потребовали ее внимания. Ричард на правах старшего брата протянул ей продолговатую коробочку, обернутую в цветастую подарочную бумагу с вычурным бантиком у края.

– О боже, что это? – с умилением произнесла Анджела, принимая подарок.

– Открой и увидишь.

Все трое замерли в взволнованном ожидании, неотрывно наблюдая за каждым движением ее пальцев, пока она вскрывала обертку.

– О нет... – благоговейно выдохнула Анджела, когда ее восхищенному взору предстала прямоугольная коробочка с элегантной надписью Rolex Daytona. Она с укоризной посмотрела на мужа – тот торжественно улыбался, – потом обняла и расцеловала детей. Дотянуться до высоченных тинэйджеров было нелегко, им даже пришлось немного наклониться.

– Спасибо, дорогие мои, спасибо! Замечательный подарок!

– Это от Ричарда и Питера, – пояснил Джеймс.

Ага, как же, копили и откладывали свои карманные деньги.

– А в гостиной увидишь кое-что от меня, – он сделал жест рукой, предлагая жене пройти в комнату.

– Как? Есть что-то еще? – подыграла ему Анджела, но прошла в гостиную и увидела богато накрытый обеденный стол, уставленный всевозможными яствами в сопровождении пары бутылок дорого вина.

Джеймс легонько подтолкнул жену ближе к столу, она подошла, и ее взгляд упал на красочно расписанный конверт, лежавший прямо на тарелке во главе стола. Она удивленно взглянула на мужа, затем взяла конверт в руки, развернула.

– Ох... – благодарно выдохнула она и обняла Джеймса.

– Отдохнешь от всего и всех, развеешься, – сказал он, словно оправдываясь за выбор подарка, – неделька на Доминикане пойдет тебе на пользу.

– А ты?

– Отдохни от всего и всех, – наставительно повторил он, целуя ее. – Следует хоть иногда побыть одной. Отдельное бунгало на берегу Карибского моря будет в самый раз.

Анджела еще раз поблагодарила, обняла. Интересно, сколько в этом подарке искренней заботы о ней, а сколько банального желания сплавить ее подальше? Но не придерешься, она и вправду сама не раз говорила, что хочет отдохнуть от всего и побыть одной.

Ужин затянулся допоздна и прошел уютно, приятно и весело. Compliments, поздравления, пожелания лились рекой. Только семья и никаких гостей. Конечно, совсем без гостей не обойтись, через пару недель в субботу приглашены друзья и некоторые из коллег, будет небольшая вечеринка с закусками и коктейлями в одном из арендованных залов в Трентон Холл. Анджела не горела желанием устраивать пышные приемы в свою честь, но понимала, что пригласить людей придется: иначе неудобно, положение обязывает.

Поздно вечером, в постели, Джеймс принялся ласкать ее, желая доставить особое удовольствие именно сегодня, но Анджела мягко отстранила его ласки. День выдался трудный, долгий, и задуманное могло запросто превратиться в пытку.

Утром Анджела проснулась раньше обычного. Взглянув в зеркало в ванной, отшатнулась. Сиреневые мешки под глазами от постоянного недосыпания и несколько новых морщинок в уголках глаз вконец испортили и без того паршивое настроение. Но рефлексировать о возрасте не было ни сил, ни желания. Мысли занимала ситуация с черной сферой и сообщениями от важных контактов в разведке. Из Пекина новостей еще не поступало, Хант тоже молчал. Прежде чем предлагать президенту план действий, необходимо собрать больше информации. Следует ждать.

Спешно приняв душ и выпив чашку черного кофе, она собралась и вышла из дома. У обочины ждал служебный автомобиль, водитель услужливо распахнул дверь. Начинался новый рабочий день.

Войдя в кабинет, Анджела первым делом включила ноутбук и проверила спецпочту. Есть! Предчувствие не обмануло ее. Сердце радостно забилося, когда она обнаружила среди кучи новых мейлов сообщение от Линдблада. Оно пришло по зашифрованному каналу и открылось только через пароль. Новости из Швеции!

Европейский резидент сообщил, что удалось идентифицировать мужчину, который вошел в черную сферу в северной Швеции несколько дней назад. Им оказался некий Эрик Свенсон тридцати лет, женат, детей нет, постоянное место жительства город Стокгольм, район Сёдермальм. Ниже следовал его точный адрес, телефон, персональный номер, прилагалось фото, а также копия заявления в полицию о пропаже, поданное его матерью. В заявлении указывалось, что она не имела контакта с ним с самого четверга одиннадцатого июля: на звонки он не отвечает, дома никто не открывает.

В материалах дела приводятся также показания его коллег, в частности, Магнуса Петтерсона – по собственным словам, близкого друга пропавшего. Магнус утверждает, что он и Эрик договорились встретиться вечером тринадцатого июля. Магнус должен был зайти к Эрику домой, откуда они планировали отправиться по барам в центре города. Примерно за полчаса до встречи Магнус получил СМС-сообщение от Эрика с извинениями и предложением перенести встречу. Причины не объяснялись. На следующий день Магнус пытался связаться с другом, но телефон Эрика был отключен, и никаких вестей от него с тех пор не поступало. Затем допросили жену Эрика, Сандру Лундберг, но она также не имела никаких контактов со своим мужем после тринадцатого июля. Хотя, по ее словам, они расстались несколькими днями ранее и с тех пор не общались.

Анджела откинулась в кресле, провела ладонями по коротким, уложенным в аккуратное каре волосам. Что ж, все только подтверждается. Похожая картина событий. Интересно, есть ли еще подобные исчезновения?

Она набрала своему контакту в ЦРУ и попросила проверить данные об исчезновениях или похищениях людей начиная с 1 июля – то есть с того дня, когда поступили самые первые сообщения о черной сфере. Поиск предстояло вести прежде всего в США, но также во всех тех странах, до которых АНБ только сможет дотянуться. Пришлось задействовать контакты и в этой службе. Не исключено, что-то выплывет наружу. Кто ищет, тот всегда найдет.

Так, а что касается этого шведа... Анджела вернулась к ноутбуку и быстрой дробью настучала сообщение Линдбладу, в котором уполномочивала его привлечь все имеющиеся ресурсы европейской резидентуры и установить слежку за домом Свенсона, а также за его друзьями и родственниками. В случае появления шведа приказ предоставлял карт-бланш на все оперативные действия и формулировался четко и ясно: немедленно задержать и ждать указаний. Через несколько минут пришло ответное сообщение от агента с подтверждением.

Анджела пообещала Линдбладу связаться с шведскими органами госбезопасности и попросить о полном содействии в форме невмешательства. По крайней мере до тех пор, пока Линдблад не сочтет, что оно необходимо. В вопросах содействия никогда никаких заморочек не возникало: шведские госорганы всегда рады помочь своим союзникам, даже вопросов задавать не станут.

До Свенсона добраться не так сложно, решила Анджела. В Мексике все мутно и трудноосуществимо; у русских своя игра, делиться данными они, конечно, не станут. А вот швед – самый близкий и доступный (разумеется, после Саманты) источник, детальный разговор с которым позволит докопаться до истины. Только бы он не заставил себя долго ждать.

* * *

Остаток «дня» прошел в непринужденном трепе впережку с безудержным обжорством, благо исключительно вкусная деликатесная еда имелась в бесконечном изобилии. Софья ныла и жаловалась, что вот-вот ужасно поправится и испортит фигуру, но тем не менее ела и ела, словно соревновалась с Эриком во вместительности желудка. Эрик уступать не хотел и оборотов не сбрасывал. Когда еще получится так поесть. В Швеции обильное питание дорогими деликатесами обошлось бы в половину месячной зарплаты. У Софьи же, по ее мнению, имелось целых два оправдания такому безответственному поведению: во-первых, она ела за двоих, а во-вторых, ей требовалось заесть стресс от укула. Изгиб локтя по-прежнему болит, жаловалась она, поэтому надо взять еще пару эклеров.

Инъекция, как и обещал лейм, прошла почти незаметно. Кроме легкого укула в руку, Эрик ничего не почувствовал. С этого момента, следуя вложенной в них программе, вирусы-боты тихо и незаметно делали свое дело. Интересно, проявится ли в чем-то перестройка, которой подвергается мозг, размышлял Эрик. Он предположил, что первым результатом коррекции

будет полная непереносимость и абсолютное неприятие алкоголя и наркотиков. Как объяснил лейм несколько часов назад, при попадании в мозг эти токсины блокируют подключение в той же мере, что и повышенная агрессия, поэтому первым действием наноботов будет исправление коннектома в сторону категорического неприятия веществ, вредных для сознания и разрушительных для нейронов. Наркотики Эрик никогда в своей жизни не пробовал, а вот бокальчик вина или баночку пива по субботам пропустить любил. Но, видимо, от этих сомнительных удовольствий придется отказаться. По крайней мере, есть ради чего. Хотя, если верить лейму, отказываться – в смысле делать над собой усилие – не придется; результат (и суть!) перестройки именно в том, что *хотеться* уже не будет. Какое замечательное и удобное решение для подверженных зависимости людей...

Его размышления прервал мелодичный голос Иды, которая, как всегда, неожиданно возникла на пороге:

– Подкрепляетесь перед дорогой?

– Еще бы! – в голосе Софьи зазвучала самоирония. – Нам нужны силы перед трудным, изматывающим путешествием через миллионы километров.

Ида опустила на стул рядом с Эриком и подцепила вилкой кусочек холодного копченого мяса, отправила в рот.

– Когда отправляемся? – спросил Эрик

– Завтра с «утра», – ответила она. – Но прежде надо будет вживить контрольный чип безопасности.

– Опять укол? – насторожилась Софья.

– Угу, – кивнула лейм, – только на этот раз не в руку.

– А куда? – Софья побледнела.

– В голову.

– Вы издеваетесь?!

– Что ты! Ощущения будут еще менее болезненные, чем в прошлый раз. Иголочка совсем малюсенькая.

– Придется тебе сожрать еще один кусок торта, – Эрик ржанул, – для снятия стресса.

Софья пнула его ногой под столом и обратилась к лейму:

– Что за чип?

– Он подключится непосредственно к коре мозга и предоставит вам массу удобных функций, в числе которых прямой ментальный контакт с другими членами группы, так что очки-коммуникаторы вам больше носить не придется. Помимо этого, у вас будет связь с материнской капсулой, то есть с нами. Но самое важное – чип содержит небольшое количество наноботов общего назначения, которые будут считывать сигналы вашего мозга и наблюдать за происходящим вокруг вас. В случае возникновения крайне опасных ситуаций предложат вам на выбор несколько доступных вариантов действий. Чип снабжается энергией дистанционно от гипероника через зонд, а в автономном режиме от собственных батарей и от переработки человеческих балластных белков – метаболитов нейронов. Короче, штука полезная. Можете, конечно, отказаться, но я бы не советовала.

– Я – за! – с энтузиазмом произнес Эрик.

– Ладно, я тоже, – неохотно кивнула Софья, заметно погрузнев.

– Ну, тогда я пошла.

Ида встала из-за стола и направилась к двери.

– Отдыхайте, завтра сразу после вживления чипа разведзонд доставит вас на Землю. Но посадка будет ночью, чтоб уменьшить риск нежелательного обнаружения.

Лейм махнула людям на прощанье и исчезла в проеме двери, который мгновенно затянулся за ней, словно его никогда не существовало.

– Вот и подошло к концу наше путешествие, – проговорил Эрик через несколько минут. –
Завтра домой...

– Не хочется, – невесело откликнулась Софья, – не знаю почему...

– Придется объясняться со своим парнем?

Она пожала плечами, убрала прядь волос со лба.

– Возможно. Не представляю, что ему сказать.

– Потому что ты колеблешься. Когда решишь окончательно, будет легче с ним расстаться.

Софья вонзила в него взгляд острый, как штык, но тут же отвернулась. Некоторое время сидели молча, размышляя каждый о своем. Эрик подумал, что тоже не горит желанием возвращаться домой. Пустая квартира, унылая серая рутина, Магнус с истеричными рассказами про НЛО. Ничто из этого не тянуло домой, не привлекало. Потом решил, что неправ: рутина и серость остались в прошлом. Ныне его ждет миссия настолько важная, насколько вообще можно себе вообразить. Наверное, жизнь больше не будет казаться скучной.

– Ладно, спать пора, – сказала Софья то ли ему, то ли самой себе и встала из-за стола. –
Завтра будет трудный день.

Эрик возражать не стал. Подошел к кровати, взглянул на девушку. Она стояла по другую сторону, выжидательно глядя на него.

– Ну что, – на ее губах заиграла лукавая усмешка, – ты в кресле или как?

– Или как! – твердо ответил Эрик и принялся стаскивать с себя футболку. Затем расстегнул ремень, снял брюки и носки, аккуратно разложил одежду на одном из стульев. Оставшись в трусах, он откинул одеяло и улегся в постель.

– А ты в кресле или как? – с вызовом глядя на Софью, поинтересовался он.

Девушка вскинула широкие брови, растерянно покачала головой. Такого поворота она не ожидала. После секундного колебания, она одним быстрым движением сняла с себя платье и бросила на спинку ближайшего стула. Эрик невольно окинул ее взглядом. Живот выпирал тяжелым тараном, белизну туго натянутой кожи подчеркивала россыпь темно-коричневых родинок. Небольшой золотой крестик украшал средних размеров грудь, охваченную белым кружевным бюстгалтером. Победно ухмыляясь, Софья посмотрела Эрику в глаза и медленно с расстановкой произнесла:

– А теперь отвернулся, быстро!

Он крикнул, хмыкнул, но послушно повернулся на бок к ней спиной. Софья тем временем торопливо расстегнула лифчик, бросила на стул и юркнула под одеяло.

– И даже не думай! – грозно предупредила она.

– Ты понятия не имеешь, о чем я думаю.

– Ага, а то я не знаю... И вообще, – Софья сделала усилие, чтобы сохранить серьезный тон, – если полуобнаженные мужчина и женщина оказываются наедине в постели, это еще не повод заняться сексом.

Эрик хохотнул.

– У вас в России, может, и не повод...

– В точке либрации Л-три – тоже!

– Это леймы сказали? – спросил Эрик, посмеиваясь и глядя в стену напротив. – Они тебя обманули.

– Завтра сам спросишь у Иды.

– Обязательно, прямо с «утра»!

– Договорились! Спокойной ночи.

– Взаимно.

Эрик снял очки и коснулся кнопки у изголовья кровати, свет погас. Они затихли и лежали молча, спинами друг к другу. Проваливаясь в сон, Эрик поймал себя на том, что еще улыбается, и порадовался, что темно, ничего не видно.

Было бы светло, увидел бы, что и Софья заснула с глуповатой улыбкой на лице.

* * *

В зале было шумно. Гости смеялись, хлопали друг друга по плечам, обнимались и громко разговаривали. Тревожное оцепенение первого дня знакомства прошло, и теперь между десятком представителями человечества в течении нескольких минут установились такие тесные узы, словно они знали друг друга десятилетиями. Мужчины и женщины общались приветливо и дружелюбно, говорили громко и возбужденно, будто на пьяной вечеринке. Все как-то разом позабыли, что, получив вживленные в мозг чипы, могли бы общаться безмолвно, используя ментальный канал связи. Система передавала визуальные сообщения напрямую на первичную зрительную кору мозга, а аудиосигналы – на соответствующие поля Бродмана. Управление коммуникатором было достаточно простым и понятным, не требующим специальной подготовки; интуитивно поданные команды исполнялись моментально.

Эрик перезнакомился со всеми соплеменниками, поспрашивал, как зовут, и откуда, и как прошел первый контакт с Леймом, да и сам ответил на столько же, если не больше, вопросов. Любопытство и приятное волнение среди людей преобладало над беспокойством от предстоящей миссии. Как и ожидал лейм, участвовать и помогать согласились все. Никто не протестовал против того, что исправление и улучшение человека как вида – благое дело, хотя не все соглашались, что нейрокоррекция есть единственный правильный путь. Некоторые полагали, что уговоры и объяснения могут возыметь тот же эффект, а вмешательство в человеческую психику наноботами неэтично, но помочь тем не менее не отказывались.

Эрик поначалу заподозрил неладное: все гости как один пошли на сотрудничество. Невольно закралась тревожная мысль, не под воздействием ли они? Но сразу же отмел ее как несуразную глупость: во-первых, аргументы леймов вески и убедительны, и, как правильно заметила Софья, против них может возражать лишь псих или мерзавец, а таких людей, к счастью, меньшинство. Во-вторых, в этой ситуации даже с точки зрения теории вероятностей нечему удивляться – согласились всего лишь десять из десяти, что тут странного? Вот если бы соотношение составило, к примеру, тысячу из тысячи, то тогда имелись бы серьезные основания призадуматься.

Сам же Эрик считал, что исправлять человеческую натуру можно и нужно любыми доступными способами, и чем скорее, тем лучше, пока не стало слишком поздно. По недоумию или по воле злого рока красную кнопку могут нажать в любой момент с любой стороны, и тогда никакой Лейм не поможет.

– Привет! – раздался за спиной глубокий мелодичный женский голос с едва слышной хрипотцой.

Эрик обернулся и встретился взглядом с высокой темнокожей женщиной. Заплетенные в пестрые дреды волосы лежали на покатых плечах, пухлые, чуть вывернутые губы расплылись в белозубой улыбке. Глубокая ложбинка разделяла два полных шоколадных полушария, приоткрытых вырезом ее блузки.

– Я – Саманта, – представилась она.

– Я знаю, – ответил Эрик и улыбнулся ей самой лучезарной улыбкой, на какую только был способен. Молодая женщина вскинула бровь, и он пояснил: – Нас всех представляли, когда разводили по коридорам. Вот я и запомнил.

– Окей, ясно, а как тебя зовут?

– Эрик. Из Швеции, Стокгольм.

Они поболтали еще, делясь впечатлениями обо всем, что довелось узнать за последние несколько дней, рассказывая вкратце о своей жизни на Земле и о планах на будущее. Но через

несколько минут Саманту окликнул Бидхья и подозвал, чтобы продолжить прерванный разговор.

– Ладно, Эрик из Швеции, удачного полета, – она улыbnулась и протянула руку. Он пожал мягкую ладошку, задержав ее в своей чуть дольше, чем полагалось.

– И тебе!

– Будешь у нас в Луизиане, заглядывай, угощу нашим знаменитым лимонадом, – пообещала Саманта и, развернувшись, направилась в другой конец зала.

Эрик посмотрел ей вслед, наслаждаясь зрелищем ее длинных стройных ног и широких округлых бедер, обтянутых тугими шортами. Невольно сглотнул и с усилием отлепил взгляд. А когда обернулся, перехватил укоризненный взор Софьи. Она покачала головой и отвернулась, продолжив беседу с Ксином, а затем соединилась напрямую с Эриком через нейрочип, и ее строгий голос отчетливо зазвучал в его голове:

«Что-то я совсем запуталась, Эрик. Глядя на Иду, решила было, что твой идеал женщины – бледные шуплые блондинки. Теперь вижу, все совсем наоборот...»

«Хе-хе, – усмехнулся Эрик, – иногда мне нравятся крайности».

«Правда? А мне казалось, шведы склонны к умеренности и стараются избегать крайностей во всем».

«Значит, я не типичный швед», – парировал Эрик.

«Интересно, в чем еще ты нетипичен?»

«Пусть пока останется для тебя загадкой».

«Заинтриговал... ладно, услышимся еще. И поосторожней там со своими крайностями».

Эрик хохотнул, отключился. Огляделся, выискивая, с кем еще не беседовал.

Общение продлилось еще некоторое время, прежде чем раздался мягкий голос лейма:

– Друзья, настала пора отправляться домой. Через несколько минут зонд состыкуется с материнской капсулой, вы сможете войти и занять свои места в гибернаторах. Перед погружением в сон укажите координаты желаемой высадки. По прибытии на Землю рекомендуется незамедлительно открыть прямой канал связи с капсулой. Далее, хотим напомнить: можете жить обычной жизнью, но старайтесь побольше путешествовать, особенно по крупным городам. Желаем удачи в этой исключительно важной миссии. Благодаря вашим усилиям человечество в течение ближайших нескольких лет изменится в лучшую сторону и вступит полноправным членом в дружную семью леймовых цивилизаций. Спасибо вам, и всего наилучшего!

Голос умолк, в зале повисло благоговейное молчание. Десять человек из самых разных уголков мира, едва знакомые друг с другом, ощутили общность и взаимную симпатию с каждым из своих товарищей. В этом немалую роль сыграл прямой канал ментальной связи – доступный всегда, невзирая ни на время, ни на расстояние. Но главное: единая цель, грандиозная и благая, сплотила лучше, чем десятки лет дружбы, и это ощутили все. Причастность к грядущим переменам льстила и воодушевляла, ведь творить добро и бороться со злом всегда являлось нравственным приоритетом. Однако теперь в старом как мир противоборстве добра и зла появился новый игрок – команда из десяти обычных землян, в арсенале которых нет ни оружия, ни священных писаний, ни волшебных артефактов, а лишь горстка нанороботов и воля изменить мир к лучшему.

Прошло несколько минут, прежде чем в одной из стен возник широкий проем, за которым виднелось знакомое нутро зонда.

– Счастливого пути! – торжественно провозгласил лейм.

Десять человек неторопливо потянулись к выходу. Лица их, удивительно разные и непохожие, светились энтузиазмом и радостью.

Подходя к проему, Эрик поравнялся с Софьей, чуть приотстав от остальных. Она повернулась к нему, уголки ее губ тронула грустная улыбка.

– Все, – с едва заметной печалью в голосе изрекла она, – космическая сказка подошла к концу.

Эрик закивал, спросил:

– Где тебя высадят?

– В Парке Есенина, в Питере. Это неподалеку от дома, дальше доберусь сама. Или Глебу звякну, чтобы встретил. Заждался, небось.

– А я, наверное, на футбольном поле в Тантолунден, тоже недалеко от дома, минут десять пешком. Мне звякать некому, так что сам допру.

– Держим связь, не пропадаем?

– Обязательно!

Эрик и Софья вошли в зонд последними, остальные уже лежали в гибернаторах, лишь две свободные ячейки зияли открытыми крышками.

– Удачи! – пожелал Эрик и после секундного колебания заключил девушку в объятия. Она не отстранилась, обняла в ответ и прижалась к нему твердым как камень животом.

Потом торопливо отпустила и, не сказав больше ни слова, перешагнула края гибернатора. Улеглась, принялась устраиваться поудобнее, пока крышка медленно опускалась в пазы. Эрик лег в свой, шелкнули замки, в голове прозвучал мягкий леймовский голос:

«Прежде чем ваше сознание отключится, назовите, пожалуйста, место высадки».

«Футбольное поле... – начал было Эрик, потом запнулся, замолчал. В голове пронесся стремительный вихрь мыслей и чувств и в течение нескольких мгновений оформился из полу-осознанного порыва в готовое решение. Он закончил команду: – Парк Есенина, Санкт-Петербург, Россия».

Часть вторая. «Молоток»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Чайник на плите злобно зашипел и яростно забулькал, словно собирался вот-вот взорваться. Сгорбленный старик в ватной телогрейке устало прошаркал на кухню, на ходу почесывая давно не мытую бороду.

– Я мигом, сынок, мигом! – проскрипел он молодому мужчине в синей куртке и голубой кепке, который стоял посреди гостиной с пачкой бумаг в руках. Мужчина устало вздохнул, закатил глаза к обшарпанному потолку. Этот визит начинал утомлять его. Только и делов – расписаться в получении пенсии и принять деньги. И все! А тут то одно, то другое. Сначала старику приспичило в туалет, и его пришлось ждать почти десять минут; затем он никак не мог расчистить заваленный всяким стариковским хламом стол, чтобы разложить на нем несколько жалких купюр и, тыча в них пальцем, сосчитать. А теперь вот чайник надо с плиты снять. Господи, какой отвратительный квартал! Словно кто-то нарочно собрал самых вредных и занудных старух и стариков города в одном месте и расселил их в соседних квартирах. В следующем месяце надо будет с Наташкой договориться, пусть сама сюда ходит, у нее терпения больше, а он возьмет соседний.

На кухне гроыхнуло, загремело, послышался мат и чертыханья, потом раздался старческий голос:

– Иду, иду...

– Да, да, я жду вас, Степан Макарыч, – процедил почтальон сквозь зубы.

Ритмичное шарканье, вздохи и кряхтение, и вот старик появился в гостиной.

– Давай, сынок, покажь, где черкнуть надо.

Молодой человек уже в сотый раз ткнул пальцем в черту у края листа платежной ведомости.

– Бог ты мой, – проскрипел старик, – очки на кухне забыл. Сейчас, милок, я мигом...

– Да нет же, Степан Макарыч, очки у вас в нагрудном кармане.

– Ой, и правда, дырявая моя башка, – старик с усмешкой ругнулся в бороду и достал очки.

Наконец заветная подпись поставлена и деньги пересчитаны. Не скрывая облегчения, молодой человек направился к двери.

– Когда еще придешь, сынок?

Стоя на пороге, молодой человек обернулся, сказал ледяным голосом:

– Через месяц, дедуля, через месяц.

Не прощаясь, он торопливо покинул похожую на бомжатник квартиру и исчез за лестничными пролетами.

– Дай бог тебе здоровья, милок! – прокричал ему вслед старик и захлопнул дверь.

– Чтоб ты провалился, ублюдок, – хмуро пробурчал он себе под нос пару секунд спустя, защелкивая замки и вешая цепочку.

Оставшись один, он распрямился и бодрой походкой прошел в гостиную. Выдвинул ящик комода, приподнял лежащие плотной стопкой простыни и вытащил из-под них ноутбук. Затем вернулся к столу и, безжалостно смахнув весь мусор на пол, положил компьютер на столешницу, нажал кнопку старт.

Через минуту система была готова к распоряжениям хозяина. Мужчина снял бесполезные очки, швырнул на диван. Туда же отправились растрепанная борода и лохматый парик. Теперь, когда маскарад больше не мешал и не раздражал, мужчина погрузился в работу. За

четверть часа проверил все сообщения, отписался начальству, которое требовало ежедневные доклады, затем пролистал последние новости как на общедоступных сайтах, так и на внутри-системном форуме. Все было тихо, никаких подвижек. Оставалось сделать последнее и главное – созвониться по спецсвязи с Малышевым и получить последнюю сводку по двум особо важным вопросам.

Он щелкнул мышкой по самому недавнему сообщению, оно открылось, показав номер телефона. Каждый день приходил новый мейл с новыми инструкциями для связи. Что поделывать, крайние меры предосторожности.

Он достал из кармана брюк служебный телефон, набрал указанный в письме номер. Два гудка, и послышался знакомый голос:

- Слушаю вас, товарищ полковник!
 - Здорово, Гена. Что слышно с улицы Дыбенко?
 - Без новостей, товарищ полковник, Лесенковская не объявлялась.
 - Звонки близким? Друзьям?
 - Вся мобильная связь под нашим контролем, в том числе сетевой трафик. Пока ничего.
 - Ясно... – полковник вздохнул. – Есть новости о Молотке?
 - Только при личной встрече, – последовал лаконичный ответ.
- Все верно, по инструкции.
- Буду на обычном месте через час, отбой.

Не дожидаясь ответа, полковник отключился и спрятал телефон в карман.

* * *

Сборы не заняли много времени. Телогрейка и дранные штаны отправились в шкаф, оттуда появились джинсы и футболка, а легкая светлая ветровка с капюшоном завершила перевоплощение. Погода стояла нестабильная, хоть на дворе и лето, но Питер есть Питер: прохладный дождь может хлынуть когда угодно в течение дня, даже если с утра небо голубое, а летнее солнце приятно согревает северный город.

Мужчина швырнул засаленный помятый паспорт на имя Степана Макаровича Иванова в ящик стола и достал бордовую корочку удостоверения сотрудника военной разведки на имя Олега Сергеевича Верещагина. Раскрыл, взгляделся. Нелегко был путь от лейтенанта к полковнику спецотдела ГРУ, путь, орошенный реками крови – своей и чужой – и слезами утрат и страданий. Чечня и Северный Кавказ, ближнее и дальнее зарубежье, задания особой важности и крайней деликатности по всему миру, о которых обычно не рассказывают по телевизору и о которых не прочтешь в газете. Тяжелые годы службы оставили свой отпечаток на лице не только шрамами и ранними морщинами, но и седыми висками, а также особым выражением в глазах – выражением стальной решимости, непоколебимой стойкости и всевидящей проницательности.

Рядом с удостоверением в ящике – обычный гражданский паспорт, а в него вложена выцветшая фотография. Олег взял ее в руки, всмотрелся в милые сердцу образы. Зубы невольно сжались, желваки заиграли на щеках. Молодая светловолосая женщина с трехлетним мальчишкой на руках. Смотрят в объектив камеры, радостно улыбаются мужу и папе, знают, что фото он возьмет с собой, чтобы во время долгих командировок видеть свою семью хотя бы так, на фотографии. Этому снимку больше двадцати лет, все эти годы он берег его как зеницу ока. Ведь это то немногое, что осталось от семьи, не считая писем, открыток и просто воспоминаний. Та ночь в Белграде в одночасье изменила его жизнь. «Умные» бомбы натовских бомбардировщиков оказались не настолько умны, как уверяли западные военные. Жилые кварталы, больницы, дипломатические корпуса – все рушилось и горело под ракетами миро-

творцев, которые калечили, жгли и убивали всех без разбору, и гражданских, и военных. Опознали женщину и ребенка не сразу, собирали по кусочкам. Прямое попадание.

Олег вложил фотку обратно меж страниц паспорта, а паспорт в ящик стола. Последнее, что достал, был стечкин. Проверив боезаряд, он спрятал пистолет в широкий карман куртки, застегнул его на молнию и, заперев ящик стола, направился к входной двери. Доклада Малышева ждал с нетерпением, вести о Молотке были сейчас приоритетом номер один, на ранг выше, чем пропавшая девушка с Дыбенко.

* * *

Станция «Прспект Ветеранов» в этот час наполнилась народом, несметные толпы выплескивались из вагонов и единой массой плыли к выходу. Олег Верещагин был одним из немногих, кто, усердно работая локтями, продвигался в противоположном направлении. В последний вагон успел заскочить за мгновение до того, как двери сомкнулись, отделяя его от столпотворения на платформе. Сел, как обычно, на самое последнее сиденье с правой стороны. Состав тронулся и, неторопливо покачиваясь, начал набирать скорость.

Прошло примерно четверть часа, прежде чем приятный женский голос объявил станцию «Балтийская». Олег выпрямился, повернулся к окну. Наконец поезд затормозил и встал, двери открылись. В вагон вошли две женщины, подвыпивший дедок и молодой парень интеллигентного вида в джинсовых брюках и пиджаке, с темно-бордовым портфелем из натуральной кожи. В вагоне имелось немало свободных мест, но он сел на соседнее с Олегом сиденье. Когда поезд загремел колесами о рельсы, парень повернулся к Верещагину и негромко произнес:

– Добрый вечер, товарищ полковник.

– Привет, Гена, – откликнулся Олег, его голос был едва слышен сквозь стук колес. – Не томи, рассказывай.

Оперативник окинул профессиональным взглядом немногочисленных пассажиров поезда. Никто, казалось, не проявлял излишнего внимания к двум беседующим мужчинам.

– Наблюдение за Королевым ведется по-прежнему круглосуточное, никаких новостей. Работа, дом, встречи с друзьями. Недавно побывал у своей матери в Павлово. Ни телефоны, ни Интернет...

– Довольно о Королеве, – нетерпеливо перебил Олег, – мне сейчас другое интересно...

– Олег Сергеевич, это важно, – настоял Малышев и, выдержав строгий взгляд командира, продолжил: – Были замечены две попытки сближения пиндосов с Королевым. Оба раза отступались, не хотели светиться, но у моих людей глаз наметан, мы их быстренько пробрили, теперь пасем. Продолжают вертеться вокруг него, ищут ходы-выходы.

Олег в задумчивости почесал нос, по спине пробежал холодок.

– Пиндосы, говоришь...

– Так точно, Хайдер и Виндж. Скоро узнаем, к чьей резидентуре принадлежат. Как будет инфа, сразу доложу.

Олег выругался. Как американцы могли узнать о деле Лесенковской и что именно им известно, оставалось только гадать. Но сейчас ясно было лишь одно – где-то в ФСБ засела крыса. Дело в том, что оперативники, занятые визуальным наблюдением за Королевым и отслеживанием его мобильных контактов и цифрового трафика, принадлежат федералам, но находятся во временном подчинении ГРУ и отчитываются Малышеву. Всей картиной они, конечно, не владеют – кроме приказа наблюдать и докладывать никакой информации не получали. Но в их отделе еще четыре человека, и кто-то из них стучит.

– Уроды! – в сердцах прорычал Верещагин.

– Кто, пиндосы?

– И они тоже. Ладно, картина ясна, спасибо. Я свяжусь с Семеновым из их отдела, пусть вычищают. Что насчет Лесенковской?

– Пока без новостей. Мы аккуратненько заглянули в ее квартиру – ничего такого, что могло бы навести на след. Также в наших и мидовских базах данных провели поиск человека, внешне напоминающего отца Лесенковской. Кроме его брата, который в настоящее время проживает в Казахстане, никого. Но тот не покидал пределов своей страны, уже проверили. Так что пока глухо.

– Америкосы?

Малышев покачал головой.

– Нет, к прочим ее контактам кроме Королева они не подходят, вероятно, не владеют информацией или просто боятся и выжидают.

Поезд остановился на очередной станции, двери раздвинулись, и вагон заглотнул новую порцию пассажиров. Недалеко от Малышева уселась бабища в ярко синем платье с огромными продуктовыми пакетами. Она растеклась сразу по двум сиденьям, ее необъятные габариты не позволяли ограничиться лишь одним местом. Интересно, мелькнула мысль, она платит за проезд в двойном размере?

Олег едва заметно кивнул сотруднику, оба замолкли. Когда поезд затормозил у платформы и открыл двери, они встали и вышли. Заскочив в следующий вагон, взяли за поручни у дверей и остались стоять: здесь почти все сидячие места были заняты.

Поезд тронулся, Олег заговорил:

– А теперь – главное. Что слышно о Молотке?

Малышев осторожно оглянулся, убедился, что рядом по-прежнему никого нет.

– Я получил сообщение. Молоток готов к тестам.

– Так и сказал?

Малышев уверенно кивнул, добавил:

– Он ждет вас завтра в девять утра. Код доступа найдете в контейнере Т-один.

– Принято, – коротко ответил Олег. – До связи.

Состав очень вовремя въехал на платформу станции «Площадь Восстания». Полковник покинул вагон, оставив своего сотрудника ехать дальше, а сам прошел по переходу на станцию «Маяковская» и сел на поезд зеленой ветки в южном направлении. Еще минут десять тряски и стука колес, и наконец объявили станцию «Ломоносовская».

Он вышел из поезда, поднялся на поверхность. Солнце палило во всю, свежий ветерок приятно ласкал кожу. В такую погоду в ветровке и бейсболке Олег выглядел странно, даже подозрительно. Но никому до него не было дела, люди суетились, спешили кто куда, даже патрульный полицейский у входа в метро лишь окинул его равнодушным взглядом и вернулся к своему смартфону. Его напарник активно флиртовал с молодой девушкой, явно недавней школьницей. Атмосфера всеобщей беззаботности (или наплевательства) вдруг вызвала мощную волну раздражения. Если бы у него под курткой было несколько килограмм взрывчатки, не составило бы труда смешаться с толпой или просто-напросто войти в переполненный вестибюль метро. Тогда оставалось бы только нажать кнопку, и все дела. Никто не помешал бы.

Верещагин отбросил мрачные мысли и огляделся по сторонам. Заметив неподалеку длинный ряд зеленых кабинок биотуалетов, направился к ним неторопливой походкой. Подошел к смотрительнице – полной женщине предпенсионного возраста, – она еле заметно кивнула, узнав. Он расплатился и подождал, пока освободится первая кабинка. Вошел, запер дверь. Нагретая солнцем, кабинка напоминала сауну в миниатюре, но вонь стояла невероятная, и жужжали навозные мухи. Стараясь не обращать внимания на запах, он взялся за крышку антисептической мыльницы и сдвинул блокирующий язычок. Крышка сверху шелкнула и поддалась, открыв нутро. Олег отыскал небольшой стержень, который был всажен в пазы и скреплял между собой верхнюю и нижнюю часть крышки, осторожно вытянул его. Потом взялся кончи-

ками пальцев за краешек бумажной полоски, обмотанной вокруг стержня. Полоска развернулась, на внутренней стороне оказался шестизначный номер. Олег вернул стержень на место, следом опустилась и щелкнула в пазах крышка.

Полковник внимательно всмотрелся в шесть цифр, повторил их в уме, зажмурился и воссоздал перед мысленным взором шестизначную последовательность, потом открыл глаза, сравнил. Все верно, теперь можно быть спокойным: код намертво впечатался в память. Он достал зажигалку и подпалил бумажку. Держа ее за самый краешек, дал ей догореть почти до конца. Огонь уничтожил номер, остаток Верещагин бросил в унитаз и захлопнул крышку.

Глоток свежего воздуха показался настоящим удовольствием после нескольких минут в страшной вонючей душегубке. Не глядя на тетку, которая собирала «дань» с желающих облегчиться, он спешно зашагал ко входу в метро.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Утро выдалось ненастное. Стояло безветрие, дождь моросил сплошной мутной завесой. Вдалеке слышались раскаты грома, но, похоже, эпицентр грозы проходил в стороне от города.

Верещагин проснулся рано, гораздо раньше, чем должен был протренировать будильник. Волнение от предстоящей встречи не позволило погрузиться в сон на все сто, пришлось довольствоваться дремотой в течение всей ночи. Какой уж тут сон, когда стало известно, что Молоток готов к тестам. Это гораздо важнее, чем сон.

Он выглянул в окно – на улице не многолюдно, редкие прохожие понуро бредут, укрывшись зонтами и капюшонами, грязная вода брызжет из-под колес проносящихся автомобилей. Вид из окна вызывал тоску и уныние, но радостное возбуждение в душе перевешивало и настраивало на позитив.

Олег сварил себе кофе, выпил почти залпом, торопливо попыхивая сигаретой. Все, пора!

Надвинув бейсболку на самые брови и накинув сверху капюшон, он вышел из подъезда навстречу летнему дождю. По сторонам не глядел, избегая взглядов соседей. В истинном обличье здесь его не знали, а когда вырядивался Степаном Макарьчем, здоровалась каждая собака. Жизнь под прикрытием и в маскарade утомительна, но необходима по соображениям безопасности.

Путь на Фурштатскую улицу занял больше часа. Потом еще почти четверть часа вышагивал по тротуару, ощущая, как мокрая насквозь одежда неприятно липнет к телу. Проходя мимо ресторана с заманчивой вывеской, бросил взгляд в окно, где посетители уплетали что-то вкусное. Сглотнул, вспомнив, что у него сегодня на завтрак были лишь чашка кофе и сигарета. Потом, потом, главное – Молоток.

Наконец, оставив позади немецкое посольство, свернул в железные ворота в стене жилого дома и оказался во внутреннем дворе. Там обнаружили входы в подъезды, а между ними – потерянная дверь на тяжелом замке, ведущая в подвал. Уверенным деловым шагом Олег подошел к двери и, достав увесистую связку ключей, отпер замок. В тускло освещенный подвал вводила короткая лестница.

Заперев дверь изнутри на толстую щеколду, он сбегал вниз по побитым ступенькам и оказался в затхлом сыром помещении. У дальней стены высилась груда строительного мусора из битого кирпича, обрезков обоев, паркетных досок, а также обломков мебели, железяк непонятного назначения, порванных книг и тетрадей. Чуть в сторонке лежала садовая лопата, ею Олег и воспользовался, чтобы разгрести мусор. В бетонном полу обнаружился люк размером примерно метр на метр, запертый на железный висячий замок. Верещагин подобрал из связки нужный ключ, язычок неохотно щелкнул, и замок поддался. Затем откинул крышку люка – вниз на добрый десяток метров уходила винтовая лестница с гнутыми ржавыми перилами.

Олег спрыгнул на небольшую железную площадку и запер за собой люк, за несколько секунд одолел лестницу и, наконец, оказался на самом дне перед массивной железной дверью без явных признаков замков или засовов. Просто сплошная гладкая поверхность неопределенного цвета, над которой тускло светила засиженная мухами лампа. В стене возле двери белела прямоугольная коробка с откидной крышкой. Олег приподнял ее и зафиксировал, под ней обнаружилось табло с несколькими кнопками и небольшим зеленым экраном, рядом – окуляр сканера. Он приложился к сканеру правым глазом, потом левым. Кант вокруг окуляра засветился зеленым, и на экране замигала надпись: «Идентификация прошла успешно», а под ней: «Введите код опознания». Верещагин вбил шесть цифр, зазубренных наизусть, в недрах двери гулко щелкнуло, звякнуло, и она медленно отъехала в стену.

Переступив порог, Олег оказался в широком, хорошо освещенном коридоре. У двери дежурили двое рослых плечистых парней в штатском с автоматами наперевес. Пришлось предъявить удостоверение и назвать пароль.

– Добро пожаловать, товарищ Верещагин, – бесстрастным голосом произнес один из охранников, – вас ждут. Главный цех. Это прямо по коридору, потом...

– Я знаю, где это, – буркнул Олег и, не дожидаясь ответа, зашагал прочь от двери и охраны.

Прошло пять невыносимо долгих минут, пока он, сторая от нетерпения, петлял энергичным шагом по коридорам и спускался по лестницам, переходил с уровня на уровень, открывал и закрывал двери. Наконец, остановился перед двумя широченными створками, больше похожими на ворота. Над ними на табло светились красным два слова: «Главный цех». Датчики зафиксировали движение, строгий женский голос произнес:

– Будьте предельно внимательны, проводятся испытания!

Как будто об этом следовало напоминать. Именно по этой причине он и проделал весь этот путь. Олег снова впечатал код доступа, ворота раздвинулись, и он вошел в цех.

Огромное помещение бурлило и шумело, десятки людей в белых халатах носились по залу, держа в руках ноутбуки и планшеты, кипы бумаг и свернутые в трубки ватманы. Некоторые негромко переговаривались, но все выглядели сосредоточенными и увлеченными общим делом. В центре цеха возвышался деревянный помост не более метра высотой, на котором, огороженный сигнальными лентами, громоздился квадратный металлический ящик на подпорках, из которого во все стороны торчали короткие черные раструбы. Формой устройство напомнило полковнику старые советские телевизоры на тонких ножках, но пошире и повыше. На одной из сторон мерцала сенсорная панель, под которой перемигивались красным несколько кнопок. Вокруг площадки были расставлены обычные предметы домашнего интерьера: кресло, торшер, диван, обеденный стол, невысокий журнальный столик с разбро- санными по нему ручками и карандашами, чашками и блюдами.

Олег уставился на устройство, словно загипнотизированный, не в силах отвести взгляда. Вот он – результат напряженной работы мысли физиков и инженеров целого поколения, плод титанических трудов, острие прогресса, шаг в будущее. Как только не называли устройство, которое в документах официально именовалось генератором гравитационных волн. Но главный инженер нарек свое детище простым и лаконичным именем: «Молоток».

– Товарищ Верещагин?

Олег вздрогнул, обернулся. Перед ним стояла ассистентка – миловидная женщина средних лет в белом халате и элегантных очках в тонкой оправе. Русые волосы стянуты в тугий пучок на затылке, ни грамма косметики на лице, в руках планшет. Она слегка улыбнулась, сказала:

– Вадим Анатольевич ожидает вас. Я провожу, он у себя в координаторской.

– Не стоит, найду сам.

Олег кивком поблагодарил ассистентку и направился к дальней стене. Вдоль нее выстроился ряд наскоро оборудованных наблюдательных комнат, каждая с широким чуть ли не во всю стену окном, за которым работали с приборами инженеры и техники. Найти нужную комнату не составило труда – на двери висела табличка с надписью: «Ледовой В.А. Главный инженер».

Олег вошел без стука, закрыл за собой дверь

– О, наконец-то! – воскликнул пожилого вида мужчина и встал из кресла навстречу визитеру. – Заходи, Олежек, у нас все готово.

В комнате из мебели имелись лишь два кресла и широкий стол, на котором помещались три компьютерных монитора и клавиатура. Один из экранов транслировал сигнал с видеокмеры, установленной прямо над помостом. Два других демонстрировали графики и ряды цифр и символов, которые для Верещагина выглядели сущей абракадаброй, а для Ледового составляли, по-видимому, суть и соль всего процесса. Пожав руку Олегу, он вернулся к экранам с цифрами.

Полковник сел в соседнее кресло, взглянул на инженера. Белая от седины шевелюра зачесана назад, острый взгляд глубоко посаженных голубых глаз устремлен в экран, многодневная щетина на впалых щеках под острыми скулами, обтянутыми бледной морщинистой кожей. Ледовой сильно изменился за последние несколько лет, сказывались тяжелейший рабочий график, стресс и хроническое недосыпание. Олег знал его больше двадцати лет, еще с тех самых пор, когда они вместе, хоть и на разных курсах, учились на физфаке. Но время шло, и их пути разошлись – аспирантура для одного, служба по контракту в Чечне для другого. В течение последующих лет жизнь то сводила их вместе, то разводила по разным уголкам огромной страны. Теперь они снова объединили усилия, работая над делом, жизненно важным для государства и находящимся под личным контролем президента.

– Погоди буквально пару минут, – попросил инженер, уловив изучающий взгляд гостя.

– Все нормально, не торопись.

– Почти готово... – пробормотал Ледовой то ли сам себе, то ли полковнику.

Еще несколько минут он всматривался в экран, то и дело отстукивая команды на клавиатуре, затем придвинул к себе стоящий в сторонке микрофон и, нажав красную кнопку, заговорил:

– Пятиминутная готовность перед генеральным испытанием, всем освободить стартовую площадку, координаторам вернуться на контрольные посты, повторяю...

Отключив микрофон, инженер откинулся в кресле, развернулся к гостю.

– Вот и он, момент истины, – он заговорщически подмигнул. – Надеюсь, сегодня у нас будет повод открыть бутылку шампанского.

– Какие прогнозы?

– Самые положительные, через пять минут сам все увидишь. Бета-тесты прошли практически без помарок, иначе я бы тебя не позвал.

– Будем держать кулаки, – Олег невольно сжал пальцы в кулак, волнение переклестывало через край. – Сможешь вкратце и на простом русском объяснить, как это работает? А то твои компендиумы и аннотации хрен поймешь.

– Попробую, – Ледовой почесал щетину, нахмурился, подбирая слова. – Если помнишь, в феврале две тысячи шестнадцатого года две научные коллаборации объявили об обнаружении гравитационных волн, оставшихся от катастрофического космического события – столкновения двух нейтронных звезд. Однако на тот момент ученые не были уверены до конца в результатах своих наблюдений. Затем, в августе две тысячи семнадцатого, было сделано еще одно открытие, которое расставило все точки над «и». Экспериментально подтвердилось то, что теоретики предсказывали и раньше: пространство вокруг нас пронизано гравитационными волнами, или рябью, или зыбью, называй как хочешь. Это оказалось не что иное, как та самая пресловутая рябь пространства-времени, оставшаяся после Большого Взрыва. Об этих волнах

с давних пор имелись многочисленные догадки среди ученых как у нас, так и на Западе. Их еще Эйнштейн предсказывал, но только теперь их обнаружили и зафиксировали с высочайшей степенью вероятности.

Ледовой поерзал в кресле, взглянул в экран, прищурился. Затем кивнул сам себе и вновь повернулся к Олегу.

– Эти волны, – продолжал он, – невероятно слабы в сравнении с другими физическими взаимодействиями, но по ним тем не менее вполне может передаваться возбуждение. В общем-то, это есть свойство всех физических полей, но что касается собственно гравитации, нам удалось разработать способ управлять рябью с помощью интерференции, то есть наложения одной волны на другую. Таким образом, волны можно усиливать или ослаблять, задавать им различные направления, менять амплитуду и частоту. Интерферированные волны можно сделать настолько мощными и строго направленными, что они будут воздействовать на макроскопические объекты в гораздо большей степени, чем обычно. Иными словами, теперь мы в состоянии передвигать предметы или, наоборот, удерживать.

Ледовой сделал паузу, бросил взгляд на таймер. До старта оставалось меньше двух минут.

– Сейчас сам все увидишь, сказка стала былью. Возможность воздействовать на предметы ограничена их размерами, а также временем эксплуатации прибора. Приходится считаться с ограничениями по мощности, но работа кипит, и мои ребята близки к двукратному увеличению интенсивности генератора. Следующая версия, как предполагается, будет значительно мощнее.

– А что насчет мобильности?

– Эта версия вполне себе мобильна, можно установить в кабине минивэна или в кузове легкого грузовичка, а интерфейс контроля запросто ограничить экраном планшета. Для большего удобства есть возможность подключить джойстик по беспроводной связи, но я и без него справляюсь. Так, внимание...

Ледовой повернулся к окну, взял в руки планшет. Верещагин встал, вперил взгляд в «Молоток», расслышал справа от себя шепот:

– Три, два, один... С богом!

Ледовой повозил пальцами по экрану планшета, и Олег невольно вздрогнул, когда увидел, как стоящий у края стартовой площадки диван резко взлетел в воздух, завис на несколько секунд в десяти метрах над полом, повернулся вокруг своей оси и медленно опустился обратно. Следом за ним к потолку взмыло кресло, повертелось, полетало над площадкой и плавно опустилось рядом с диваном. Затем наступила очередь стульев – взлетело сразу три, стали выписывать пируэты под самым потолком. Два из них столкнулись, и один камнем упал вниз, но не долетел до пола пары метров – гравитационное поле подхватило его и вернуло под потолок. Фигуры высшего пилотажа продолжались еще несколько минут, затем стулья сменились более мелкими и легкими предметами. Когда полетали и они, Ледовой произнес в микрофон:

– Алексей, ваш выход.

На помост взошел человек в мотошлеме, одетый в костюм полной защиты, который используют при дрессировке и натаскиванию боевых пород собак. Медленно и неуклюже подошел к стартовой площадке, замер, обращенный лицом к наблюдателям. Инженер шевельнул пальцами, и испытатель медленно взлетел, поднялся метров на десять, покувыркался, повернулся несколько раз вокруг своей оси, затем его точно куклу наклонили в горизонтальное положение лицом вниз, и он, растопырив руки в стороны, полетел. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, кружа под самым потолком, словно огромная сказочная птица. После нескольких кругов он плавно опустился на площадку.

– Как самочувствие? – осведомился в микрофон Ледовой.

Испытатель показал в ответ большой палец и принялся спускаться с помоста. Сквозь плотные окна донесся едва слышный шелест аплодисментов.

– А теперь, – громогласно объявил в микрофон главный инженер тоном конференсье, – гвоздь программы. Всем отойти от стены Б.

Выждав несколько секунд и убедившись, что обозначенная стена в дальнем конце цеха пуста, Ледовой заставил подняться в воздух диван. Тот завис на десятиметровой высоте, а затем, следуя команде, рванулся вперед с невероятной скоростью. В доли секунды преодолел расстояние в пятьдесят с лишним метров и разлетелся на щепки, врезавшись в стену. Помещение сотряс грохот, Верещагину даже показалось, что он ощутил вибрацию от удара.

– Кла-а-ас! – удовлетворенно протянул Ледовой и посмотрел на гостя горящими от возбуждения глазами. Мальчишеский восторг озарил его распаханное морщинами лицо. Он ощерился, в голосе зазвучала гордость: – Ну как тебе?

Не дожидаясь ответа, объявил в микрофон:

– Испытание завершено, никаких отклонений. Поздравляю, друзья, великолепная работа! Анна Михайловна, приступайте к подготовке доклада и техописания.

Вновь послышались аплодисменты. Работники вне зависимости от ранга, довольные своими успехами и похвалой главного инженера, хлопали друг друга по спинам, обнимались, улыбались и сыпали поздравлениями.

Ледовой отложил в сторону планшет, сел и откинулся в кресле, закинув руки за голову.

– Первый шаг сделан, – констатировал он, ни к кому не обращаясь.

– Великолепно, поздравляю, – осторожно проговорил Олег, – но я пока не понял, как «Молоток» поможет мне засечь и отследить Черную Сферу?

– А? – вопрос вернул инженера в реальность. – Ах, Сфера... так это проще простого.

Олег удивленно вскинул брови, ожидая продолжения.

– Как мы поняли, Сфера летает по тому же принципу, что и работает наш «Молоток». То есть использует интерференцию гравитационных волн. Выражаясь образно, она словно серфингист съезжает с гребня волны, но оказывается не во впадине, а сразу на гребне соседней, тотчас съезжает вновь и так далее, пока не разовьет нужную скорость. При интерференции возникает возмущение поля, нарушение его равномерности, а если можно регистрировать возмущение гравитационного поля, то можно наблюдать и объект, его возмущающий. У меня целый отдел работал над этим параллельно с «Молотком», так что результат есть и здесь.

Олег ощутил, как у него застучало сердце и сперло дыхание. Результат есть!

Ледовой вытащил из кармана смартфон, набрал номер, заговорил:

– Семен, зайди ко мне, пожалуйста. И захвати с собой ГМЛ вместе со спецификациями.

Отключив телефон, небрежно бросил его на стол, взглянул на гостя.

– Знаешь, Олежек, функцию гравитационного мониторинга мы обнаружили совершенно случайно во время очередного тестирования элементов «Молотка». Неожиданно начались сильнейшие помехи, когда Сферу в первый раз засекли над Россией. Она в тот момент пролетала над Питером и его окрестностями. Это навело меня на мысль о возможности мониторинга по тому же принципу, что заложен в систему «Молотка». Отрядил пятерых инженеров – конструкторов и теоретиков, – и вот результат.

– Здорово! – искренне похвалил Олег. – Я доложу наверх, это очень важно. Дело не только в Сфере, но и в том, что подобная разработка может появиться и у американцев, а тогда крайне необходимо быть на шаг впереди со средствами защиты и блокирования в случае боевого применения.

– Разумеется. Кстати, я уже доложил об этом, – Ледовой указал глазами куда-то вверх и пояснил: – Я по-прежнему отчитываюсь напрямую *ему*, хотя сейчас работаю в твоём подчинении. А насчет возможности боевого применения...

Закончить не успел, в дверь постучали.

– Входите!

В комнату вошел невысокого роста мужчина в белом халате с залысинами почти до самой макушки, огромных очках в толстой роговой оправе и с широкой черной коробкой в руках.

– Вот, – сказал он, вручая коробку главному инженеру, – здесь все.

– Спасибо, Семен. И будь добр, оставь Олегу Сергеевичу свои контакты на случай, если возникнут вопросы. Связь только через наш сервер, естественно.

– Понятное дело!

Семен достал из нагрудного кармана халата визитку и протянул Верещагину. Ледовой кивком отпустил подчиненного и положил коробку на стол.

– Здесь все, что тебе нужно, – сказал он Олегу, когда Семен закрыл за собой дверь. – Это – гравитационный монитор-локатор, выполнен в виде обыкновенного планшета, документация и инструкция по эксплуатации прилагаются. Очень дружелюбный интерфейс, так что разберешься без проблем, но, если вопросы все же возникнут, – он кивнул на визитку, которую Олег вертел в пальцах, – звони Семену, он научный руководитель подгруппы ГМЛ, лучше него эту штуку никто на планете не знает.

– Спасибо, Вадим! – Олег встал, собираясь уходить, взял увесистую коробку в руки. Главный инженер поднялся ему навстречу. – Теперь у нас в отношении Черной Сферы возможностей гораздо больше.

– Это точно, – подтвердил Ледовой и многозначительно добавил: – И возможность наблюдать ее перемещения – лишь одна из них.

– Одна из них?! – Олег недоуменно вскинул брови.

Ледовой кивнул, хитровато осклабился.

– «Молоток» способен на гораздо большее. Пойдем в столовку, обедать пора. По пути расскажу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

– Ну ты и дурак! – было первое, что произнесла Софья, когда очнулась от гибернации и увидела нависшего над ней Эрика.

– Я тоже рад тебя видеть, – заверил ее Эрик и улыбнулся. – Хватит дрыхнуть, подъем!

Прозрачная крышка гибернатора была уже открыта, и Софья с трудом выбралась из ячейки, гордо отвергнув предложенную Эриком помощь. Они стояли вдвоем в небольшом тесном помещении зонда, остальные восемь землян все еще пребывали в состоянии сна, крышки их гибернаторов плотно сидели в пазах. Не ощущалось никакой вибрации, стояла почти полная тишина, которую нарушал лишь едва слышимый шум воздуха, текущего сквозь вентиляционные решетки. Помещение тонуло в мягком голубоватом свете, льющемся отовсюду разом. Поскольку в зонде иллюминаторов не предусматривалось, Эрик терялся в догадках, продолжается ли еще полет или они уже прибыли к пункту назначения – первому в списке из девяти.

Он потянулся и зевнул, огляделся по сторонам, гадая, в какой стене появится выход. Софья сложила руки на груди, уперлась тяжелым взглядом в соплеменника.

– Объясни, пожалуйста, – отчеканила она ледяным тоном, – какого хрена ты тут делаешь?

– Решил воспользоваться случаем и попутешествовать нахалюву, – пожал плечами, объяснил Эрик с невинной улыбкой на лице.

– Без документов? Без визы?

– Как-нибудь разрулится, леймы помогут.

– Откуда такая уверенность?

– А почему нет? Им что, жалко шар погонять? Только провожу тебя до дома и сразу обратно. Между нашими городами расстояния меньше тысячи километров, сущая фигня для этого метеора.

Он с гордостью похлопал по теплой стенке зонда, словно это был его собственный, только что приобретенный автомобиль. Софья смерила его подозрительным взглядом.

– Попутешествовать, значит, решил?

– Ну да, – Эрик развел руками, – в Питере я еще не бывал, любопытно глянуть, что за город такой.

– Слушай, путешественник, – Софья взгляд немного потеплел, – а чего же ты в Луизиане не сошел?

– Я что, лимонада никогда не пробовал? – усмехнулся Эрик в ответ. Софья с трудом сдержала улыбку, хотела сказать что-то еще, но в этот момент в стене за спиной возник овальный проем.

«Вы прибыли в заявленный пункт назначения, – прозвучал мягкий леймовский голос, – можете покинуть зонд».

Эрик и Софья посмотрели друг на друга и почти синхронно повернулись к выходу.

Эрик переминался с ноги на ногу, глядя в сумрак за пределами зонда. Он понимал, что совершил безрассудство, но в то же время нечто глубоко внутри твердило, что по-иному он поступить не мог. То ли оно подталкивало Эрика к чему-то вполне конкретному, то ли просто пыталось придумать оправдание его бездумному ребячеству и банальной глупости. Ладно, чего гадать. Будущее покажет, поступил ли он правильно или как идиот.

А впереди ждал новый мир, незнакомый город и неизведанная страна, о которой много слышал, но в которой побывать не довелось. На ум неожиданно пришел рациональный аргумент в пользу его незапланированного изменения пункта высадки: начинать распространять ботов в Швеции не эффективно, потому что народа во всей стране меньше, чем в одной только Москве. Да и плотность населения по сравнению со средневропейской очень мала. Город, с которого было бы эффективнее всего начать в этой части мира, была, бесспорно, столица России – не только крупнейший мегаполис Европы, но и хаб бесчисленного множества путей как на запад, так и на восток.

Софья подошла к самому краю проема, оглянулась на Эрика. Он встретил ее пристальный взгляд, когда она тихо проговорила:

– Ты хорошо подумал? Уверен, что хочешь идти дальше?

Вопрос показался Эрику двусмысленным, но он, не задумываясь о том, какой именно смысл в него вкладывала девушка, ответил коротким кивком.

– Еще не поздно вернуться, – не унималась она, но Эрик лишь покачал головой и с деланной торжественностью провозгласил:

– Полный вперед! Нас ждут великие свершения!

Софья задержала на нем взгляд еще на мгновение, словно давала последний шанс одуматься, затем отвернулась и шагнула на пределы зонда. Эрик вышел следом.

Светлая питерская ночь встретила их прохладой и тишиной, нарушаемой лишь стрекотом кузнечиков в траве и шумом колес далеких автомобилей. Эрик сделал несколько шагов по мягкой земле, остановился и оглянулся на зонд. Голубой проем в стенке исчез также быстро и бесшумно, как и появился. Черный шар начал медленно взлетать, чтобы умчаться ввысь и направиться к следующему пункту высадки, но завис в паре метров над землей и через мгновение опустился обратно на примятую траву. Пару секунд спустя он снова приподнялся, но, как и в первый раз, не более чем на несколько метров – и с тем же результатом. Эрик замер на месте, непонимающе вытаращив глаза.

– Что случилось? – насторожилась Софья и тоже остановилась.

Эрик молча кивнул на зонд, который тем временем опять начал взлетать. Софья оглянулась на шар.

– Что за хрень? – недоуменно проговорила она, наблюдая как тот поднимается и опускается, повторяя попытку за попыткой.

Эрик и Софья удивленно переглянулись. Он вспомнил про вживленный микрочип и запросил систему о поведении зонда. Ответ получил мгновенно: «Движение зонда блокируется неестественно большой концентрацией высокоамплитудных гравитационных волн». Он переслал ответ Софье, спросил:

– Ты что-нибудь понимаешь?

Девушка лишь озадаченно покачала головой, послала свой запрос системе, одновременно дублируя Эрику: «Повреждение двигателей?» Ответ: «Отрицательно. Двигатели функционируют в штатном режиме, никаких нарушений в работе двигателей и прочих систем зонда не наблюдается».

– Что-то я не въезжаю... – растерянно проговорила Софья.

В это мгновение ночь вспыхнула невыносимо ярким светом, словно где-то рядом зажглась сверхновая. Эрик и Софья резко обернулись, по глазам хлестнули лучи нескольких прожекторов. Ночную тишь взорвал грубый мужской голос, многократно усиленный громкоговорителем:

– Вы, двое! Замереть и не двигаться!

Эрик с Софьей и не пытались пошевелиться, застыли неподвижно, как кролики, загипнотизированные удавом.

Голос продолжил выгавкивать команды:

– Я – полковник ГРУ Верещагин. Вы задержаны! Немедленно встать на колени, руки за голову!

– Твою мать, – прошипела Софья, – приехали...

– Это что вообще такое? – Эрик непонимающе воззрился на освещенную прожекторами Софью. – Что такое ГРУ?

– Ничего хорошего, – откликнулась девушка.

– Молчать! – рявкнул голос. – Исполняйте приказание, вы окружены и под прицелом снайперов.

Софья выругалась, принялась опускаться на колени. Эрик последовал ее примеру, все еще пребывая в полной растерянности. Происходящее находилось за гранью понимания, казалось пугающим сном, кошмаром, галлюцинацией. Опускаясь на влажную от росы траву, Эрик лихорадочно пытался взять себя в руки, унять дрожь в ногах, сглотнуть тяжелый липкий ком в горле. Заложив руки за голову, он сделал над собой усилие, чтобы вернуть самообладание, даже набрался смелости и выкрикнул в сторону прожекторов:

– Мы не совершили ничего плохо! Что происходит? Что вам от нас надо?

– Ты чего там лопочешь? – громыхнул голос в ответ. – Молчать и ждать!

– Они тебя не понимают, – шепнула Софья, – у них же чипа нет.

– Черт... – Он совершенно забыл об этом.

Через несколько мгновений к ним подбежали фигуры в масках и в черных шлемах, заломили руки за спину, надели наручники. Взяв под локти, бойцы поставили пленников на ноги и повели в темноту прочь от слепящего света прожекторов.

«Что творится?» – спросил Эрик Софью по ментальной связи.

«Понятия не имею, – ответила она, – возможно, за зондом давно следили...»

«Но как им удалось захватить его?!»

«Без понятия... и вообще не представляю, что теперь делать».

«Дождемся, узнаем, что им от нас надо».

«Я даже знаю что: влепить тебе штраф за нарушения визового режима».

Ее сарказм слышался даже по безмолвному ментальному каналу. Было бы смешно, если бы не было так страшно. Когда их запихивали в черный внедорожник, Эрик успел бросить взгляд на хорошо освещенный зонд: тот по-прежнему пытался взлететь, то отрываясь от земли, то опускаясь вновь, словно огромный баскетбольный мяч во время дриблинга.

Их усадили на заднее сиденье и захлопнули двери, двое бойцов встали справа и слева от машины. С переднего пассажирского места к пленникам обернулся мужчина средних лет в джинсовой куртке с коротко стриженными русыми волосами. Он включил освещение в машине, взгляделся в их затравленные растерянные лица.

– Та-ак, – протянул он, – ты – Лесенковская, это понятно. А вот ты что за хрен с горы? Он ткнул пальцем в Эрика, вперил в него немигающий взгляд больших голубых глаз.

– Откуда вы меня знаете? – удивилась Софья. – И кто вы сам такой?

Оперативник проигнорировал ее вопросы, продолжая рассматривать парня.

– Меня зовут Эрик, я вам все сейчас объясню...

– Стоп! – рявкнул офицер. – Так ты еще и иностранец. По-русски говоришь?

«Да замолчи ты, ради бога!» – беззвучно рявкнула Софья на Эрика, который опять позабыл о том, что далеко не все оперативники российских спецслужб владеют шведским. – Сама им объясню... или попробую».

– Послушайте, – сказала она вслух, – да, я Лесенковская, а это мой друг Эрик, он из Швеции и по-русски ни бум-бум. Мы не замыслили ничего дурного и вообще никому зла не желаем. Просто я вернулась домой, а он решил меня проводить, а то сами понимаете, глубокая ночь, а я...

Она взглядом указала на свой выпирающий живот. Оперативник наконец удостоил ее вниманием, ответил:

– Вернулась? И откуда же?

– Оттуда, – призналась Софья и подняла глаза к небу.

– Послушай, девочка, в твоём положении не стоит шутить, – грозно предупредил оперативник. – Сейчас явится полковник и разберется с вами двумя.

«Понятно, разыгрывает сцену с добрым и злым следователем», – прокомментировал Эрик.

«Да поняла уже, – огрызнулась она, – лучше придумай что-то, пока еще не поздно».

– Какие уж тут шутки, – сказала Софья, – я совершенно серьезно. Ладно, расскажу все с самого начала...

Понимая, что на доверие рассчитывать не стоит, Софья начала повествование с того, как к ней заявился лейм в образе ее покойного отца. Эрик тем временем обратился к системе с запросом на анализ ситуации, получил скорый ответ:

«Ситуация повышенного риска. Задействовать программу экстренной нейтрализации?»

Опа! И так можно? Несколько секунд он колебался, гадая, что именно имеется в виду под «нейтрализацией». Но ситуация и правда не оставляла большого выбора, поэтому он ответил «да». Система попросила указать цели в пределах досягаемости наноботов, Эрик высветил красным контуры сидевшего впереди оперативника, а также стоявших у дверей автомобиля бойцов и дал команду на исполнение.

– ...Я вошла в черную сферу, и она отвезла меня на материнский корабль, – продолжала между тем Софья, стараясь игнорировать издевательскую усмешку оперативника. Тот делал вид, что внимательно ее слушает, хотя, естественно, не верил ни единому слову. – На корабле, который они, кстати, называют капсулой-гипероником, потому что в строгом смысле слова это никакой не корабль, так как никуда не летает, а прыгает через червоточины, так вот, на корабле они...

– Так, все! – рявкнул оперативник. – Ты меня достала.

Он вынул рацию, поднес к губам и замер. Эрик смотрел на него, гадая, что тот собирается сказать, но в салоне повисло молчание. Мужчина в джинсовой куртке застыл с рацией возле рта, словно восковая статуя.

Эрик и Софья переглянулись, снова посмотрели на человека, но тот по-прежнему не шевелился.

«Что это с ним?»

«Не знаю, но полагаю, что нейтрализация прошла успешно».

Эрик вкратце рассказал ей об отданных наноботам командах. Тогда же пришло подтверждение об исполнении, которое он сразу же ретранслировал Софье: «Три цели временно нейтрализованы. – Эрик облегченно выдохнул, услышав слово „временно“. Чип принялся докладывать дальше, очевидно считав подсознательный вопрос хозяина: – Регуляция равновесия и мышечного тонуса объектов сохранена в ограниченном объеме. Двигательный путь нервной системы и сознание полностью восстановятся в течение тридцати минут».

– Просто замечательно! – прошептала Софья, словно боялась разбудить оперативника. – И что нам делать теперь?

– Ключи от наручников... у кого они могут быть?

– У любого их этих троих, наверное.

– Черт, как же их достать...

Эрик попытался перебраться на переднее сиденье, чтобы обыскать офицера, но быстро понял, что со скованными за спиной руками это невозможно. Черт, как же их открыть, эти долбанные наручники, мелькнула раздраженная мысль. Чип с готовностью откликнулся:

«Желаете дезинтегрировать замочный механизм на наручниках?»

«Да, желаю!»

Через несколько секунд наручники, тихо шелкнув, спали с его рук.

– Слава тебе господи! – мгновением позже облегченно выдохнула Софья, потирая затекшие руки.

Эрик наконец перебрался на водительское место и обыскал оперативника. Удалось найти ключи зажигания от машины, пистолет и рацию, а также бордовую корочку сотрудника ГРУ. Открыв ее, он взгляделся в незнакомые буквы кириллического алфавита, которые всезнающий чип мгновенно распознал, а составленные из них слова наделил смыслом: «Малышев Геннадий Иванович, капитан Главного разведывательного управления».

– Так, ясно, – рассеянно пробормотал Эрик, понимая, что ему на самом деле ничего не ясно. Но действовать надо быстро, капитан и бойцы очнутся в любую минуту. Эрику никогда прежде не доводилось попадать в подобные ситуации, и плана действий у него не было. Оперирруя скорее инстинктами, нежели сознательными продуманными решениями, он перегнулся через сиденье, открыл пассажирскую дверцу и осторожно вытолкнул Малышева. Тело с глухим стуком упало на траву, а Эрик захлопнул дверь и вдавил кнопку зажигания на панели.

Вспыхнувшие фары выхватили из предрассветного сумрака несколько фигур в шлемах и черных масках. Бойцы обернулись на офицерский автомобиль, который вдруг завелся, взревел мотором и рванулся вперед к ближайшей пешеходной дорожке. Там, где мгновение назад он находился, остались неподвижно стоять два охранника, а лежащего в траве офицера в сумраке было не разглядеть. Бойцы отвернулись, решив, что ничего странного не происходит, и продолжили наблюдать за Черной Сферой, пойманной в гравитационную ловушку.

* * *

Черный внедорожник несся по полупустынным питерским улицам, обгоняя редкие автомобили и почти не сбрасывая скорости на поворотах. Огни неоновых реклам слились в две продолговатые пестрые полосы по обочинам дороги. Предрассветное небо заволочло темными тучами, летящий в небе дрон был едва заметен. Камеры дрона устали следить за мчащимся внедорожником, фиксируя направление его движения, каждый совершенный маневр, любое изменение скорости. Информация передавалась по зашифрованному широкополосному каналу напрямую на компьютер, который лежал на коленях у человека в серой рубашке, голубых джинсах и черной кепке. В этот ранний час он сидел на скамье на безлюдной автобусной остановке

неподалеку от парка Есенина, его взгляд не отрывался от экрана монитора. Продолжая следить за передвижениями внедорожника, человек достал из кармана брюк айфон и набрал номер. Через несколько секунд на другом конце ответили, представились, и он сказал:

– Доброе утро, сэр, это Хайдер...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Верещагин налил из термоса горячего чая, протянул бледному капитану, тот принял бумажный стакан трясущимися руками. Отхлебнул, обжегся, выматерился, но отпил еще. Приступ паники улегся, рациональное мышление стало постепенно возвращаться. Рядом с ним на раскладных походных стульях сидели два бойца. Лица еще бледнее, чем у командира, холодный пот катится по щекам, глаза вытаращены, взгляд блуждающий, бессмысленный. Они тоже получили по горячему напитку, глотали и морщились, пытаясь прийти в себя после пережитого.

– Так, успокоились? – Полковник стоял перед ними, сложив руки на груди, и взирал сверху вниз из-под грозно нахмуренных лохматых бровей. – Теперь попробуем еще раз. Подробно, шаг за шагом, минута за минутой. Начинай, Малышев, рассказывай.

– Ну... я... мы... э-э... в общем, посадили их в машину, я тоже сел, начал предварительный допрос. Баба стала вешать мне какую-то хрень про полеты в космос и материнский корабль, который ждет где-то на орбите... э-э... а до этого про то, как объявился ее мертвый папаша, пришел к ней, позвал с собой...

– Это я понял. Что за парень был с ней?

– В первый раз его видел, какой-то швейцарец...

– Швейцарец?

– Или швед, не помню, – Малышев нервно дернул плечами, – но по-русски он не говорил.

Зовут Эрик, баба сказала.

– Он тебя ударил?

Капитан помотал головой, но на всякий случай ощупал лицо.

– Нет, я же говорю, она несла всякую чушь, в конце концов мне это надоело, и я решил, что пора завязывать с балаганом и лучше будет отвезти их в управление, чтобы допросить как следует. Только я собрался вызвать вас по рации, ну... чтоб разрешения запросить, и тут все померкло перед глазами, а пришел в себя уже в траве.

Малышев умолк, стыдливо потупил взор, словно напавший школьник. Верещагин молча вздохнул, перевел тяжелый взгляд на двух молодых лейтенантов.

– А вы что скажете?

Один из них посмотрел снизу вверх, проговорил:

– Нечего рассказывать, товарищ полковник, просто стоял у машины, примерно в метре от левой двери, поглядывал за задержанными. Потом вдруг словно помутнение какое-то, я аж покачнулся, чуть не упал, и гляжу – нет машины, а товарищ капитан на траве лежит, шевелится. И... и все...

Его напарник рассказал почти слово в слово то же самое – практически идентичная картина. Верещагин в задумчивости почесал небритый подбородок. Ему все это ужасно не нравилось. Пропали не только два сверхважных объекта наблюдения, но и табельное оружие вместе с удостоверением, рацией и служебной машиной. Он обернулся, посмотрел на Черную Сферу. Та наконец замерла, оставив бесплодные попытки вырваться из гравитационных оков «Молотка». Ледовой потрудился на славу. Если регулярно подзаряжать батареи, то устройство гравизахвата может функционировать практически неограниченно долго. Времени найти способ вскрыть Сферу и попасть внутрь предостаточно. Если, конечно, ее хозяева не предпримут

активных, решительных действий, чтобы вырваться. Неясно, есть ли кто-то внутри, но пока они себя никак не проявили.

Олег отошел в сторонку, закурил, не сводя задумчивого взгляда с неподвижно застывшего НЛЮ. Внутри тлеет тревожное чувство, что он играет с огнем. Да, удалось поймать Сферу в ловушку, но что дальше? Нигде на ее поверхности не найдено ни малейших признаков двери, или иллюминаторов, или каких-либо устройств контроля и наблюдения. Он обошел ее несколько раз, пока Малышев допрашивал задержанных, но не обнаружил ровным счетом ничего. Черная поверхность абсолютно гладкая – ни швов, ни антенн, ни выступающих частей, хотя Олег, да и не только он, видел, как в шаре возникла дверь, из которой вышли двое людей, потом затянулась и исчезла.

Он бросил окурок на землю, затоптал, вернулся к подчиненным.

– Надо объявлять план перехват, запряжем полицию, – предложил один из сотрудников.

– Не надо, – буркнул полковник, – сами найдем. В угнанной машине маячок, наш спецназ уже в пути. – Затем подумал, добавил жестко: – Все, разбор полетов окончен, всем вернуться на свои боевые посты согласно инструкциям, а вы трое, – он указал на Малышева и двух лейтенантов, – по домам, отдыхать до завтрашнего утра.

Бойцы бегом разбежались по своим постам, а пострадавшие понуро поплелись в сторону разбитого неподалеку палаточного лагеря. Олег дождался, пока останется один, и достал из кармана сотовый.

– Здорово, Вадим! – произнес Верещагин, когда абонент ответил на звонок. – Приезжай, здесь стало интересно. Парк Есенина... ага... жду.

Полковник отключился и вытащил из опустевшей пачки последнюю сигарету.

* * *

– И куда теперь? – хмуро буркнул Эрик, заглушив мотор. Стало тихо, салон наполнился мягким серебряным светом. Софья, которая переползла на переднее сиденье, ковырлась в навигаторе, встроенном в панель управления автомобиля.

Они припарковались на пустой парковке небольшого супермаркета на окраине Питера. Эрик долго петлял по улицам и проспектам, переулкам и городским шоссе, и вот теперь они здесь. Встали, чтобы собраться с мыслями и решить, что делать дальше.

– Ни к кому из моих родственников или знакомых нельзя, – уверенно заявила Софья, не отрывая глаза от экрана. – За всеми наверняка слежка, раз спецслужбы меня знают.

– Это и так понятно, – проговорил Эрик. Мысли лихорадочно метались, перебирая варианты за вариантом.

– Из личных вещей у меня с собой лишь телефон, да несколько кредитных карт.

– У меня примерно тот же набор, отправился в космос налегке.

– Кто ж знал, что так выйдет, – Софья просматривала карту навигатора, пытаясь определить, где именно они находятся.

– От всего этого добра придется избавиться, по телефонам и карточкам нас могут отследить. Да и машину лучше всего бросить, ее уже, наверное, полиция ищет.

– И не сомневайся. Ладно, бросаем все и уходим, пока еще можем. Хотя понятия не имею куда.

В последнее мгновение Эрику пришла в голову шальная мысль.

– Глянь-ка в карту, нет ли поблизости какого-то отеля?

– Спятил? Как платить будем?

– Ты глянь, глянь.

Софья покачала головой, но сделала, как ее просили. Через пару секунд объявила:

– Вот, вижу неподалеку отель «Невский рассвет», три звезды. Примерно минут пятнадцать пешком вон по той дороге на север.

– Великолепно! – обрадованно воскликнул Эрик. – То, что надо. Идем!

– Идиотская затея, но я пока ничего лучше придумать не могу, так что да, идем.

Она открыла дверь и вылезла из машины. Оставив на сиденье рацию, но расставив по карманам пистолет и удостоверение, Эрик тоже покинул машину. Они оставили парковку и территорию супермаркета и вышли на пустынную улицу.

Раннее питерское утро встретило беглецов свежестью и прохладой, редкие облака не заслоняли поднимающееся над крышами домов солнце, птицы встречали новый день радостным гомоном и заливистым пением. Магазины и учреждения были еще закрыты, и редкие прохожие – в основном собачники со своими питомцами или бегуны-спортсмены – бросали удивленные, а порой неприязненные взгляды на рыжего небритого мужчину и лохматую беременную женщину, которые устало и неторопливо брели по тротуару. Мимо проносились одинокие машины, проехал полупустой автобус. Первые несколько минут Эрик и Софья шагали бодро и спорно, но вскоре Софья начала уставать, и им пришлось сбавить шаг. Пройдя еще десяток-другой метров, она остановилась, ойкнула и схватилась за низ живота, слегка согнулась.

– Что с тобой? – встревожился Эрик.

– Не знаю, чего-то так потянуло резко... – Она тяжело задышала, потом выпрямилась, держась за живот. – погоди минутку... сейчас отпустит...

Эрик огляделся по сторонам, к счастью, никого не было рядом – избавлены от ненужных вопросов. А что, если понадобится помощь? В этот момент он увидел, как далеко впереди из-за угла на улицу выворачивает черный гелендваген, за ним еще один и еще, а следом показался черный минивэн с тонированными стеклами.

– Черт! – воскликнул Эрик и, схватив Софью за локоть, потянул за собой. Они юркнули сквозь приоткрытые створки ворот в темную подворотню, прижались к стене.

– Что случилось?! – Софья затравленно озиралась по сторонам, выискивая источник опасности.

– Тсс, смотри, – не отлипая от стены, Эрик кивком указал на улицу, по которой в этот момент промчался кортеж из нескольких внедорожников и минивэна. Они ехали без сирен и мигалок, пугающе быстро и почти бесшумно, словно черные коршуны, пикирующие с неба на добычу.

– Твою мать, – процедила сквозь зубы Софья. – Нас скоро накроют, мы не так далеко ушли от машины.

– Тогда надо торопиться, запрыгивай ко мне на спину!

– Сдурел?

– Пока нет, но уже скоро. Живо, не теряй время.

Софья воздела очи горе, но все же послушалась и вскарабкалась на него, обхватив руками и ногами.

– Только на горло не дави, – захрипел Эрик и, нетвердо ступая, вышел из подворотни.

Каждый шаг давался с невероятным трудом, но с девушкой верхом он шел быстрее, чем если бы она плелась рядом. Спина жутко болела, ноги ломило от напряжения, но он шел и шел, пытаясь не сбавлять темпа и стараясь не замечать недоуменных взглядов встречных прохожих. Пройдя мимо одной бабульки с псиной, услышал возмущенное:

– Вот девка бесстыжая – только забеременела и уже мужика оседлала!

Последние пару сотен метров прошел в полном изнеможении, делая невероятное усилие, чтобы не упасть на подворачивающихся ногах.

– Обещай... – прохрипел он, – что будешь меньше жрать.

– Ага, – заверила его Софья, – сяду на диету. Как только, так сразу!

Через несколько минут впереди показалась вывеска гостиницы. Близящийся конец мучений добавил энтузиазма и новых сил; Эрик убыстрил шаг и скоро остановился, чтобы позволить девушке слезть.

Отель «Невский Рассвет» встретил беглецов запертыми дверями и табличкой с надписью: «Закрыто на ремонт». Сквозь стеклянные створки виднелись сложенные штабелями упаковки плитки, мешки с цементом, коробки со шпаклевкой и краской. Эрик с Софьей растерянно переглянулись, он даже подергал двери, словно не мог поверить своим глазам. Материться не было сил, хотелось просто лечь на асфальт и умереть. Но сейчас, когда по пятам гнался спецназ ГРУ, позволить себе такую роскошь он просто не мог.

Софья закрыла лицо руками, с трудом сдерживая слезы. Эрик озирался по сторонам, лихорадочно соображая, что предпринять, – тихая неширокая улица, припаркованные вдоль обочины автомобили, редкие прохожие. Вдалеке вновь показался черный гелендваген, он приближался со стороны супермаркета. Похоже, преследователи обнаружили брошенную машину и теперь прочесывают окрестности.

– Ну все, – обреченно выдохнула Софья. Она тоже заметила приближающийся внедорожник. – Конец...

– Еще нет! – с неожиданной уверенностью выпалил Эрик. Он метнулся к ближайшей припаркованной машине, ею оказалась серая Тойота. Запросил готовность наноботов, те мгновенно отозвались, и он продиктовал команду дезинтегрировать замок автомобиля. Действие заняло несколько секунд, наконец в дверце что-то щелкнуло, и Эрик потянул ее на себя.

– Запрыгивай и ложись на сиденье! – скомандовал он Софье. Она безо всяких возражений сделала, как ей велели, а сам Эрик влез следом и лег на днище, подтянул ноги и закрыл дверь. Они замерли, прислушиваясь к приближающемуся рокоту мощного дизельного мотора.

– Господи Боже, спаси и сохрани... – услышал Эрик отчаянный шепот.

Гелендваген промчался мимо, рокот стал удаляться, и через несколько секунд в салоне повисла тишина. Эрик приподнялся на локтях, выглянул в окно.

– Похоже, все нормально, – облегченно проговорил он.

Софья села, откинулась на спинку. Ее трясло, лицо приобрело мучнистую бледность. Эрик перелез на переднее сиденье, приказал ботам завести мотор. Машина ожила, включился бортовой компьютер. К счастью, модель оказалась довольно новой, и Эрик без труда вывел на тачскрин карту автонавигатора.

Он надавил на педаль газа, и Тойота мягко покатила вперед.

– Неужели получилось, – пробормотала сзади Софья. – Слава богу, слава богу!

– Слава *ботам*, а не богу, – отозвался заметно повеселевший Эрик.

Он гнал по незнакомым улицам и проспектам, пытаясь пробраться ближе к центру города, где, по его мнению, было легче затеряться. Наконец после долгих петляний выехал на Октябрьскую Набережную и помчался на север вдоль Невы.

Настроение улучшилось, несмотря на мелькавшее в зеркале хмурое лицо Софьи. Преследователей нигде не было видно, похоже, оторваться удалось окончательно.

Он включил радио, повезло сразу попасть на станцию, передающую рок. Зазвучал мелодичный и своеобразный голос, неизвестная русская рок-певица пела энергичную песню про тридцать первую весну. Эрику понравились мотив и ритм, он прибавил громкости, а потом, стараясь не терять контроля над дорогой, натянул в навигаторе в строке пункта назначения адрес ближайшего отеля в центре города, который выловил, просматривая карту. Нужно место обнаружилось неподалеку от пересечения Невского проспекта и Садовой улицы. Оставалось лишь надеяться, что отель не на ремонте.

Софья всю дорогу угрюмо глядела в окно. Эрик постучался к ней по чипу, но она сбросила его попытку ментального контакта. Ладно, иногда лучшее средство избавиться от стресса – просто помолчать.

Через полчаса они прибыли на место. Машину удалось приткнуть только под дорожным знаком запрета на парковку – так получилось. Эрик мысленно извинился перед владельцем угнанного автомобиля, но других мест поблизости от отеля не нашлось, а светиться долгими прогулками по людным улицам было слишком рискованно.

Эрик и Софья вошли в фойе гостиницы и уверенным шагом направились через вестибюль к стойке администратора. Отель назывался «Октябрьский» и заявлял о себе как о пятизвездочном. Колоннами из камня под мрамор, картинами в позолоченных рамах на стенах и обилием зеркал хозяева желали подчеркнуть престижность и даже элитность заведения. Вымуштрованный персонал в аккуратных униформах дополнял образ. Оставалось выяснить, как обстояло дело с сервисом.

«Интересно, каким макаром ты собираешься уговорить их впустить нас без оплаты?» – язвительно поинтересовалась Софья.

«Не каркай под руку, лучше смотри и учись».

Софья фыркнула, с опаской взглянула на администратора – молодого, гладко выбритого мужчину в строгом темно-синем костюме с голубым галстуком и того же оттенка платком в нагрудном кармане. Темные, зачесанные назад волосы подчеркивали высокий гладкий лоб. Его голубые, глубоко посаженные глаза с сомнением оглядели двух странных гостей: колени у обоих темные от грязи, волосы растрепаны, одежда помята. Молодой человек прочистил горло, заговорил сочащимся вежливостью и учтивостью голосом:

– Доброе утро! Чем могу помочь?

Приближаясь к стойке, Эрик дал команду ботам, которую он сформулировал так: «Заставить объект сделать то, о чем мы его попросим». Он обозначил цель и получил ответ: «Локальная перестройка коннектома займет до 6 минут. Исполнять?» Эрик дал команду на исполнение, ретранслировал задание Софье и попросил ее вступить в разговор с администратором. Она усмехнулась, не совсем уверенная в успешном исходе задуманного, но противиться не стала. Когда они подошли вплотную к стойке и молодой человек поинтересовался, чем он может помочь, девушка сказала:

– Мы хотели бы снять номер, желательно люкс, но и обычный тоже подойдет.

Администратор еще раз внимательно оглядел гостей и ответил подчеркнуто вежливо:

– К моему огромному сожалению, свободных номеров нет, даже люксов. У нас гостит делегация из Китая, понимаете ли, так что помочь ничем не могу. Приношу свои извинения.

– Мы подождем здесь у вас на диванчике, – невозмутимо заявила Софья, – а вы пока поищите номер. Как найдете, дайте знать. Спасибо!

– Я бы вам порекомендовал обратиться в другой отель, – в голосе молодого человека засквозило раздражение. – Как я сказал, у нас свободных номеров...

– Короче, мы тут, рядом. Идем, дорогой.

Она взяла Эрика под руку, и они, игнорируя испепеляющий взгляд администратора, прошли к ближайшей софе, уселись и, устроившись поудобнее, принялись ждать.

«Ловко придумал, молодчина».

«Спасибо за комплимент. Посмотрим, что из этого выйдет».

«Надо бы на досуге как следует разобраться с нашими ботами и их возможностями».

«Не на досуге, а первым делом, как номер получим».

«Если получим...»

«И еще установить канал связи с Леймом, надо выяснить, как он работает».

«А о Лейме мы совсем позабыли».

«Еще бы, столько всего...»

Их безмолвную беседу прервало вежливое покашливание из-за спины.

– Простите, пожалуйста, – администратор наклонился к сидящему на софе гостям, его холеное лицо озарила подобострастная улыбка. – Только что освободился номер люкс, самый роскошный в нашем отеле. Хотел бы предложить его вам.

Эрик и Софья радостно рассмеялись, шлепнули друг друга по ладоням.

– Он будет вам стоить... – продолжил администратор, но Софья перебила его:

– Бесплатно!

– Да, именно так. Дирекция отеля желает сделать вам подарок и предоставляет номер в неограниченное пользование. Вот ваши ключи. Пройдемте, я лично провожу вас.

* * *

В комнате для совещаний собрались главные советники и начальники отделов. Информации, причем тревожной, имелось достаточно, чтобы дать руководству конкретные рекомендации и представить возможный план действий на утверждение президента. Медлить больше нельзя, кризис в любой момент мог выйти из-под контроля.

– Итак, все собрались, – Анджела обвела строгим взглядом двух мужчин и женщину, рассевшихся вокруг стола в центре комнаты. Стены были пронизаны звукоизоляцией и всевозможными видами электронных глушилок. Вместо окон на трех стенах – фотокартины с изображением приятных глазу пейзажей: на одном плескалось и пенилось голубое море, и катящиеся по нему волны набегали на белый песок; другое демонстрировало густой лес и белок, снующих по широким ветвям разлапистых дубов; в третьем высились пики гор в снежных шапках, под которыми медленно и величаво проплывали облака.

– Давайте подытожим, что нам известно на данный момент, – предложила Анджела и посмотрела на Фреда Хансена – начальника научно-аналитического отдела, пожилого мужчину в тонких очках и с большой залысиной, оставившей на висках и затылке неширокий полукруг седых волос.

– То, что мы смогли выудить из отчетов и записей, сделанных нашими агентами, – начал Хансен, – указывает на явно внеземное происхождение объекта, именуемого Черной Сферой. Стопроцентной уверенности по-прежнему нет, но слишком многое говорит в поддержку этого предположения. Кроме того, нам не известно ни одно земное государство, способное произвести такой аппарат.

– А как вы объясняете тот факт, что русским удалось захватить сферу? – нахмурилась Анджела.

Хансен пожал плечами, неуверенно предположил:

– Возможно, некие разработки, нам пока не знакомые...

– Мы работаем над этим, – встряла Дженнифер Джексон, невысокая худощавая женщина средних лет, которая отвечала за сбор и обработку информации, поступающую из всех разведслужб. Кроме, разумеется, экстренной, которую сообщали напрямую Анджеле.

– Молоток? – начальница пытливо посмотрела на Джексон, но та пожалала узкими плечами и ответила:

– Мы пока даже не знаем, кто он, этот Молоток, и в каком отделе работает, но он, очевидно, связан с захватом сферы. Возможно, главный координатор операции.

– Мне кажется, что никакой это не координатор, – заявил молодой человек в очках, с кривыми зубами и лохматой копной темно-русых волос. Это был Майкл Никольски из отдела коммуникаций и анализа электронной разведки.

Все трое удивленно воззрились на него, он пояснил:

– В одном из попавших к нам в руки перехватов говорится о Молотке дословно следующее: «...он функционирует на полную мощь...», а в русском языке в этом контексте так о человеке не говорят. Это, скорее всего, кодовое название какого-то проекта или некоего устройства.

Анджела задумалась. Хотя Майкл владел русским почти свободно, утверждение молодого спеца было спорно, однако все-таки могло содержать истину, так что перепроверить имело смысл. Возможно, агенты не там ищут. Или не то.

– Я свяжусь с моими контактами в посольстве, – пообещала Анджела, – в ближайшее время станет ясно, что это такое.

– Последние сведения, которые поступили буквально несколько часов назад, – сказала Джексон, – касаются Свенсона и Лесенковской. Им каким-то не вполне ясным образом удалось нейтрализовать охрану и сбежать, они скрылись в неизвестном направлении.

– Почему в неизвестном? – Анджела нахмурилась еще больше.

– Наш дрон довольно быстро загасили средствами радиоэлектронной борьбы, – в голосе Джексон послышались оправдывающиеся нотки. – Вести наблюдения в России, особенно в таком городе, как Санкт-Петербург, нелегко, сами понимаете, это ж не Сомали. Естественно, русская военная разведка ведет активный поиск беглецов, так что, возможно, и нам в скором времени станет известно об их местонахождении.

– А что со Сферой?

– По-прежнему блокирована на месте посадки, расположенном в одном из центральных парков города. Власти эвакуируют прилегающие районы, в ближайшие часы ожидаются заявления в прессе.

– Что собираются предпринять?

– Пока неизвестно. Скорее всего, будут пытаться вскрыть сферу.

– Вряд ли у них это выйдет, – предположил Хансен, – по ней гранатометами били, и эффект нулевой.

– Раз они нашли способ загнать сферу в ловушку, то найдут возможность проникнуть внутрь, – голос Никольски прозвучал уверенно, и его тон вызвал у Анджелы нехорошие предчувствия.

– Если им это удастся, – продолжал Хансен, делая ударение на слове «если», – то в их руки попадут такие технологии, которые нам даже не снились.

– Мы не должны этого допустить! – голос Анджелы едва не сорвался на крик.

– Что мы можем сделать?

Анджела немного помолчала и взяла себя в руки, затем поднялась, прошлась по комнате. Остановившись у своего кресла, оперлась локтями на спинку и проговорила:

– Я начинаю готовить возможный план действий и официальные рекомендации президенту. Представление состоится завтра в полдень. План, несомненно, придется согласовать с силовыми ведомствами, но главная рекомендация – уничтожить НЛЮ любой ценой!

– Каким образом? – в голосе Никольски послышался плохо скрываемый сарказм. – Уничтожить неуязвимый объект, да еще на территории противника...

– Вам, мистер Никольски, не стоит об этом беспокоиться. Для подобных заданий существуют соответствующие структуры. Просто выполняйте свою работу.

– Да, мэм, – обиженно буркнул он и устался в стол.

– А что со Свенсоном и Лесенковской? – спросила Джексон.

– Продолжаем искать. Я свяжусь с нашим посольством: вся российская резидентура бросает свои текущие задания и подключается к поискам. Цель – найти и захватить эту парочку, вытрясти из них все, что им известно. Если возникнет высокий риск, что русские спецслужбы доберутся до них раньше, приказ: уничтожить обоих.

* * *

Официант румсервиса вкатил в номер тележку, уставленную блюдами с едой. Затем, придерживая дверь ногой, вкатил еще одну, расположив их рядом друг с другом. Вторая тележка

также ломилась от обилия всевозможной снеди, на нижней подставке стояли два кувшина со свежесжатым апельсиновым соком, а также высокий термос с кофе и миниатюрный кувшинчик со сливками.

– Большое спасибо! – поблагодарила Софья и принялась шарить по карманам платья в поисках мелочи.

Официант испуганно попятился, замахал руками:

– Спасибо, ничего не надо, мне здесь очень хорошо платят.

– Ты уверен?

– Еще бы! – ответил паренек, переступая порог.

С этими словами он исчез, а дверь захлопнулась. Администратор оказался все-таки прозорливым управленцем, молодец!

Эрик прикатил обе тележки в гостиную и расставил тарелки с едой на журнальном столике возле дивана. Номер люкс был просторным, светлым и утопал в роскоши, а вот обеденного стола дизайнеры почему-то не предусмотрели.

– Ну, – сказал он, потирая ладони в предвкушении обильного завтрака, – начнем!

Пока ждали заказ, они успели по очереди сбегать в душ и немного отдохнуть. Голод, прежде забитый стрессом и погоней, воспрял с новой силой. Только теперь, после нескольких утомительных минут ожидания румсервиса, Эрик и Софья смогли наконец погрузиться в пучину гастрономической вакханалии.

– Между прочим, – произнес Эрик с набитым ртом, – кое-кто обещал перестать жрать и сесть на диету.

– Ага, – хохотнула Софья, отправляя в рот очередной кусок ветчины, – мало ли что я на тебе обещала.

Она захохотала одной ей понятной шутке, потом добавила:

– Вот поднимем человечество на Лейм, тогда и на диету можно сесть.

– Кстати, о Лейме, – Эрик посерьезнел, – я сделал несколько попыток связаться с материнской капсулой – ничего не выходит.

Софья промолчала, но лицо ее помрачнело, в глазах мелькнуло беспокойство. Некоторое время они ели и пили молча. Потом она сказала:

– Я только что сделала три попытки соединиться, и всякий раз получала один и тот же ответ...

– «Канал связи недоступен»?

– Ага... Что случилось? Они же не могли просто взять и бросить нас здесь...

– Разумеется, нет. – Эрик промокнул губы салфеткой, налил себе еще сока. – Есть у меня одна догадка, сейчас проверю...

Он на несколько минут замолчал, контактируя с чипом, посылая запросы и получая ответы. Вдруг нахмурился, даже побледнел. Поставив стакан с соком на стол, откинулся на спинку кресла и произнес тревожно:

– Похоже, мы влипли...

– Это я уже заметила. Что с Леймом?

– Канал перекрыт, потому что зонд заблокирован сверхсильными гравитационными волнами. Видимо, он, помимо прочего, является еще и ретранслятором связи между нашими чипами и капсулой.

Софья замерла, посылая собственные запросы, через несколько минут невесело усмехнулась:

– Мы влипли гораздо больше, чем ты думаешь.

– А что, можно еще больше? – Эрик пытался иронизировать, однако ощущал, что душа медленно, но верно погружается в липкую трясиину тревоги и страха. По спине пробежал неприятный холодок, во рту пересохло.

– Зонд, – мрачно объяснила Софья, – подзаряжал наши чипы, а через них и боты. Теперь мы на автономном питании. Источник беспроводной зарядки также заблокирован.

– Точно! Вижу сообщение: энергии в чипе осталось на восемьдесят четыре процента.

– Блин, твою мать! – Софья шлепнула себя по коленям. – Что теперь делать? Сколько еще мы так протянем, на батареях и метаболитах?

– Без понятия... – Эрик задумчиво поскреб свежесбривший подбородок. – Полагаю, зависит от того, как будем использовать. Придется экономить. Но экономия – не выход, надо вытаскивать зонд.

– О господи... – Софья всплеснула руками. – Как?

Эрик пожал плечами. Ему пришла в голову еще одна возможная проблема: неизвестно, как долго зонд, пойманный в ловушку, будет в состоянии поддерживать жизнедеятельность погруженных в гибернацию людей. И как перенесет человеческий организм состояние искусственного сна, продлившееся дольше, чем запланировано?

Черт возьми, что же делать? Как освободить зонд?

Эрик встал и подошел к окну, из которого открывался великолепный вид на центральную часть одного из красивейших городов мира. Изумительная архитектура, прямые широкие улицы, красиво одетые люди, прекрасные парки... и где-то в одном из этих парков застыл, пойманный в ловушку, словно муха в янтаре, посланник иных миров. Миров невообразимо далеких и невероятно развитых, готовых даровать человечеству возможность взлететь на вершину Олимпа и достичь невиданного доселе прогресса и благоденствия. Разумы с иных миров, светлые и чистые в своих помыслах, преодолели миллионы световых лет и достигли Земли, чтобы встретить лицом к лицу тупую злобную обезьяну с дубиной в руках.

Эрик вздохнул, ощутив навалившуюся усталость. Отошел от окна, обратился к Софье:

– Знаешь, что-то башка не варит. Давай отдохнем, а? А после решим, что делать...

– Прочел мои мысли, – отозвалась она из кресла.

Они направились в спальню, большую часть которой занимала огромная кровать. В изголовье, обитом чистой кожей, отсвечивал бликами небольшой пульт управления, кнопки и рычажки которого, судя по миниатюрным иконкам, могли менять положение, наклон и изгиб кровати, а также управляли телевизором, кондиционером и освещением в комнате.

Софья скинула покрывало и принялась расстилать постель, а Эрик направился в третью комнату, которая задумывалась как детская или кабинет. Там стоял письменный стол, а рядом односпальная кровать, напротив которой на стене висел малоформатный телевизор.

– Располагайся в спальне, а я в этой комнатке лягу, – предложил он. – Места в номере люкс все-таки побольше, чем на капсуле, можно и не тесниться.

Софья посмотрела как-то странно, потом отвела взгляд и принялась усердно взбивать подушку. Не глядя на него, бросила по ментальной связи:

«Может, здесь останешься? Мне как-то страшно одной... пожалуйста...»

Эрик замер на пороге, развернулся и подошел к двуспальной кровати.

«Не вопрос, если я тебя не смущаю. На этом царском ложе места точно хватит. – После паузы добавил: – Но смотри у меня, даже не думай!»

– Да иди ты, – засмеялась и вслух ответила Софья, но отвернулась чтобы скрыть пунцовые щеки.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сандра стояла и смотрела на него долго, пристально, будто пыталась загнипотизировать. Пялилась не мигая, неподвижно, отчего казалась похожей на изваяние. А может, и была изваянием? Но нет, она шевелится, умеет даже ходить. Вот она приближается вплотную, ее твердые груди упираются в него горячими сосками; она заглядывает ему в глаза, словно хочет прочесть

мысли, которые бегают где-то там глубоко внутри, за глазами. Ее лицо так близко, он ощущает горячее дыхание на своих губах, ее кудри щекочут ему щеки, глаза, ноздри. Он пытается убрать их, чесотка просто сводит с ума, терпеть нет сил, но руки не двигаются, все тело, как вата. Лицо горит от нестерпимой щекотки; кажется, что кончики волос сверхтонкими червями проникают в каждую пору и прогрызают себе ходы вглубь, к самому мозгу, к сознанию, в самую его сущность...

* * *

Эрик вздрогнул и проснулся, но щекотка не прошла. Он провел рукой по лицу, смахнул копну Софьиных волос. Она еще спала, лежала совсем рядом, чуть ли не вплотную. Эрик обнаружил, что едва не падает с кровати, повис на самом краю. Было бы комично упасть с такого огромного ложа.

В комнате царил полумрак, слабый отсвет закатного солнца пробивался сквозь щели небрежно задернутых гардин. Часы на телевизоре, прикрепленном к стене напротив, тускло светили зеленым и показывали 19:48. Наступил вечер, но было так тихо и уютно, и не хотелось вставать, не хотелось никуда идти. Просто лежать в теплой постели, слушать мерное сопение под боком и, возможно, заснуть вновь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.